

Министерство образования и науки Российской Федерации
Федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение высшего
образования
«Пермский государственный
гуманитарно-педагогический университет»

**ТРУДЫ
КАМСКОЙ
АРХЕОЛОГО-ЭТНОГРАФИЧЕСКОЙ
ЭКСПЕДИЦИИ**

Выпуск XI

**Противоаварийные исследования памятников
археологии Пермского края**
Сборник научных трудов

Пермь
ПГГПУ
2016

УДК 902
ББК Т4(2РОС36-4ПЕР)
Т 782

Т 782 **Труды Камской археолого-этнографической экспедиции. Вып. XI:** противоаварийные исследования памятников археологии Пермского края: сб. науч. тр. / под общ. ред. Н.Б. Крыласовой; Перм. гос. гуманитар.-пед. ун-т. – Пермь, 2016. – 128 с.: ил. и табл.

ISBN 978-5-85218-862-5

Настоящим выпуском продолжается серия научных изданий ПГГПУ «Труды Камской археолого-этнографической экспедиции», в которой публикуются новые материалы и исследования по археологии, древней и средневековой истории, этнографии, фольклористики, ономастики Пермского края и сопредельных территорий. Настоящий сборник знакомит читателя с результатами многолетних противоаварийных исследований КАЭЭ ПГГПУ, проводимых в соответствии с положениями государственной программы Пермского края «*Культура Пермского края*».

Сборник может быть полезен студентам-историкам, учителям, краеведам, музейным работникам.

УДК 902
ББК Т4(2РОС36-4ПЕР)

Редакционная коллегия:

д-р ист. наук проф. *А.М. Белавин*; д-р ист. наук проф. *Н.Б. Крыласова*;
канд. ист. наук доц. *Е.Л. Лычагина*; канд. ист. наук, доц. *Ю.А. Подосенова*;
канд. ист. наук, доц. *А.Н. Саранулов*

Печатается по решению редакционно-издательского совета
Пермского государственного гуманитарно-педагогического университета

ISBN 978-5-85218-862-5

© Коллектив авторов, 2016
© НПЕ «Афкула», оформление и макет, 2016
© Пермский государственный гуманитарно-педагогический университет, 2016

Белавин А.М., Голдобин А.В.

(Пермский государственный гуманитарно-педагогический университет, Пермь)

ПРОТИВОАВАРИЙНЫЕ АРХЕОЛОГИЧЕСКИЕ ИССЛЕДОВАНИЯ КАЭЭ ПГГПУ

Противоаварийные (охранные) археологические раскопки памятников разрушающихся в результате активного антропогенного давления и, в особенности, от рук археологических грабителей («черных археологов») имеют важное значение для сохранения историко-культурного наследия народов России. Эти исследования в Пермском крае в настоящее время включены в государственную программу региона «Культура Пермского края» и являются своеобразным «брендом» культуры и гуманитарной науки региона.

Ключевые слова: Пермский край, археология, «черные археологи», охранные исследования

Belavin A. M., Goldobin A. V.

(Perm State Humanitarian Pedagogical University, Perm)

ANTI-DAMAGE ARCHAEOLOGICAL RESEARCH OF PSHPU KAEЕ (KAMA ARCHAEOLOGICAL ETHNOGRAPHICAL EXPEDITION)

Anti-damage (protective) archaeological excavations of the monuments destroying as a result of active anthropogenic pressure and, in particular, at archaeological robbers' hands ('black archeologists'), are important for preservation of historical and cultural heritage of the peoples of Russia. This research in Perm krai is now included in the state programme of the region 'Perm krai Culture' and is a kind of 'brand' of culture and the humanities in the region.

Key words: Perm krai, archeology, 'black archeologists', protective research

Пермский край один из богатейших регионов России в отношении объектов археологического наследия. За почти 200 лет археологического изучения региона здесь открыто более двух тысяч археологических памятников всех эпох от палеолита до периода русской колонизации и строительства первых русских городов.

Значение археологического наследия для понимания тайн нашей истории прекрасно пониманию не только профессионалы, но все образованные граждане. Однако общество в целом слабо представляет себе особую хрупкость археологических памятников. Ведь памятник архитектуры, поврежденный или разрушенный, при приложении интеллектуальных и финансовых ресурсов можно восстановить так, что он практически ничем не будет отличаться от того, каким он был до разрушения. Достаточно вспомнить насколько точно были восстановлены архитектурные объекты российских и европейских городов пострадавших во время второй мировой войны. А вот с археологическим памятником такого фокуса проделать не удастся, как бы ни старались

профессиональные археологи и реставраторы. Увы, исторические слои при их разрушении исчезают и не восстанавливаются. Впрочем, профессионалам, а сборник этот для распространения исключительно в профессиональной среде, всё ясно.

Археологические памятники в Пермском крае разрушаются по разным причинам: от естественных процессов, до безобразия со стороны строителей дорог, нефтепровод и разных иных объектов. Причем археологам, когда они бьют тревогу, заявляют типа: «Вы что хотите лишить газа жителей» или «Почему вы препятствуете строительству автотрассы – ведь это государственное важнейшее дело». При этом нашим чиновникам, как правило, не вдомек, что охрана памятников истории это так же государственное дело и гораздо более важное, чем строительство трассы газопровода или автодороги. Эти последние можно перенести, передвинуть и не строить по территории памятника, а памятник не передвинешь, в процессе строительства он частично или полностью будет уничтожен. И вообще эти разговоры, которые зачастую звучат в кабинетах чиновников Пермского края, очень напоминают старую историю про спор Правительства Марийской АССР с министерством гражданской авиации СССР то, что неправильно расположено: взлетная полоса аэропорта по отношению к городу Йошкар-Ола или город Йошкар-Ола по отношению к взлетной полосе. Археологические памятники, как и Йошкар-Ола, возникли еще в то время когда современных строителей, чиновников и архитекторов не только в плане не было, но их рождение даже не предполагалось теми людьми, которые 500 или 10000 лет назад устраивали здесь свои поселения и кладбища, для дорогих сердцу соплеменников.

С момента создания КАЭЭ её силы были брошены на раскопки исключительно разрушающихся или частично разрушенных объектов археологического наследия. Так КАЭЭ на деньги из программы «Культура России», бюджета Коми-Пермяцкого автономного округа или за счет средств учебной практики и хоздоговоров предпринимала исследования разрушенного дорожниками Купросского городища, уничтоженного на 90% дорожниками Городищенского городища, разрушенного строительством водозаборной станции селища и могильника Телячий Брод, поврежденного организаторами молевого сплава леса Усть-Сылвенского городища, разрушаемого застройкой Важгортского могильника, размываемого водохранилищем и разграбляемом местными жителями могильнике Питер (Степаново плотбище) и т.п.

Первые результаты противоаварийных работ были опубликованы в 1988 г. в небольшой книжке, выпущенной Музеем истории р. Чусовой (СКЦ «Огонек») (Белавин и др., 1988). Работы на разрушающихся памятниках приносили иной раз необычные результаты. Так при раскопках Усть-Сылвенского городища раннего железного века в слое, разрушенном лесной биржей, было обнаружено и исследовано небольшое путевое святилище ломоватовского времени (Голдобин и др., 2016)

Однако все беды, которые испытывали на себе археологические памятники региона, померкли по сравнению с той бедой, которая обрушилась на пермскую и российскую археологию во второй половине 90-х годов прошлого века. Имя этой беды «грабительские или браконьерские» раскопки, точнее активное ограбление археологических памятников торговцами древностями, или еще точнее – бандитами и разбойниками, практически государственными преступниками, которые, однако, считают себя романтиками-кладоискателями, борцами с официальной наукой, «которая лжет» и поборниками либеральной свободы

обращения с нашим общим историческим наследием. На самом деле это дельцы, фактически воры, запускающие свои руки в нашу общую государственную казну, где археологические памятники и древние предметы составляют часть общенационального богатства. Волна браконьерских раскопок буквально затопила Россию, в том числе и Пермский край, бросив на прилавки антикварных магазинов сотни археологических предметов, большинство из которых уникальны. «Варварская добыча древностей превратилась в хорошо организованный прибыльный промысел, в который вовлечены сотни людей» (Макаров, 2004, с. 14).

Прикамье с «черными археологами» столкнулось в середине 1990-х годов и даже несколько ранее. В газетах Коми-Пермяцкого округа стали появляться объявления на тему «покупаем старинные вещи» с иллюстрациями – изображениями шумящих подвесок, предметов пермского звериного стиля – наглядно демонстрирующим читателям что надо собирать и информацией где можно найти подобные предметы. На Гляденовском костыше, Огурдинском могильнике регулярно ловили людей с лопатами и первыми металлоискателями, которые якобы копали червей или шли рыбачить с электроудочками. Древние вещи появились на развалах пермской «барахолки», стали продаваться в первых антикварных магазинах.

Как показывают результаты регулярного мониторинга к настоящему времени практически все известные средневековые могильники Пермского края ограблены. Подбираются археологические разбойники и к некоторым поселениям (см. статьи С.И. Абдуловой и А.Н. Сарапулова в настоящем сборнике). Удивительно, что даже сейчас, когда ужесточены законы об охране памятников и уголовный кодекс¹, определенная часть памятников археологии внесена в государственный реестр и есть возможность не просто выгонять «черных археологов» с археологических памятников, но и конфисковывать награбленное и

¹ Статья 243.2. УК РФ

Незаконные поиск и (или) изъятие археологических предметов из мест залегания

1. Поиск и (или) изъятие археологических предметов из мест залегания на поверхности земли, в земле или под водой, проводимые без разрешения (открытого листа), повлекшие повреждение или уничтожение культурного слоя, -

наказываются штрафом в размере до пятисот тысяч рублей или в размере заработной платы или иного дохода осужденного за период до восемнадцати месяцев, либо исправительными работами на срок до одного года, либо лишением свободы на срок до двух лет.

2. Те же деяния, совершенные в границах территории объекта культурного наследия, включенного в единый государственный реестр объектов культурного наследия (памятников истории и культуры) народов Российской Федерации, или выявленного объекта культурного наследия, -

наказываются штрафом в размере до семисот тысяч рублей или в размере заработной платы или иного дохода осужденного за период до двух лет либо лишением свободы на срок до четырех лет.

3. Те же деяния, совершенные:

а) с использованием специальных технических средств поиска и (или) землеройных машин;

б) лицом с использованием своего служебного положения;

в) группой лиц по предварительному сговору или организованной группой, -

наказываются штрафом в размере до одного миллиона рублей или в размере заработной платы или иного дохода осужденного за период до пяти лет, либо лишением права занимать определенные должности или заниматься определенной деятельностью на срок до пяти лет, либо принудительными работами на срок до пяти лет, либо лишением свободы на срок до шести лет.

грабительское снаряжение и доводить дела грабителей до суда правоохранительные органы в нашем крае практически бездействуют. Хотя известен положительный прошлый опыт борьбы российской полиции с археологическими грабителями и в России и в Пермской губернии. В начале 20 века Императорская археологическая комиссия (ИАК) через министра двора графа Фредерикса обратилась к министру внутренних дел, чтобы тот дал полиции команду начать борьбу с «бугровщиками» и другими грабителями. За несколько лет ситуация была в корне изменена. В Пермской губернии по просьбе ИАК губернатором была даже объявлена благодарность полицейскому уряднику Лавру Егоровичу Короваеву, проживающему в с. Рождественск, *«за ревностную охрану им местных городищ от незаконных раскопок»* (Белавин, Крыласова, 2008, с. 20).

Для археологов источниками информации о древних обществах и культурах служат не столько сами вещи, сколько контекст археологического памятника, связь древних предметов с определенными постройками, сооружениями, погребениями. Сочетания различных предметов в древних могилах и культурном слое поселений служат основанием для датировки и определению культурной (этнической) принадлежности поселений и погребений, находки привозных вещей раскрывают направления торговых путей и этнокультурных связей, место данной территории в определенное время в общем «концерте» мировой культуры. Булгарские дирхемы, найденные на Средней Волге и в Предуралье, для торговца древностями имеют одинаковую стоимость, но для археолога одна из них – свидетельство обычного денежного обращения в Волжской Булгарии, а вторая — уникальное отражение торговых и культурных контактов волжских булгар с финно-угорским населением нашего региона. После обработки материалов раскопок и публикации результатов исследования эта информация открыта для каждого, интересующегося прошлым. «Грабительские раскопки разрушают саму возможность получения нового исторического знания. После них остаются груда беспаспортных древних вещей, место и обстоятельства находки которых неизвестны, и "очищенные" от находок поселения и могильники, исследование которых уже не раскроет картины прошлого во всей ее полноте» (Макаров, 2004, с. 22).

Именно поэтому необходимо сохранение культурных слоев археологических объектов от любого незаконного, ненаучного вмешательства. Не только от археологических грабителей, но и от строителей, нефтяников и, даже, аграриев (так культурный слой Филипровского городища в Карагайском районе полностью уничтожен при сооружении на площадке городища silosных траншей). Именно поэтому систематические противоаварийные археологические исследования крайне необходимы.

История систематических противоаварийных раскопок в Пермском крае берет свое начало с истории, связанной с одним из известнейших памятников эпохи средневековья – Баяновским могильником. Этот могильник 11 сентября 2004 в ходе мониторинга был осмотрен В.В. Ильиных сотрудником КАЭ ПГУ. Были обнаружены следы грабительских раскопок площадью около 1500 м². Всего было насчитано 52 свежие грабительские ямы и более 40 старых глубиной от 20 до 60 см. На поверхности грабительских ям был собран подъемный материал – около 200 находок. По данному факту были опрошены местные жители и составлен акт с председателем сельского совета Безматерных Виктором Фёдоровичем. Как пояснил местный житель – водитель сельского совета Якушев Николай Николаевич на памятнике производились раскопки неизвестными 9-10

сентября 2004 года, приехавшими на двух машинах. Как выяснилось, это был не первый приезд «чёрных археологов» из Москвы.

9 мая 2005 года группа «чёрных археологов» на автомобиле с московскими номерами вновь посетила памятник, но были остановлены группой археологов КАЭЭ ПГГПУ посетивших могильник в этот же день в ходе мониторинга. В августе 2005 г. Областным центром охраны памятников истории и культуры были выделены небольшие средства и на могильнике начаты работы КАЭЭ ПГГПУ под руководством А.В. Данича. В 2006 г. Областным центром охраны памятников вновь были выделены средства на продолжение работ на Баяновском могильнике, а с 2007 г. противоаварийные исследования в крае значительно расширяются и Министерством культуры и молодежной политики проводятся конкурсы и заключаются контракты с ПГГПУ и ПГУ на противоаварийные раскопки Чазевского, Плотниковского, Баяновского, Залазненского, Деменковского, Сартаковского, Амборского могильников и поселения Кататыб.

В Пермском крае, что выгодно отличает его от большинства регионов Российской Федерации, сложилась система противоаварийных археологических исследований. В государственной программе Пермского края «Культура Пермского края»² сформулирована Подпрограмма 4 «Сохранение, использование, популяризация и государственная охрана объектов культурного наследия (памятников истории и культуры), расположенных на территории Пермского края», где помимо иных мероприятий, предусмотрено проведение ежегодных охранных раскопок на 9 разрушающихся объектах археологического наследия.

КАЭЭ ПГГПУ проводила охранные исследования, финансируемые Пермским краем, на Рождественском, Чазевском, Митинском, Плотниковском, Телячий Брод, Баяновском могильниках, Калинском селище, Купросском Саломатовском городище. Материалы, полученные во время этих раскопок частично представлены в фондах и экспозициях Коми-Пермяцкого и Пермского краеведческих музеев, выставлялись в Ильинском краеведческом музее, на выставочных экспозициях во время Мусульманских и Музейных форумов, в Музей науки и техники в г. Перми, представлены в экспозиции Музея археологии и этнографии ПГГПУ. В ходе исследований проводились беседы и экскурсии с жителями Кудымкарского, Карагайского и Добрянского районов. Промежуточные результаты противоаварийных раскопок неоднократно публиковались (см. Приложение 1). Данный сборник продолжает традицию публикаций результатов противоаварийных работ на памятниках Пермского края.

Литература:

Голдобин и др., 2016 – Голдобин А. В., Мельничук А. Ф., Перескоков М. Л., Чурилов Э. В. Раннесредневековый культовый комплекс городища Усть-Сылва // Вестник Пермского университета. Серия история. 2016. Вып. 1 (32). С. 42-53.

Белавин и др., 1988 – Белавин А.М., Голдобин А.В., Крыласова Н.Б., Ленц Г.Т., Терехин А.А., Милиаскарова А.Г. Археологические памятники бассейна реки Чусовой. Чусовой: СКЦ "Огонек", 1988. 64 с., илл.

² Постановление Правительства Пермского края от 3 октября 2013 года № 1317-п об утверждении государственной программы пермского края "культура пермского края"

Макаров, 2004 – Макаров Н.А. Грабительские раскопки как фактор уничтожения археологического наследия России // Сохранение археологического наследия России: материалы «круглого стола» в Совете Федерации. М. 2004. С. 13-24.

Белавин, Крыласова, 2008 – Белавин А.М., Крыласова Н.Б. Древняя Афула: археологический комплекс у с. Рождественск. Пермь: ПФ ИИиА УрО РАН, 2008. 603 с.

Приложение 1.

Список

публикаций по материалам противоаварийных раскопок КАЭЭ ПГГПУ

Абдулова С.И. Охранные раскопки Саламатовского I городища в 2011 году // Труды Камской археолого- этнографической экспедиции. Вып. VIII: Археологические памятники Поволжья - современные исследования, проблемы сохранения и музеефикации. Пермь: ПГПУ, 2012. С.391-402.

Абдулова С.И., Крыласова Н.Б., Сарапулов А.Н. Редкие и уникальные изделия из кости и рога (по материалам раскопок городищ Пермского края 2008-2010 гг.) // Казанская наука. №9. 2012. С.14-26

Белавин А.М., Брюхова Н.Г., Крыласова Н.Б. Погребение 7 позднесредневекового Плотниковского могильника // Российская археология. №2, 2012, М.: Наука, с.127-133

Белавин А.М., Данич А.В., Иванов В.А. Древние мадьяры в Предуралье // Венгры: древняя история и обретение родины: на- уч.-попул. Изд. /И. Фодор - Пермь: Типография «Зёбра». 2015. С. 101-128.

Белавин А.М., Крыласова Н.Б. Комплексы орудий в мужских захоронениях ломоватовской культуры как отражение основных хозяйственных и производственных занятий населения // Вестник Челябинского государственного университета. 2015. № 6 (361). С. 16-27

Белавин А.М., Крыласова Н.Б. Материальная культура Предуралья X-XI вв.: вопросы хронологии // Археология Севера России: от эпохи железа до Российской империи. Материалы всероссийской научной археологической конференции. Екатеринбург-Сургут: Магеллан, 2013. С.77-85

Белавин А.М., Обороин В.А., Сарапулов А.Н. Городище Купрос: итоги полевых исследований // Труды Института языка, истории и традиционной культуры коми-пермяцкого народа / Ред. кол.: А.Н. Сарапулов (отв. ред.), А.М. Белавин и др. Выпуск IX. Историческое и культурное наследие села Купрос /колл. авторов; Перм. гос. гум.-пед. ун-т. Пермь, 2012.

Брюхова Н.Г. Антропологический материал Плотниковского могильника // XVIII Уральское археологическое совещание: культурные области, археологические культуры, хронология: материалы XVIII УАС.Уфа: Изд-во БГПУ, 2010. С 271-274

Брюхова Н.Г. Итоги раскопок Плотниковского могильника в Кудымкарском районе Пермского края // Археологические открытия 2010-2013 гг. М., 2015. С.458

Брюхова Н.Г. Существование археологического памятника в контексте истории (на примере Плотниковского могильника) // Труды IV (XX) Всероссийского археологического съезда в Казани. Том V Казань: Отечество, 2015. С. 118-120

Брюхова Н.Г., Лычагина Е.Л. Плотниковский могильник: история изучения и особенности памятника // Музей: новые возможности развития. Материалы межрегион. научно-практ. конф. Кудымкар, 2011. С. 169-173

Брюхова Н.Г., Подосёнова Ю.А. Перстни «булгарского» типа из материалов Плотниковского могильника родановской археологической культуры: техника изготовления // Известия Самарского научного центра Российской академии наук, т.17, №3, 2015 г. С.305-311

Брюхова Н.Г., Подосёнова Ю.А., Крыласова Н.Б. Ювелирные изделия Плотниковского могильника родановской археологической культуры (по материалам раскопок 2011-2013 гг.) // Вестник Пермского университета. Серия "История". Выпуск 1 (28), 2015 г. С.114-131

Брюхова Н.Г. Антропологическое исследование Плотниковского могильника // Археологические экспедиции: новейшие достижения в изучении историкокультурного наследия Евразии: материалы всероссийской научной конференции, посвященной 35-летию КВАЭ. Ижевск, 2008г. С. 419-423

Бубнова Р.В. Культурное своеобразие керамического комплекса Саламатовского I городища //Международная полевая школа в Болгаре. Сборник материалов итоговой конференции. Вып. 2. Казань, Болгар, 2015. С 34-37

Данич А.В. Монеты Бояновского могильника // Вестник музея археологии и этнографии Пермского Предуралья. Выпуск 2. Пермь: ПГПУ. 2008 Стр. 16-18.

Данич А.В. Погребение 51 Бояновского могильника (обряд кремации // Археологическая экспедиция: новейшие достижения в изучении историко-культурного наследия Евразии: Материалы Всероссийской научной конференции посвященной 35-летию со времени образования Камско-Вятской археологической экспедиции. Ижевск: УдГУ. 2008. С. 460-464.

Данич А.В. Поясные накладки Питерского (Степаново Плотбище) могильника // Поволжская археология. Вып.№1 (3). 2013. С. 181-196.

Данич А.В. Раскопки Бояновского могильника // Археологические открытия 2009 г. М: Наука. 2013. -С. 222.

Данич А.В.. Охранные исследования Бояновского (Баяновского) могильника // Труды Камской археолого- этнографической экспедиции. Вып. V. Пермь: ПГПУ, 2008. С. 45-53.

Данич, А.В., Крыласова, Н.Б. Новый пояс «Византийского круга» из средневекового Баяновского могильника в Пермском крае // Археология, этнография и антропология Евразии. Вып. №3 (59). 2014. С. 87-94.

Крыласова Н. Б., Белавин А. М.. Раскопки Рождественского археологического комплекса в 2010-2012 гг. // Археологические открытия 2010-2013 гг. Ежегодник. М.: ИА РАН. 2015. С.499

Крыласова Н.Б. К вопросу о происхождении вязания на спицах на территории России // III Северный археологический конгресс. Тезисы докладов. - Екатеринбург-Ханты- Мансийск: Изд. дом "ИздатНаукаСервис", 2010. С.260-261

Крыласова Н.Б. О первой находке фрагмента вязанного изделия в Пермском Предуралье // Вестник Музея археологии и этнографии Пермского Предуралья. Вып. 3. Пермь: ПГПУ, 2010. С.7-12

Крыласова Н.Б. Поясные сумки X-XI вв. (по материалам раскопок Рождественского могильника в 2008-2010гг.) // Труды Камской археолого-этнографической экспедиции. Вып. VIII: Археологические памятники Поволжья - современные исследования, проблемы сохранения и музеефикации. Пермь: ПГПУ, 2012

Крыласова Н.Б. Флаконовидные пронизки-игольники прикамского типа // Славянорусское ювелирное дело и его истоки. Материалы Международной научной конференции, посвященной 100-летию со дня рождения Г. Ф. Корзухиной. С-Пб: ИИМК РАН. Из-во: «Нестор-История». 2010. С.210-215

Крыласова Н.Б. Хронологические особенности материальной культуры X-XI вв. (по материалам Рождественского могильника в Пермском крае) // Вестник Пермского университета. Серия: История. 2013. № 1 (21). С. 104-115

Крыласова Н.Б., Подосенова Ю.А. Поясной набор с чернью из Рождественского могильника X-XI вв. // Вестник Музея археологии и этнографии Пермского Предуралья. Вып 3. Пермь: ПГГПУ, 2015. С.21-27

Крыласова Н.Б., Подосенова Ю.А. Ювелирные техники на территории Верхнего Прикамья в эпоху средневековья // Казанская наука. 2013. № 5. С. 27-34

Юрков И.А. Ювелирные инструменты из раскопок Саламатовского I городища (VIII-XIII вв.) // Вестник ПГГПУ. 2014, серия № 3, вып. 1. С. 16-23

Юркова Е.В. Комплекс керамической посуды городища Саламатово I (по материалам археологических раскопок КАЭЭ 2011 г.) // Труды Камской археолого-этнографической экспедиции. Вып. VIII: Археологические памятники Поволжья - современные исследования, проблемы сохранения и музеефикации. Пермь: ПГПУ, 2012. С. 351-359

Абдулова С.И.

(Пермский государственный гуманитарно-педагогический университет, Пермь)

ПРОТИВОАВАРИЙНЫЕ ИССЛЕДОВАНИЯ САЛАМАТОВСКОГО ГОРОДИЩА

Городище Саломатово I относится к числу наиболее значимых памятников эпохи средневековья Пермского Предуралья. Статья посвящена описанию материалов, полученных в ходе охранных раскопок памятника 2011-2015 гг. На основании полученных материалов уточнена датировка памятника – VIII-начало XIV вв., уточнена его культурная принадлежность: памятник относится к юго-восточному варианту ломоватово-родановской общности. Собранная коллекция свидетельствует об активной хозяйственной деятельности населения, для которого было характерно ведение комплексного хозяйства. Оставленные орудия свидетельствуют о наличии пашенного земледелия, охоты, рыболовства. Особый интерес представляет большое количество материалов, свидетельствующих о развитии черной и цветной металлургии и металлообработки.

Ключевые слова: Саломатово I, средневековье, Пермское Предуралье, ломоватовская культура, родановская культура, охранные раскопки

Abdulova S. I.

(Perm State Humanitarian Pedagogical University, Perm)

ANTI-DAMAGE RESEARCH OF SALOMATOV SETTLEMENT

Salomatovo I settlement is one of the most significant monuments of the Middle Ages of Perm Cis-Urals. The materials, received in the course of protective excavation of the monument in 2011-2015, are described in the article. Monuments dating is defined on the basis of received materials – the 8th – the beginning of the 14th centuries, its cultural identity is defined: the monument belongs to the south-eastern variant of lomovatovo-rodanovo community. Gathered collection indicates active household activity of population for which housekeeping was typical. Abandoned tools indicate presence of plow farming, hunting, fishing. Great number of materials, indicating the development of ferrous and non-ferrous metallurgy and metal working, are of great interest.

Key words: Salomatovo I, the Middle Ages, Perm Cis-Urals, lomovatovskaya culture, rodanovskaya culture, protective excavation

Городище Саломатово I расположено на правом берегу реки Усьва, в окрестностях деревни Саломатово Верхне-Калинского сельского поселения Чусовского района. Городище входит в группу памятников, образующих так называемый юго-восточный вариант ломоватово-родановской общности.

Площадка памятника расположена на высоком (до 30 м.) мысу подпрямоугольной формы. Общая площадь городища – около 10 000 кв. м. С напольной (западной) стороны площадка городища укреплена тремя валами, с юга и севера площадка ограничена крутыми склонами логов, с востока – отвесным берегом реки. Площадка городища имеет многочисленные повреждения от грабительских вкопов, ям поздних сооружений (монастырь XVIII-XX вв., от которого остались разрозненные следы фундамента). Склоны логов, а также северная, южная и восточная части городища задернованы и залесены, но приречная сторона площадки оползает в результате подмывания берега рекой Усьвой.

Саломатовское I городище известно с XIX века, впервые оно было осмотрено М.В. Талицким в 1935 г., им на площадке городища было заложено два шурфа, собран материал, позволивший отнести памятник к кругу чепецких

памятников X-XII вв. В 1964 году на городище производил работы В.А. Оборин, им была вскрыта площадь в 120 кв.м., на основании полученных материалов В.А. Оборин датировал памятник IX-XII вв. и отнес его нижний слой к родановской культуре, а верхний – к сылвенской культуре, обосновав, таким образом, смену населения Чусовой с финноязычного на угроязычное. В 1986 г. работы на городище производились под руководством А.М. Белавина, им была вскрыта площадь 180 кв. м. На основании полученных материалов А.М. Белавин датировал городище XI-XIII вв. и отнес его к локальному варианту родановской культуры. В 2011-2015 гг. работы на городище производились под руководством Абдуловой С.И. в рамках программы противоаварийных археологических исследований на разрушающихся археологических памятниках Пермского края в рамках государственной программы «Культура Пермского края».

За период охранных раскопок 2011-2015 гг. вскрыта площадь 464 кв.м., изучен ряд сооружений производственного характера, производственные и бытовые ямы, а также собрана значительная коллекция хозяйственного и производственного инструментария, предметов быта, украшений и деталей костюма. Данная статья посвящена описанию коллекции материальной культуры из раскопок 2011-2015 гг.

Хозяйственный и производственный инструментарий

Сельскохозяйственные орудия

Орудия переработки урожая. *Жернова* (рис.1/2). Обнаружены два фрагмента нижнего жернового диска диаметром – 37,5 см, диаметр сквозного отверстия – 7 см. Изготовлены из крупнозернистого песчаника серого цвета. Диск имеет явную сработанность с небольшим углублением вокруг сквозного отверстия. Аналогии представлены на многих средневековых памятниках Пермского Предуралья. Аналогичные жернова распространились в Пермском Предуралье с XI века в связи с переходом к пашенному земледелию. В связи с перечислением орудий земледелия стоит упомянуть о наличии среди кузнечных заготовок заготовки для ральника.

Предметы животноводства. *Ножницы железные* (2 экз.). Ножницы относятся к типу пружинных, один экз. с прямыми стержнями, один – с перекрученными (рис.1/1). Размеры крупные – длина 24-26 см. Аналогичные ножницы встречаются в основном на памятниках Руси (Колчин, 1959, рис. 46). Принято считать, что такие ножницы использовались для стрижки овец (Белавин, 2008, с. 257), хотя они могли использоваться и для иных целей.

Орудия охоты и рыбной ловли

Наконечники стрел (для удобства все наконечники стрел, включая те, которые представляют собой предметы вооружения, рассматриваются вместе).

Костяные наконечники (53 экз.). Большинство наконечников черешковые, в сечении трехгранные или ромбические, черешки плоские и прямоугольные в сечении (рис.2/1-4). Часть наконечников представляет собой слегка подправленные фрагменты костей, часть – достаточно тщательно изготовленные и заполированные изделия. Аналогичные наконечники имели очень широкое распространение в течении длительного периода времени.

Железные наконечники (20 экз.). Все наконечники черешковые. Представлены наконечники следующих типов:

- Фрагмент двушипного черешкового наконечника без упора (рис.2/5). Аналогичные наконечники были широко распространены с I в. до н.э. до XIV в. н.э. включительно в северной половине европейской части России. Часть этих наконечников, по-видимому, использовалась в охотничьих самострелах.

- ромбовидные наконечники новгородского типа, упор для древка стрелы отсутствует (5 экз.) (рис 2/6). Подобные наконечники широко применялись в северной полосе Восточной Европы до конца XIII века.

- остролистные наконечники (5 экз.) (рис. 2/7). Наконечники с плоским черешком без упора для древка преобладали в северной полосе России. На территории Пермского Предуралья встречаются достаточно широко.

- бронебойный наконечник с массивной боевой головкой ромбовидных очертаний и ромбического сечения, с шейкой (1 экз.) (рис.2/8)

- бронебойный пирамидальный наконечник квадратного сечения с круглой шейкой (2 экз.) (рис.2/9). Подобные наконечники были распространены у народов Поволжья и Северного Кавказа в период XII-XIV вв.

- Ромбовидные с упором и расширением в нижней трети длины пера (2 экз.) (рис. 2/10).

- Килевидный вытянутый наконечник с наибольшим расширением в средней трети длины пера (1 экз.) (рис. 2/11). Аналогичные наконечники были широко распространены на Руси в XII – первой половине XIII в. (до монгольского нашествия) (Медведев, 1966, стр. 63).

- Лавролистный (1 экз.) (рис. 2/12). Такие наконечники появились на рубеже нашей эры в Прикамье и были достаточно широко распространены до позднего средневековья.

- треугольный срезень без упора (1 экз.) (рис.2/13)

- вильчатый, двурогий срезень (1 экз.) (рис.12/14). Двурогие срезни считаются охотничьими и, судя по этнографическим данным, употреблялись для охоты на птиц и мелкую дичь, но они могли использоваться и при боевых действиях (Культура Биляра, 1985. С. 154).

Манки костяные (18 экз.) (рис. 2/15). Все манки имеют одно отверстие, изготовлены, вероятно, из бедренной кости куницы. Манки-пищалки, использовавшиеся при охоте на боровую дичь, широко представлены на многих средневековых поселениях Пермского Предуралья (Рождественское городище, городище Анюшкар). Аналогичные манки широко использовались вплоть до конца XIX века. (Белавин, 2008, с. 258).

Крючки рыболовные (11 экз.) (рис. 2/16-17). Все крючки изготовлены из железа, размеры достаточно крупные – до 6 см. в высоту. Семь экземпляров с бородкой. Сохранившиеся фрагменты не имеют петли для крепления.

Орудия металлообработки

Зубила - режущие инструменты в форме клина (Рис 2/18-19). В основном это прямоугольные в сечении цельнометаллические стержни, имеющие в нижней рабочей части лезвие (жало), в верхней части – площадку для удара молотком. В коллекции присутствуют кузнечные и ювелирные зубила, которые отличаются в основном по размерам. Ювелирные зубила длиной в среднем 3,5-5 см, кузнечные – 9-4 см.

Бородки (2 экз.) с рабочим концом подквадратного сечения в виде стержня, сужающегося книзу, с ударной площадкой сверху (Рис.2/20).

Тигли. Все тигли глиняные, некоторые со следами сплавов, все представлены фрагментарно, большая часть не позволяет реконструировать их форму, за исключением одного фрагмента, который является частью подцилиндрического тигля (диаметр устья около 4,5 см.). Тесто в разломе черного цвета, внешняя поверхность – пористая. Полуцилиндрические тигли небольших размеров известны в Новгороде, Пскове и других древнерусских городах в слоях XII-XIII вв. (Древняя Русь, 1985, с. 262).

Литейные формы:

- фрагмент каменной двусторонней составной литейной формы. (Рис. 2/21) Одна сторона предназначена для отливки шаровидной привески с рубчатым туловом и петель, орнаментированной насечками, в центре петли – сквозное отверстие для стержня. Другая сторона предназначена для отливки кольцевидной накладки. На форме имеется круглое отверстие, возможно для штыря, соединяющего створки. С одной стороны отверстие проходит через отверстие в центре петли шаровидной привески. С одной стороны форма имеет один широкий и два более узких литника, форма использовалась для литья по технологии «навыплеск». Время освоения технологии такого литья точно не определено, однако некоторые исследователи считают, что в Волжской Булгарии это произошло, несомненно, в домонгольский период, обычно его относят к XII веку (Культура Биляра, с. 92).

- каменная литейная форма, составная, предназначена для изготовления ажурной подвески-лапки с полушарными выступами на концах и сплошь покрытой горизонтальными насечками (Рис. 2/22). На этой же стороне формы имеются процарапанные значок, напоминающий ветку. С другой стороны формы намечены контуры для изготовления круглых накладок с перемычкой. Форма имеет два сквозных отверстия для крепления половинок.

- фрагмент каменной формы (рис. 2/23)

Кроме того, о наличии металлообработки свидетельствует и большое количество *отходов, шлаков и кузнечных заготовок*. Особый интерес представляют железные крицы (13 экз.), а также оловянные слитки (3 экз.) в виде колец (RFA-анализ состава показал, что слитки состоят практически из чистого олова).

Орудия деревообработки

Стамески. Обнаружены стамески двух типов: с прямым лезвием без выемки, рабочая часть в сечении прямоугольная, черенок в сечении квадратный (4 экз.) (Рис.2/25) и с выемчатым лезвием, рабочая часть в сечении круглая (4 экз.) (Рис. 2/24).

Резцы (4 экз.) (рис. 27-28). Орудия с заточенными режущими краями.

Тесло (1 экз.). Орудие имеет несомкнутую втулку, и широкое подтреугольное лезвие с отогнутыми краями, благодаря чему лезвие имеет полуовальную форму.

Скоба железная (Рис2/29) двушипная, прямоугольного сечения, длина планки около 5 см., длина шипов – 2,5 см. Скобы подобных размеров использовались в строительстве.

Железные гвозди (50 экз.) и заклепки (49 экз.). Все гвозди кованые, 13 гвоздей имеют крупные размеры (самый крупный длиной 16 см.), остальные имеют средние размеры (4-7 см.). Гвозди квадратные или прямоугольные в поперечном сечении, шляпки овальные, круглые, треугольные или бесформенные. По определению Е.П. Казакова такие гвозди применялись в плотничьем деле и использовались в качестве строительно-крепежных (Казаков, 1991, с. 66). Кроме того, обнаружен один «костыль» длиной около 11 см., поперечное сечение круглое, шляпкой служит загнутый конец стержня.

Универсальные орудия

Ножи железные Обнаружено 56 ножей и фрагментов, сохранность которых позволяет установить их форму. Все ножи с прямой или чуть опущенной к острию спинкой. Лезвия ножей в сечении клиновидные.

- с четким переходом от черешка к клинку со стороны спинки и лезвия (45 экз.) (Рис 2/30),

- без четкого перехода от черенка к клинку, со стороны спинки – плавный переход (8 экз.) (Рис. 2/31)

- без четкого перехода от черенка к спинке клинка, со стороны лезвия – прямой или плавный переход (1 экз.)

- без перехода от черенка к клинку (2 экз.)

Кроме того, обнаружено большое количество фрагментов, не позволяющих установить форму ножа.

Шилья (7 экз.): (11).

- шило в виде прямого стержня, слегка сужающегося в сторону рабочей части, сечение – прямоугольное (1 экз.) (Рис. 2/32)/

- шилья в виде стержня, расширяющегося в центральной части, рабочий конец – квадратного сечения, верхняя часть – прямоугольного (3 экз.) (Рис.2/33)/

- шилья с заостренным рабочим концом и уплощенным ромбовидным черенком (2 экз.) (Рис.2/34)

Аналогичные типы шильев имеют широкое распространение как на территории Руси, так и в Волжской Булгарии.

- шило, короткий черенок которого отделяется от рабочей части плечиками, черенок в поперечном сечении круглый, рабочая часть — квадратная в сечении, общая длина шила – 8,5 см. Шило подобного типа встречено на Старокуйбышевском городище (Казаков, 1991, с. 78).

Также найдено железное шило с сохранившейся костяной рукояткой. Рукоятка Т-образная, орнаментирована вертикальными насечками на концах и горизонтальными – на шейке, по краям рукояти просверлены отверстия для продегивания шнурков. Само шило квадратного сечения, расширяющегося в центральной части (Рис.2/35).

Орудия для домашних производств

Пряслица керамические (25 экз.). Большая часть пряслиц (21 экз.) являются лепными.

- пряслица овально-подпрямоугольного сечения, среди них преобладают неорнаментированные (11 экз.) (Рис.2/36). Три экземпляра орнаментированы: 1. с одной стороны рядами гребенчатого орнамента и ногтевыми вдавлениями (Рис.2/37)/ 2. с одной стороны рядами гребенчатого орнамента, с другой – резными линиями (Рис.2/38)/ 3. по ребру и обеим площадкам рядами косых насечек (Рис.2/39).

- пряслица эллипсовидного сечения неорнаментированные (6 экз.) (Рис.2/40).

- пряслице биконическое с уплощенной площадкой вдоль внешнего ребра неорнаментированное (Рис.2/41)/

- пряслица, изготовленные из стенок лепных керамических сосудов – в виде плоских дисков неправильной формы (4 экз.) (Рис.2/42).

Пряслица каменные в виде плоского отшлифованного диска овально-подпрямоугольного сечения (3 экз.) (Рис.2/43).

Челнок для ткацкого станка (1 экз.) конической формы с четырьмя отверстиями по краю (Рис.2/44).

Деталь горизонтального ткацкого станка в виде «коромыслица» с отверстиями в центре и на концах (Рис.3/1). Фрагмент орнаментирован с двух сторон в центральной части: с одной стороны —квадрат с точкой в центре, с другой стороны —изображение похожее на «куриную лапку» в окружении

множества точек. Блоки ткацких станков подобной конструкции характерны для Руси, где они носят название «собачки». Горизонтальные ткацкие станки появились в Западной Европе в конце XII века, с XIII века начинается их широкое распространение (Древняя Русь, 1985, с. 268).

Иглы железные (58 экз.) Больше количество игл небольших, стандартных размеров, не превышающих в длину 5 см., поперечное сечение круглое, диаметр 1-2 мм (Рис.3/2-3). Таких игл, возможно, было и больше, но в учет были взяты лишь те фрагменты, на которых фиксировалось ушко с отверстием, остальные условно отнесены к фрагментам проволоки. Аналогичные иглы на территории Пермского Предуралья известны на городище Анюшкар, селище Телячий Брод, Рождественском городище (Белавин, 2008, с. 277). Один экземпляр иглы отличается своими размерами – игла согнута, в разогнутом состоянии ее длина составляла бы 18,5 см., игла уплощенная, поперечное сечение в виде трапеции, ширина нижней грани – 5 мм, верхней – 3 мм. высота 1,5 мм/ игла расширяется в области ушка, которое имеет почти прямоугольную форму (Рис.3/4).

Иглы костяные (2 экз.). Одна игла не длинная (около 4 см), но широкая (0,5 см.), использовалась скорее всего для плетения сетей, для шитья слишком толстая. Вторая - еще более крупная (длина почти 10 см, ширина до 1 см.) использовалась также либо для плетения сетей, либо для вязания (Рис. 3/5). Также найден фрагмент костяной иглы, изготовленный из заостренной кости рыбы, длиной 3,5 см. диаметром 0,2 см., овальный в сечении.

Кочедыки костяные. Обнаружено 27 кочедыков и их фрагментов. Все фрагменты в сечении овальные, гладкие. Часть фрагментов имеют подрезку для привязывания шнурков (Рис.3/6), часть – отверстие для привешивания. Большинство кочедыков неорнаментированные, один кочедык (Рис.3/7) – тщательно отполированный – имеет нацарапанный знак «тамгу».

Разбивальники из метаподий лошади (30 экз.). Разбивальники использовались для разминания кожаных ремней.

Снаряжение верхового коня

Обнаружены 3 фрагмента **удил** (Рис.3/8-10), которые, вероятнее всего, относятся к удилам IV типа (Кирпичников, 1973, рис. 4), состоящим из двух подвижных звеньев и двух колец. Это наиболее массовый и универсальный тип удил Восточной Европы периода средневековья, распространенный в IX-XIV вв. (Белавин, 2008, с. 322).

Также обнаружена одна костяная подпружная пряжка трапецевидной формы с отверстием для крепления язычка (Рис.3/11). Аналогичные пряжки встречаются на средневековых памятниках Верхнего Прикамья, например, на городище Купрос.

Предметы вооружения

Крестовина (гарда) от сабли (Рис.3/12) - прямое, брусковидное перекрестие с ромбическим расширением в средней части. Считается, что это самая ранняя группа перекрестий, которые принято датировать VIII-X вв. Аналогичные перекрестия найдены в салтово-маяцких могильниках, Дунайской Болгарии, у венгров времён Арпадов, в погребениях кимаков IX-X вв. (Измайлов, 1997, стр.28).

К предметам вооружения относятся детали сложносоставного лука: срединная фронтальная накладка на лук (Рис.3/13) и 2 экз. концевых накладок (Рис.3/14-15). Срединная фронтальная накладка в виде длинной узкой костяной пластины с отверстиями, задняя сторона имеет продольные нарезки для лучшего приклеивания.

*Предметы быта**Кресала*

- Фрагмент биметаллического кресала с зооморфной рукоятью (изображение лося?) (Рис.3/16). Биметаллические кресала были широко распространены в Прикамье в X - первой половине XI вв. (Белавин, 2008, с. 337).

- Кресало железное двулезвийное овально-подпрямоугольное (Рис.3/17). Подобные кресала имеют многочисленные аналогии среди древнерусских памятников Северной и Южной Руси, у балтов, карелов, в вымской культуре. Подобные кресала встречаются с VIII по XIV вв., но период их наибольшего распространения XIII-XIV вв. (Белавин, 2008, стр. 337).

Гребни костяные

- Цельный односторонний гребень с зооморфной спинкой с изображением двух сильно стилизованных коньков (Рис.3/18). Такие гребни хорошо известны в финно-угорских древностях IX-X вв. (Белавин, 2008, с. 350). Данный гребень декорирован резным геометрическим орнаментом с обеих сторон.

- фрагмент одностороннего скорее всего, арочного гребня подпрямоугольной формы (Рис.3/19). Фрагмент орнаментирован с двух сторон – процарапанными полосками.

- односторонний с зооморфной спинкой в виде стилизованных, обращенных в противоположные стороны, голов коней (Рис.3/20). На обеих сторонах гребня прочерчен орнамент в виде двух рядов косых насечек, образующих зигзаг. Подобные гребни хорошо известны в финно-угорских древностях IX-X вв. (Белавин, 2008, с. 350).

- цельный односторонний гребень подтрапцевидный высокий с овальными гранями, слегка расширяющимися к концам зубьев (Рис.3/22). Гребень имеет отверстие для подвешивания, украшен двусторонним циркульным орнаментом. Аналогичные гребни найдены на городище Анюшкар. Г.Т. Ленц предполагает, что такие гребни имеют верхнекамское происхождение (Ленц, 2004, с.64-65).

- фрагмент гребня неустановленной формы (вероятно, также одностороннего) (Рис.3/22) с отверстием для подвешивания. Фрагмент орнаментирован с двух сторон процарапанными полосами, образующими геометрический орнамент.

Навершие плети в виде головы птицы с острым клювом, с одной стороны схематически намечен глаз, возможно заготовка (Рис.3/23).

Пуговицы

- Костыльковые пуговицы из почти необработанных костей животных — в виде просверленной семанойдной (челночной) кости лошади (12 экз.). Такие пуговицы в Пермском Предуралье массово представлены на городищах Анюшкар, Купросском, Рождественском, селище Телячий Брод (Белавин, 2008, с. 353).

- Веретенообразные длинные костяные пуговицы, концы оформлены поперечными линиями — насечками (Рис.3/24)

Ложки костяные (3 экз.).

- ложка крупных размеров, с прямоугольным углубленным черпаком, длина рукояти меньше длины черпака (Рис.3/25)

- ложка-скребок уплощенная, фрагмент (Рис. 3/26). Подобные ложки обнаружены в материалах Рождественского городища.

- фрагмент ложки длиной около 10 см., черпак сохранился не полностью, вероятно овальной формы (Рис.3/27). Такие ложки могли использоваться как для

практических целей, так и в качестве подвесок-амулетов. Ручка ложки также сохранилась не полностью, обычно такие ложки имели отверстия на концах. Похожая ложка обнаружена на Рождественском городище (Белавин, 2008, с. 194) и в материалах Белоозера (Захаров, 2004, рис. 224).

Топорня (2 экз.) (Рис.3/29) – дугообразная железная петля с загнутыми ушками для подвешивая к поясу топора.

Крюк железный (Рис.3/28). Крюк длиной около 7 см. в виде изогнутого железного прута, в верхней части образуется замкнутая петля для подвешивания, в нижней части – собственно крюк. Прут прямоугольный в сечении, ширина его колеблется в разных частях — в верхней части более узкий, в нижней – широкий, в районе крюка – слегка приострен. Подобный крюк встречен на Старокуйбешевском городище в качестве элемента цепной системы, служившей для подвешивания котлов (Казаков, 1991, с. 68).

Точильные камни – оселки (21 экз.). Оселки представляют собой сильно стертые бруски или плитки из мелкозернистого серого песчаника. Большая часть имеет подпрямоугольную форму.

Кроме того, коллекция предметов быта включает кресальные кремни, железные трубочки для трута, фрагменты овальных в поперечном сечении неорнаментированных костяных рукоятей.

Торговый инвентарь

К торговому инвентарю относятся три весовые гири. Все весовые гири шайбовидные:

- бронзовая в виде цельного плоского металлического кружка (Рис.3/32). Подобные гири встречаются на территории Волжской Булгарии (Белавин, 2008, с. 488).

- бронзовая в виде металлической пластинки, скрученной в плотную спираль, с отверстием в центре (Рис.4/31). По мнению А.М. Белавина и Н.Б. Крыласовой, такие гири являются местным вариантом шайбовидных гирек и являются наиболее типичными для Пермского Предуралья (Белавин, 2008, с. 488).

- свинцовая в виде цельного плоского металлического кружка (Рис.3/30).

Также обнаружены монеты:

1. фрагменты дирхемов (Рис.1/3-4)
2. золотоордынская монета (Рис.1/5).

Украшения и детали костюма

Бусы (40 экз.)

Бусы каменные (20 экз.)

- хрустальные шарообразные и округло-зонные средних и крупных размеров (Рис.4/1) (4 экз.)

- хрустальная биусеченноконическая с граненым пояском

- сердоликовые биусеченно-пирамидальные с граненым пояском (Рис. 4/2-3) (6 экз.)

- сердоликовая бипирамидальная (Рис.4/5)

- сердоликовая бусина с пятью слабовыраженными гранями (Рис. 4/6)

- сердоликовые овально-округлые бусины (Рис. 4/7) (3экз.)

- сердоликовые призматические крупные бусы (Рис. 4/8) (2 экз.)

- буса в виде параллелепипеда со срезанными углами (Рис. 4/9)

- таблетковидная сердоликовая буса с белым орнаментом (Рис. 4/10)

Бусы стеклянные (19 экз.)

Из тянутой стеклянной трубочки:

- Лимоновидные желтые одночастные (Рис.4/11) (2 экз.) и двухчастная (Рис. 4/12) (1 экз.), а также синяя одночастная (1 экз.) бусы.

По наблюдениям З.А. Львовой одночастные и многочастные «лимонки» в период с VIII по XI вв. были очень широко распространены по территории всей Европы (Львова, 1968, с. 89). По русским аналогиям такие бусы принято датировать периодом X–начала XI в. (Щапова, 1962, с. 173–174). В целом на территории Северной и Восточной Европы этот тип бус принято датировать X–XI вв., хотя в виде исключения они встречаются среди находок начала XII века в Северной Европе (Кальмер, 2000, с. 55). По данным Р.Д. Голдиной и О.П. Королевой существование этого типа бус на территории Верхнего Прикамья относится к периоду конца VIII–XI вв. (Голдина, 1983, рис. 4).

- Синяя зонная трехчастная буса (Рис. 4/13). По утверждению З.А. Львовой, многочастные бусы с более чем двумя сегментами на территории Европы характерны для периода конца VIII–начала IX вв. (Кальмер, 2000, с. 55).

- бесцветная полупрозрачная в виде восьмигранной призмы (Рис. 4/14).

Изготовленные навивкой стеклянной массы на стержень:

- черная зонная непрозрачная матовая, средних размеров (Рис.4/15). Подобные бусы встречаются в слоях со второй половины XI до середины XIII века Новгорода (Колчин, 1958, с. 104).

- зеленая кольцевидная (Рис.4/16).

- биусеченно-коническая непрозрачная буса средних размеров черного цвета с белым поперечно-волнистым орнаментом (Рис.4/17).

- красная зонная с глазками в виде концентрических кругов.

- желтая непрозрачная крупная цилиндрическая с пятью мозаичными (желто-красно-сине-зеленые) глазками, бессистемно расположенными по телу бусы (Рис.4/18). Похожие бусы широко представлены в могильниках Северного Кавказа, где они бытовали с VI по IX вв. (Деопик, 1959, с. 57), в Белоозере среди вещей, бытовавших до конца XI века (Захаров, 2004, рис. 263).

- зонные бусы с комбинированным орнаментом (Рис. 4/19). Основа - черная, орнамент в виде глазков красного цвета и голубых линий, опоясывающих тело бусы в виде «восьмерки» (2 экз.). Аналогичные бусы были обнаружены в материалах различных памятников Волжской Булгарии (Валиулина, 2000, с. 53, рис. 1, с. 54/ Полубояринова, 1988, с. 157–158), в курганах древней Руси X–XI вв. (Фехнер, 1959, рис. 5), среди вещей, бытовавших в Белоозере до середины XI века (Захаров, 2004, рис. 262).

Неопределённой технологии:

- фрагмент зеленой зонной бусы (Рис.4/20).

- синяя в виде куба со срезанными углами, изначально полупрозрачная, сильно патинированная (цвет патины – белый, крошится) (Рис.4/22).

- подквадратная бирюзовая бусина (Рис. 4/21).

- крупная ребристая бирюзовая полупрозрачная бусина (Рис. 4/23).

- зеленая зонная крупная с мозаичными глазками (Рис.4/24).

Бусы других материалов:

- буса с металлической фольгой практически цилиндрическая с едва заметными поперечными гранями, делящими её на несколько сегментов. Цвет основы и внешнего слоя – полупрозрачный бесцветный, изготовлена техникой членения тянутой основы (Рис.4/25).

- буса кашинная голубого цвета зонно-ребристая (Рис.4/26).

Височные подвески

- Фрагмент серебряного калачевидного височного кольца (Рис.4/27) - фрагмент основы овальной формы, обрамленный полосками скани, в верхней части видны полушарные выступы. Подобные подвески относят к предметам болгарского экспорта, хотя часть исследователей утверждает местный характер их производства. Они получили широкое распространение не только на территории Пермского Предуралья, но и на территории Удмуртии в материалах X-XIII вв., в Западной Сибири и Приобье в XI-XIV вв., в материалах конца X-XII вв. на р. Вычегде и Выми, в марийских древностях XII-XII вв. (Белавин, 2008, с. 365-366).

- бронзовая проволоочная височная подвеска в виде круглого кольца с несомкнутыми концами (Рис.4/28). По мнению Ю.А. Подосеновой такие височные кольца вопреки устоявшейся точке зрения были более всего распространены не у славян, а в степной части Евразии и на некоторых финно-угорских территориях. В Пермском Предуралье они появились еще до эпохи средневековья и бытовали вплоть до XIII века (Подосенова, 2009, с. 70).

- фрагменты полых шаровидных привесок с пояском псевдоскани (2 экз) (Рис.4/29)

Браслеты (7 экз.)

Плоские пластинчатые

- Плоские пластинчатые браслеты с сужающимися концами, закрученными в спираль, поверхность браслета украшена тремя выпуклыми валиками (Рис.4/30). Подобные браслеты известны у славян, они часто встречаются у вятичей, реже – у кривичей и новгородцев, известны в Царицинских и других курганах XII века. В XII-XIII вв. они появляются в могильниках Ветлужско-Вятского междуречья (Белавин, 2008, с. 370)

- плоский пластинчатый браслет с сужающимися концами (Рис.4/31). Браслет орнаментирован двойными рядами точек (пуансонный орнамент) по краям, такие же ряды точек образуют повторяющиеся мотивы из прямоугольников, каждый прямоугольник разделен на треугольные сегменты двумя перекрещивающимися рядами, в центре каждого треугольника – точка.

- фрагмент пластинчатого браслета овальной формы (возможно окончание браслета) с кружковым орнаментом – шесть рядов циркульных кружков (Рис.4/32). Пластинчатые браслеты с круглым расширением на концах являются типичными для родановской культуры (Крыласова, 2011, с. 89)

Прутковые (дротовые)

- Дротовый витой браслет (Рис.4/33) в виде кольца, обвитого проволокой, уложенной плотно/ кольцо согнуто таким образом, что образует браслет в виде двойного ряда с округлыми концами.

- фрагмент дротового браслета со слегка сужающимся (приостренным) концом, овальный в сечении, неорнаментированный. Браслеты подобного типа широко распространены на памятниках Пермского Предуралья, они известны на раннеболгарских памятниках IX-X вв., и в более поздних болгарских материалах X-XI вв., курганах Южного Урала IX-X вв. (Белавин, 2008, с. 371).

Кольца и перстни (22 экз.)

Спиралевидные кольца: бронзовые из круглой в сечении проволоки в один (1 экз.) или 2 витка (1 экз.) (Рис.4/34-35). В Пермском Предуралье спиралевидные кольца получили распространение в XI-XII вв., они также известны среди балтийских и финно-угорских древностей, представлены в Новгороде в слоях XI-XIII вв., были популярны у мордвы, известны в вымских и вычегодских могильниках конца X-XII вв. (Крыласова, 2011, с. 89). М.В. Седова

отмечала, что перстни из круглой проволоки, уложенной свободной спиралью характерны для XIII в. (Седова, 1981, с. 122-125).

Бронзовый витой (ложновитой?) перстень (Рис.4/36). Витые и ложновитые перстни чрезвычайно широко распространены по всей территории северо-восточной и северо-западной Руси, начиная с конца X и вплоть до XIII в. (Недошивина, 1967).

Пластинчатые бесщитковые перстни

- бронзовые неорнаментированные перстни (Рис.4/37). Подобные перстни известны на болгарских селищах (Казаков, 1991, с. 125).

- бронзовый перстень, орнаментированный продольными линиями (Рис.4/38).

Пластинчатые щитковые перстни

- серебряный перстень с щитком в виде круглой тонкой пластины напаян на проволоку, щиток по краю оформлен насечками и рядом кружков (Рис.4/39).

- серебряный перстень с прямоугольным щитком, орнаментированный (Рис.4/40). Орнамент выглядит следующим образом: в центре квадрат черни, в нем — окружность с полушарными выступами у углов квадрата, в центре окружности — зачерненный круг, окруженный четырьмя овальными зачерненными фигурами. На боковых гранях щитка — композиции из треугольников, каждый из которых линиями разделен на три более мелких треугольника. Пластинчатые щитковые перстни получили распространение на Руси в XI-XIII вв. и широко бытовали на северо-западе Восточной Европы. При этом новгородские перстни обычно изготавливались из бронзы. Подобные перстни из серебра были широко распространены и на территории волжской Булгарии. По мнению А.М. Белавина, особенностью болгарских щитковых перстней является зачернение фона и золочение рисунка (Белавин, 2008, с. 368).

-свинцово-оловянистый пластинчатый перстень с напаянным овальным щитком, щиток по краю орнаментирован двумя рядами псевдозерни, в центральной части двойной ряд псевдозерни, отдельные «зернышки» разбросаны по остальной части перстня (Рис.4/41).

Цельнолитые щитковые перстни, без вставок

- бронзовый с плоским овальным щитком без вставок, без декора (Рис.4/42).

- бронзовый с овальным щитком (Рис.4/43), боковые грани украшены овальными выступами, расчерченными двумя-тремя поперечными линиями. Сам щиток расчерчен большим количеством тонких линий, расходящихся слегка веером.

- бронзовый с овальным щитком (Рис.4/44), орнаментированный двумя параллельными линиями и тремя рядами кружкового орнамента.

- свинцово-оловянистые перстни с вытянутым овальным щитком (Рис.4/45-46). Щиток одного перстня обрамлен овалами с насечками, расположение которых имитирует скрученную проволоку, такие же овалы расположены в центральной части щитка. Сохранность второго фрагмента плохая, поэтому орнамент фиксируется лишь частично — заметны обрамление щитка полосой с насечками и такая же полоса в центре щитка, расположенная продольно.

- свинцово-оловянистые персти небольшого размера с шестиугольным (битрапецоидной формы) щитком (4 экз.) (Рис.4/47). Из-за плохой сохранности орнамент на них практически не виден. Персти такого типа встречаются на средневековых памятниках Волго-Камья XII-XIV вв. Широкое распространение они получают на Средней Волге с XIII века (Руденко, 1999, с. 100).

- свинцово-оловянистые щитковые перстни крупных размеров с шестиугольным (битрапецеидной формы) щитком (2 экз.) (Рис.4/48-49). Перстни поражены т.н. «оловянной чумой», в связи с чем орнамент на них виден лишь отчасти. Один из перстней орнаментирован поперечными полосами, разделяющими щиток на три зоны – две боковые треугольные и центральную прямоугольную. В одной из треугольных зон видны два круга, такие же круги угадываются в центральной части. Второй перстень сохранился значительно хуже, на его щитке угадывается лишь в одной из боковых частей два круга.

- свинцово-оловянистые перстни крупных размеров с щитком в виде восьмиугольника, орнамент фиксируется слабо (2 экз.) (Рис.4/50-51). Край щитка одного перстня оформлен короткими насечками, в центре щитка второго перстня расположена розетка из восьми лепестков, а на боковых гранях фиксируется орнамент в виде ромбов и перекрестий.

Цельнолитые щитковые перстни с вставками

- бронзовые перстни с овальным щитком и отверстием для вставки камня (2 экз.) (Рис.4/52-53).

Поясная гарнитура

Пряжки

Восьмеркообразные пряжки:

- бронзовая восьмеркообразная пряжка с лировидной рамкой и прямоугольным приемником, рамка в виде широкой пластины, на месте фиксации язычка в рамке небольшое углубление (Рис.4/54). Аналогичные пряжки в Пермском Предуралье получили распространение с IX века (Голдина, 1989, рис. 70/8), известны на памятниках Южного Приуралья, на территории Волжской Булгарии (Белавин, 2008, с. 407).

- бронзовая восьмеркообразная пряжка (Рис.4/55), язычок крепится к перемычке между рамкой и приемником, место крепления оформлено в виде короткого тонкого стержня, рамка овальная, приемник неширокий, прямоугольный, рамка и частично приемник орнаментированы насечками. Подобные пряжки известны на территории Удмуртии (Иванов, 1998, рис. 51/4), в венгерских могильниках (Белавин, 2008, с. 407).

- Бронзовая восьмеркообразная пряжка, язычок крепится непосредственно к перемычке, с лировидной рамкой и узким прямоугольным приемником, рамка в виде широкой гладкой пластины, в месте фиксации язычка на рамке фигурное «лилиевидное» украшение (Рис.4/56). Подобные пряжки встречаются широко на территории Восточной Европы и Средней Азии. Они считаются характерными для славянских древностей XI-XII вв., хорошо известны в Волжской Булгарии, Марийском Поволжье. (Белавин, 2008, с. 407).

Щитковые пряжки:

- рамка овальная, щиток подпрямоугольный вытянутый, конец оформлен в виде зигзага, в центре щитка – фигурная прорезь (Рис.4/57)

- рамка овальная, щиток подпрямоугольный с закругленным концом, в щитке – небольшая овальная прорезь для крепления язычка. Край щитка обрамлен полосой, в центре щитка орнамент в виде креста (Рис.4/58)

Кроме того, обнаружены фрагменты рамок пряжек с насечками (2 экз.) (Рис.4/59).

Поясные накладки

Свинцово-оловянистые:

- круглые кольцевидные накладки с перемычкой в центре, кольцо украшено насечками (13 экз.) (Рис.4/60). Накладки этого типа получили широкое

распространение на памятниках Пермского Предуралья в XIII-XIV вв., о чем свидетельствуют материалы верхнекамских могильников (Голдина, 1989, рис. 73/3). Подобные накладки, судя по наличию литейных форм, могли изготавливаться на месте.

- круглая выпуклая розетковидная накладка (Рис.4/61). В отличие от подобных по форме накладок, изготовленных из бронзы, имеет иной вариант крепления — с обратной стороны имеется узкая прорезь во всю длину накладки, в центре поперек данной прорези припаян стерженек. Бронзовые же накладки такой формы, встречены в материалах городища имеют с обратной стороны выпуклые петли.

- круглая накладка (Рис.4/62) в центральной части - небольшой полушарный выступ, его окружают два круга (вероятно с насечками), окаймляет наладку также полоса с насечками. Вариант крепления аналогичен описанному выше.

- тонкие накладки округлой формы со штифтами на обратной стороне, выпуклые (2 экз.) (Рис.4/63). Накладки не очень хорошей сохранности, но на них фиксируется орнамент в виде концентрических кругов в центральной части и обрамление края в виде полоски с насечками.

Бронзовые

- в виде «испанского» геральдического щита («полуовальная»), с прорезью овальной формы, щиток обрамлен двойным бордюром из насечек, в центральной части три кружка, расположенных треугольником (Рис.4/64). Е.П. Казаков датирует накладки данного типа к X-XI вв., и считает большинство их продукцией болгарских ремесленников (Казаков, 1991, с. 133).

- в виде варяжского геральдического щита, выпуклые, нижняя сторона прямая, с бабочковидным растительным орнаментом и бордюром непрорезные и прорезные (9 экз.) (Рис.4/65-66). Аналогии известны на Рождественском городище, в вымских древностях конца X-XI вв., единичные экземпляры встречаются в волжской Булгарии, Удмуртии, Белоозере (Белавин, 2008, с. 414).

- в виде «варяжского» геральдического щита, выпуклые, в нижней части — выемка, форма близка к сердцевидной. Украшены «бабочковидным» орнаментом и бордюром из ложной зерни (2 экз.) (Рис.4/67). Аналогии известны в вымских древностях конца X-XI вв. (Савельева, 1987, с. 136). Накладки данного и предыдущего типа массово встречаются в Пермском Предуралье на средневековых памятниках (Белавин, 2008, с. 415).

- квадратная прорезная с Ж-образным орнаментом (Рис.4/68). Аналогичные накладки известны на территории Пермского Предуралья на могильнике Степаново плотбище, Огурдинском могильнике, на городище Анюшкар, Рождественском городище (Белавин, 2008, с. 412).

- накладки в виде одиночных выпуклых умбонов (2 экз.) (Рис.4/69)

- круглые выпуклые розетковидные накладки с петлей с обратной стороны (10 экз.) (Рис.4/70). Такие накладки известны в вымских могильниках, где они датируются X-XII вв. (Савельева, 1987, с. 136).

- сердцевидные мелкие непрорезные накладки, окаймлены бордюром из ложной зерни, в центральной части — стилизованное изображение трилистника (?) (9 экз.) (Рис.4/71). Многочисленные аналогии таким накладкам известны на памятниках Волжской Булгарии IX-X вв., в вымских древностях конца X-XI вв., в курганах Южного Урала X-XI вв. и др. (Белавин, 2008, с. 418).

- сердцевидные непрорезные накладки с вписанными в нее сердечками (2 экз.) (Рис.4/72).

- сердцевидная прорезная (прорезь подсердцевидной формы), декорирована бордюром из насечек, крупная (2х2 см.) (Рис.4/73).

- накладка с привеской в виде кольца, основа в виде стилизованного трилистника, в выемках внешнего края – мелкие полушарные выступы, в центре основы – четыре круглых отверстия (Рис.4/74).

- мелкая накладка со стилизованным изображением морды животного (Рис.4/75). Накладки с личинами известны на памятниках Пермского Предуралья и р. Чепцы с IX века.

- накладка в виде полумесяца с двумя полушарными выступами по бокам (Рис.4/76). Подобные накладки получили распространение в Пермском Предуралье еще с IX в. (Голдина, Кананин, 1989, рис. 200). Аналогичные накладки известны в курганах Южного Урала IX-X вв. (Мажитов, 1981, рис. 15), в материалах IX-X вв. Варнинского могильника (Семенов, 1980, табл. XIII), в Омутницком могильнике IX-XII вв. (Семенов, 1985, рис. 5).

- крупные круглые накладки-пуговицы (2 экз.) (Рис.4/77). Накладка окаймлена двойной полоской псевдоскани, такое же кольцо имеется в центральной части накладки. Внутри этого кольца располагается композиция из пяти полушарных выступов, образующих «цветок».

- круглая накладка-пуговица небольших размеров, декорирована орнаментом в виде спирали, окаймлена поясом с насечками (Рис.4/78).

- тонкая круглая накладка без орнамента с одним штифтом.

- прямоугольная накладка без орнамента (Рис.4/79).

Железные

- накладка мечеобразной формы с расширяющимся основанием и приостренным концом, накладка украшена щелевидной прорезью, которая раздваивается к основанию, и тремя круглыми отверстиями (Рис.4/104).

Наконечники ремней

- бронзовые наконечники продолговатой формы, верхний конец оформлен в виде ласточкиного хвоста, нижний – закругленно-приостренный, орнаментированы продольными линиями и рядами точек (2 экз.) (Рис.4/80). Считается, что это один из самых распространенных вариантов наконечников ремней в Верхнем Прикамье и на соседних территориях в период XI-XII вв. (Белавин, 2008, с. 426).

- бронзовые наконечники ремней продолговатой формы, с вогнутым основанием, овальным окончанием неорнаментированный (1 экз.) и орнаментированные рядами точек и бордюром (2 экз.) (Рис.4/81-82).

Пронизки

Бронзовые пронизки

Литые трубчатые пронизки

Одночастные пронизки-бусины цельнолитые

- зонные, средних размеров (4 экз.) (Рис.4/83). На территории Пермского Предуралья такие бусы известны в материалах Рождественского городища, городища Анюшкар, могильника Степаново плотбище. В целом по аналогиям они могут быть датированы достаточно широко – с VIII по XII в. (Белавин, 2008, с. 430).

- одночастная небольших размеров пронизка-бусина с гладким воротничком (Рис.4/84). В верхнекамских могильниках такие пронизки широко распространены и датируются обычно X веком (Голдина, 1989, рис. 71).

- «флакончатые» гладкие (8 экз.) (Рис.4/85). Такие бусы достаточно часто встречаются на прикамских памятниках. Они считаются характерной

особенностью памятников юго-восточного Приладожья и Прионежья X-первой половины XI вв. Такие бусы встречаются в курганах Южного Урала IX-X вв., на поломо-чепецких памятниках X-XIII вв., в вымских материалах IX-XII вв. (Белавин, 2008, с. 432).

Одночастные пронизки-бусины двусоставные шаровидные

- неорнаментированные (6 экз.) (Рис.4/87). Подобные бусы массово представлены в Пермском Предуралье в материалах могильников Огурдино и Степаново плотбище, городища Анюшкар.

- в месте соединения полушарий – поясок с насечками (1 экз.) (Рис.4/86)

Многочастные трубчатые пронизки со вздутиями

- пронизки с гладкими непрорезными вздутиями, плавно переходящими к трубке (8 экз.) (Рис.4/89). Широко встречаются на территории Пермском Предуралья. Аналогии встречаются на Омутницком могильнике IX-XII вв., р. Чепца (Семенов, 1985, рис. 5), Чежтыгском могильнике конец XI-XII вв., р. Вычегде (Истомина, 1992, рис. 4/5), в Вымских материалах XI-XII вв. (Савельева, 1987, рис. 37/57), Юганском и Нижнее Приобье (Семенова, 2001, табл. 48).

- пронизка с тремя гладкими непрорезными вздутиями, резко переходящими к трубке (Рис.4/88)

- пронизки с тремя гладкими непрорезными вздутиями, перемежающимися гладкими «поясками» (9 экз.) (Рис.4/90).

- пронизки с одним (1 экз.) или двумя (2 экз.) крупными гладкими округлыми вздутиями, на поверхности которых – четыре миндалевидные вертикальные прорезы, пространство между вздутиями покрыто гладкими поясками (Рис.4/90-91). Такие пронизки, по наблюдениям Н.Б. Крыласовой, в Пермском Предуралье встречаются массово на Рождественском комплексе, могильниках Огурдино, Степаново плотбище, городище Купрос (Белавин, 2008, с. 436). Аналогичные пронизки известны на Омутницком могильнике IX-XII вв., Кичилькосьском могильнике сер. X-XI вв., Чежтыгском могильнике конца XI-XII вв. (Белавин, 2008, с. 436).

- пронизка с двумя вздутиями, на поверхности которых одна прорезь, пространство вздутий и между ними заполнено поясками (Рис.4/92).

Спиралевидные трубчатые пронизки из сплюсненной и круглой проволоки (11 экз.) (Рис.4/93). Такие пронизки были широко распространены на памятниках пермского Предуралья, Марийского Поволжья, на территории Удмуртии, на Вычегде, в Белоозере (Белавин, 2008, с. 437).

Колоколовидные пронизки (Рис.4/94-96)

- нешумящие с подцилиндрическим туловом, орнаментированные поясками гладкими и с насечками (10 экз.)

- нешумящие пронизки с конусовидным туловом, верхняя часть оформлена в виде валика (2 экз.).

Флаконовидная пронизка с прорезным решетчатым орнаментом, образованным по центральной оси – ромбами, по бокам – треугольниками (Рис.4/97). Такие пронизки найдены на большинстве прикамских памятников X-XI вв., по наблюдениям Н.Б. Крыласовой, они являются типичными именно для территории Пермского Предуралья (Белавин, 2008, с. 441).

Пронизка зооморфная птицеобразная (т.н. «крылатый пес»), отчетливо оформлена пасть, выделены крылья (Рис.4/98). Такие пронизки были встречаются в материалах Верхнекамских могильников VII-VIII вв. (Голдина, Кананин, 1989, С. 190, рис. 68/ рис. 84).

Свинцово-оловянистые пронизки

- короткая цилиндрическая с насечками (Рис.4/99)
- цилиндрическая с поперечными насечками (Рис.4/100)

Подвески

Умбоновидные

- бронзовая подвеска (Рис.4/101), в центре основы – один крупный умбон, обрамленный треугольными лучами, украшенными псевдозернью, в нижней части – петли для крепления привесок в виде утиных лапок, которые прикреплены с помощью одного звена простой цепочки. Подвески такого типа стали распространяться в Пермском Предуралье с IX века (Голдина, Кананин, 1989, рис. 70/29), но наиболее массово встречаются в X-XI вв. (Белавин, 2008, с. 376).

- подвеска в виде двух некрупных умбонов, расположенных горизонтально, в нижней части основы – две петли для привесок, на оборотной стороне – две петли для крепления ремешка (Рис.4/102)

- подвеска в виде трех некрупных умбонов, расположенных в виде треугольника, без привесок, на оборотной стороне имеются две петли для крепления (Рис.4/103).

Биконьковые

- бронзовая шумящая подвеска, в центре основы – прорезь в виде замочной скважины, головы коней достаточно стилизованы, грива обозначена насечками, нижняя часть основы с шестью отверстиями для привесок отделена орнаментальной линией с насечками (Рис.5/1)) Петля для крепления оформлена в виде арки с круглым отверстием. Биконьковые подвески такого типа имели массовое распространение на территории Пермского Предуралья в X-XI вв. (Белавин, 2008, с. 381).

- бронзовая шумящая подвеска, в центре основы - прорези в виде двух треугольников, обращенных друг к другу вершинами, четыре петли для крепления подвесок оформлены насечками, головы стилизованы, грива обозначена насечками, морды коней с основой не соединяются (Рис.5/2).

- бронзовая шумящая подвеска, в центре основы – прорезь в виде «замочной скважины», петли для крепления подвесок (6 штук) оформлены в виде колечек, головы коней реалистичные с глазами в виде кружков, гривами, обозначенными насечками, соединены с основой стержнями с насечками, прорезь обрамлена линиями и псевдозернью (Рис.5/3).

- фрагмент бронзовой шумящей подвески, головы коней реалистичные с глазками в виде кружков, гривы обозначены насечками, голова не соединяется с основой (Рис.5/4).

Арочные подвески

- бронзовые подвески в форме полуовала (2 экз.), (Рис.5/5) выполнены в технике имитации косоплетки, характерной для древностей поволжских и пермских финнов. Нижняя часть подвески с тремя кольцами отделена от основы широким валиком, имитирующим оплетенный проволокой стержень. В центре – композиция в виде трех выпуклостей с концентрическими кругами, выделенная полукругом, также имитирующим оплетенный проволокой стержень, и обрамлена лучами из коротких «перевитых» валиков. Аналогичная подвеска обнаружена на Рождественском городище (Белавин, 2008, с. 382), подобные подвески были распространены на поздних средневековых памятниках Пермского Предуралья, по материалам верхнекамских могильников датируются XI-XII вв. (Голдина, 1989, рис. 72).

- бронзовая подвеска в форме полуовала (Рис.5/6), выполнена в технике имитации косоплетки. Нижняя часть подвески с тремя кольцами отделена от основы нешироким валиком, имитирующим оплетенный проволокой стержень. В центре – композиция в виде одной выпуклости со вставкой из камня. Композиция обрамлена четырьмя полукруглыми рядами, каждый из которых имитирует оплетенный проволокой стержень. Датируется, вероятно, аналогично типу, описанному выше.

- бронзовая подвеска в форме полуовала, частично патинирована, вероятно с четырьмя симметрично расположенными кольцами-завитками, нижняя часть с пятью отверстиями (Рис.5/7).

Круглые подвески

- Свинцово-оловянистая монетовидная подвеска (Рис.5/8) диаметром 1,4 см., из-за плохой сохранности орнамент фиксируется слабо – заметен двойной круг в центральной части, край орнаментирован насечками.

- фрагмент бронзовой овальной подвески диаметром около 4 см., в виде тонкой неорнаментированной бронзовой пластины.

- фрагмент бронзовой круглой подвески (Рис.5/9) в виде тонкой неорнаментированной пластины с припаянным ушком для привешивания.

- фрагмент бронзовой круглой подвески (Рис.5/10) диаметром около 3 см., в виде тонкой бронзовой пластины с орнаментом. Орнамент в виде двух полос, пересекающихся крестообразно, полосы орнаментированы кружками, четыре сегмента, образующихся в результате перекрещивания полос, украшены растительным орнаментом.

- фрагмент бронзовой круглой литой подвески с орнаментом в виде сквозной решетки, край обрамлен псевдозернью (Рис.5/11).

- серебряная круглая подвеска из тонкого листа серебра с напаянным ушком для привешивания с изображением композиции, в центральной части которой располагается человеческая личина, по обеим сторонам от неё располагаются изображения голов человеко-лосей, в нижней части – изображение ящера (Рис.5/12). Орнамент нанесен техникой чеканки. Такой мотив и композиция являются классическими для Пермского звериного стиля.

- подвеска изготовлена из тонкой серебряной пластины, имеет форму близкую к округлой, неровные «рваные» края. На подвеске схематично выбито (пробито сквозными короткими прямоугольными отверстиями) изображение, имитирующее известный сюжет «близнецы» (Рис.4/13). Отверстие небольшое округлой формы также пробито.

Костыльковые подвески

Костяные

- костяная подвеска в виде волнообразной планки со скругленными отверстиями, выступ для отверстия также скругленный, небольших размеров, орнаментирован точечным орнаментом (Рис.5/14).

- костяная подвеска в виде дугообразной планки, в центре которой просверлено отверстие для подвешивания, средних размеров, со скругленными концами, выступ закругленный (Рис.5/15). Подвеска орнаментирована насечками, образующими «елочку».

- костяные подвески в виде дугообразной планки со скругленно-приостреленными концами, выступ для отверстия закругленный/неорнаментированные (2 экз.). (12№ 335) (Рис.5/16).

Бронзовые:

- костыльковая подвеска в виде удлиненного прутка с утолщениями на концах, неорнаментированная, с небольшой арочной петлей в центре (Рис.5/17).

Якорьковые подвески

- бронзовая однакорьковая подвеска с длинной шейкой при переходе к петле, шейка со вздутием, оформлена сплошными рядами поясков гладких и с насечками (Рис.5/18).

- фрагмент бронзовой однакорьковой подвески, шейка со вздутием, украшена поясками гладкими и с насечками, сбоку имеется украшение, точный характер которого не определяется из-за фрагментарности и не очень хорошей сохранности изделия, однако в данном украшении местами фиксируются ряды с насечками (Рис.5/19).

Время появления однакорьковых подвесок - IX в. (Голдина, 1985), основное время их бытования - X-XI вв. (Белавин, 2008, с. 292).

- биякорьковая бронзовая шумящая подвеска (Рис.5/20) в виде двух якорьков, между которыми располагается плоская прямоугольная пластина с петлями для шумящих подвесок. Экземпляр представляет собой подвеску со следами технологических операций, неотделенными цепочками, литниками.

Подвески-амулеты

- амулеты из целых челюстей животных. Наибольшая часть таких амулетов изготовлена из просверленных челюстей куницы (54 экз.) (Рис.5/21), кроме того найдено 2 экз. из челюсти более крупного животного.

- амулеты из отдельных просверленных зубов животных (6 экз.).

- подвески из фрагментов обработанных и необработанных костей животных (6 экз.).

- амулеты из просверленных позвонков рыб (89 экз.)

Амулеты из просверленных костей животных, птиц и рыб — частая находка на многих средневековых памятниках Пермского Предуралья. Аналогичные амулеты известны на памятниках Верхней Камы, на Белоозере, Большетиганском могильнике, Биляре (Белавин, 2008, с. 399).

Привески

Бубенчики

Толстостенные:

- крупный овальный с гладким туловом, соединенным с кольцевидной петлей с одной прорезью с одной выпуклой полосой (на месте стыка двух половинок) в центральной части (Рис.5/22). По всей поверхности бубенчика имеются слабовыраженные поперечные полосы.

- крупный овальный бубенчик с гладким туловом, с выпуклой поперечной полосой с острой гранью в центральной части тулова, на месте стыка двух половинок (Рис.5/23). В отличие от всех остальных бубенчиков, имеющих для привешивания круглое ушко с круглой прорезью, данный экземпляр имеет достаточно широкую напаянную петлю для привешивания. Бубенчик имеет специфическую прорезь, состоящую из одной продольной прорези и пересекающих её с краю двух коротких прорезей.

- бубенчик с туловом, переходящим в цилиндрическую шейку, сплошь покрытый поясками гладкими и с насечками (Рис.5/24). Такие бубенчики на Верхней Каме датируются XI-XII вв. (Голдина, Кананин, 1989, рис. 72/15).

Тонкостенные:

- крупный шарообразный с одной прорезью и тройной полосой в центральной части тулова (Рис.5/25), стык двух половинок - продольный. Подобные бубенчики, судя по новгородским материалам, появляются в последней

четверти XI в. и распространены до второй половины XIII века (Седова, 1981, с. 156)

- мелкие шарообразные с одной прорезью неорнаментированные (4 экз.) (Рис.5/26) стык двух половинок – продольный, прорезь – на месте стыка.

- мелкие шарообразные с одной прорезью, с тройной полосой в центральной части, стык двух половинок – продольный (4 экз.) (Рис.5/27).

Шаровидные бубенчики с одной прорезью представлены широко, на территории Пермского Предуралья они известны на памятниках XI-XII вв., по новгородским аналогиям датируются XII-XIII вв., на территории Удмуртии – на памятниках X-XIII вв., в мордовских и марийских памятниках – VIII-XIV вв. (Белавин, 2008, с. 403).

- бипирамидальный бубенчик с крестовидной прорезью, края вдоль прорези украшены полосками (Рис.5/28). Такие бубенчики массово встречаются на многих памятниках Восточной Европы. По новгородским материалам они датируются серединой X – серединой XII в., встречаются на поломо-чепецких памятниках X-XIII вв. (Белавин, 2008, с. 404).

Также обнаружены фрагменты тонкостенных бубенчиков шарообразных или овальных.

Привески-лапки

- свинцово-оловянистые небольшие ажурные плоские привески, сплошь покрытые горизонтальными насечками (5 экз.) (Рис.5/29). Такие привески появляются на памятниках Пермского Предуралья в конце XI века, наиболее массовыми они являются на памятниках, датирующихся XII-XIV вв. (Белавин, 2008, с. 402), по материалам Западной Сибири датируются XIII-XIV вв. (Угорское наследие, 1994 № 147-150). Судя по наличию литейных форм, могли изготавливаться на месте.

- бронзовая привеска-лапка, петля для привешивания перпендикулярна плоскости подвески, лапка реалистичная с рельефно обозначенными пальцами, неорнаментированная (Рис.5/30). В материалах могильников Верхнего Прикамья такие подвески датируются IX-X вв. (Голдина, Кананин, 1989, рис. 70).

Колоколовидные привески

- бронзовые мелкие в виде простого расширенного короткого гладкого конуса (7 экз.) (Рис.5/31-32). Аналогичные подвески встречаются в курганах Южного Урала IX-X вв. (Мажитов, 1981, рис. 38/9).

- бронзовые с цилиндрическим туловом, сужающимся кверху и переходящим в цилиндрическую шейку, тулова и шейка сплошь покрыты поясками гладкими и с насечками (10 экз.). (Рис.5/33-35). Подобные колокольчики характерны для вымских древностей конца X-XIV вв., хорошо известны в могильниках Юганского Приобья в материалах XIII-XIV вв. В Верхнем Прикамье они массово встречаются на памятниках, датирующихся XII-XIV вв. (Белавин, 2008, с. 402).

- привески - «половинки» с цилиндрическим туловом, сужающимся кверху и переходящим в цилиндрическую шейку, тулово и шейка сплошь покрыты поясками гладкими и с насечками (4 экз.). (Рис.5/36-37).

Полие шаровидные привески в виде толстостенного шарика с вырезанной задней частью. В нижней части тулова – шаровидный выступ, тулово и шарик сплошь украшены поясками гладкими и с насечками (6 экз.). (Рис.5/38).

Каплевидные привески

- бронзовая привеска в виде половины полый вытянутой капли, орнаментирована косыми насечками (Рис.5/39).

- каплевидная полая привеска, неорнаментированная, овальная (Рис.5/40).
Привеска в виде тонкой треугольной пластины (Рис.5/41).

Цепочки

Бесщитковые

- звенья простых бронзовых цепочек в виде круглых и овальных тонких толстых колец (Рис.5/42)
- звенья простых свинцово-оловянистых цепочек в виде круглых тонких колец.

Простые цепочки встречаются в составе шумящих украшений, начиная с VII века и до XI века остаются преобладающими. В целом такие цепочки имеют очень широкий ареал распространения в течение очень длительного времени (Белавин, 2008, с. 372-373).

Щитковые

- фрагмент бронзовой щитковой цепочки, щиток оформлен в виде простого овала.
- щиток между звеньями оформлен в виде розетки (Рис.5/43).
- фрагмент бронзовой цепочки с крупным щитковым звеном, щиток длинный, звено представляет собой кольцо, переходящее в щиток, на оборотной стороне которого петля, перпендикулярная щитку. Щиток представлен в виде двух параллельных рядов, имитирующих оплетенные проволокой стержни. Звено состоит из одного такого же ряда (Рис.5/44). Щитковые цепочки получили свое распространение с XI в. и стали преобладающими в шумящих украшениях вплоть до XIV в. (Белавин, 2008, с. 374).

Разделитель цепочки (Рис.5/45) Разделитель бронзовый, с цельным щитком, внизу раздваивается. В одном из нижних колец разделителя находится кольцо простой цепочки.

Таким образом собранная коллекция позволяет уточнить датировку памятника. Самые ранние материалы датируются VIII в, наиболее поздние – относятся к началу XIV вв., что подтверждается и рядом радиоуглеродных дат. Период наибольшей активности памятника приходится, по все видимости, на период XI-XIII вв.

Собранная коллекция свидетельствует о хозяйственной деятельности населения, для которого было характерно ведение комплексного хозяйства. Оставленные орудия свидетельствуют о наличии пашенного земледелия, охоты, рыболовства. Особый интерес представляет большое количество материалов, свидетельствующих о развитии черной и цветной металлургии и металлообработки.

Литература:

Белавин, 2008 – Белавин А.М., Крыласова Н.Б. Древняя Афкула: археологический комплекс у с. Рождественск. Пермь: ПГГПУ, 2008. – 603 с.

Валиуллина, 2000 – Валиуллина С.И. Стекланные бусы как источник по международным связям волжских булгар в VIII – начале XIII вв. //Славяне, финно-угры, скандинавы, волжские булгары. Доклады международного научного симпозиума по вопросам археологии и истории. Спб.: ИИМК РАН, 2000. - С. 51–64.

Голдина, 1983 – Голдина Р.Д., Королева О.П. Бусы средневековых могильников Верхнего Прикамья // Этнические процессы на Урале и в Сибири в первобытную эпоху. Ижевск: УдмГУ, 1983. С. 40-72.

Голдина, 1989 – Голдина Р.Д., Кананин В.П. Средневековые памятники верховьев Камы. Иркутск: Уралский университет, 1989. 216 с.

Захаров, 2004 – Захаров С.Д. Древнерусский город Белоозеро. М.: Индрик, 2004. 592 с.

Иванова, 1992 – Иванова М.Г. Погребальные памятники северных удмуртов XI-XIII вв. Ижевск: Удмуртия, 1992. 184 с.

Истомина, 1992 – Истомина Т.В. Комплекс погребения 37 Чжэтыягского могильника // Проблемы финно-угорской археологии Урала и Поволжья. Сыктывкар: ИИЯЛ КНЦ УрО РАН. 1992. С. 127-136.

Казаков, 1991 – Казаков Е.П. Булгарское село X-XIII вв. низовий Камы. Казань. 1991. 176 с.

Кальмер, 2000 – Кальмер Й. Ранние бусы из раскопок древней Казани // Средневековая Казань: возникновение и развитие. Казань, 2000. С. 54-55.

Кирпичников, 1973 – Кирпичников А.Н. Снаряжение всадника и верхового коня на Руси IX-XIII вв. // САИ, вып. Е1-36. М.: Наука. 1973. 190 с.

Крыласова, 2011 – Крыласова Н.Б. Украшения Саламатовского I городища. //Труды КАЭЭ ПГГПУ. Вып. VII. Пермь: ПГГПУ, 2011. С. 116-125.

Ленц, 2004 – Ленц Г.Т. Гребни городища Анюшкар. // Путиями средневековых торговцев. Сборник материалов «круглого стола». Пермь: ПГГПУ, 2004.– С. 58-77.

Львова, 1968 – Львова З.А. Стекланные бусы Старой Ладogi. //АСГЭ. № 10. М.: Наука.1968. С. 64-94.

Мажитов, 1981 – Мажитов Н.А. Курганы Южного Урала VIII-XII вв. М.: Наука, 1981. 164 с.

Медведев, 1966 – Медведев А.Ф. Ручное метательное оружие VIII-XIV вв. // САИ. Вып. Е1-36. М.: Наука. 1966. 154 с.

Савельева, 1987 – Савельева Э.А. Вымские могильники XI-XIV вв. Л.: ЛГУ, 1987. 200 с.

Седова, 1981 – Седова М.В. Ювелирные изделия древнего Новгорода. М.: Наука, 1981. 196 с.

Семенов, 1985 – Семенов В.А. Варнинский могильник. //Материалы средневековых памятников Удмуртии. Устинов: УдГУ. 1985. С. 92-118.

Семенова, 2001 – Семенова В.И. Средневековые могильники Юганского Приобья. Новосибирск: Наука. 2001. 296 с.

Руденко, 1999 – Руденко К.А. К вопросу об удмуртских элементах в материальной культуре Волжской Булгарии XI-XIV вв. // Новые исследования по археологии Поволжья и Приуралья. Материалы полевого симпозиума. Ижевск, Глазов: ИЯЛИ УдНЦ УрО РАН. 1999. С. 73-102.

Фехнер, 1959 – Фехнер М.В. К вопросу об экономических связях древнерусской деревни. // Очерки по истории русской деревни X – XIII вв. Труды ГИМ. 1959. Вып. 38. С. 149–224.

Щапова, 1962 – Щапова Ю.Л. О происхождении некоторых типов древнерусских бус. //СА. 1962. № 2. С. 81-96.

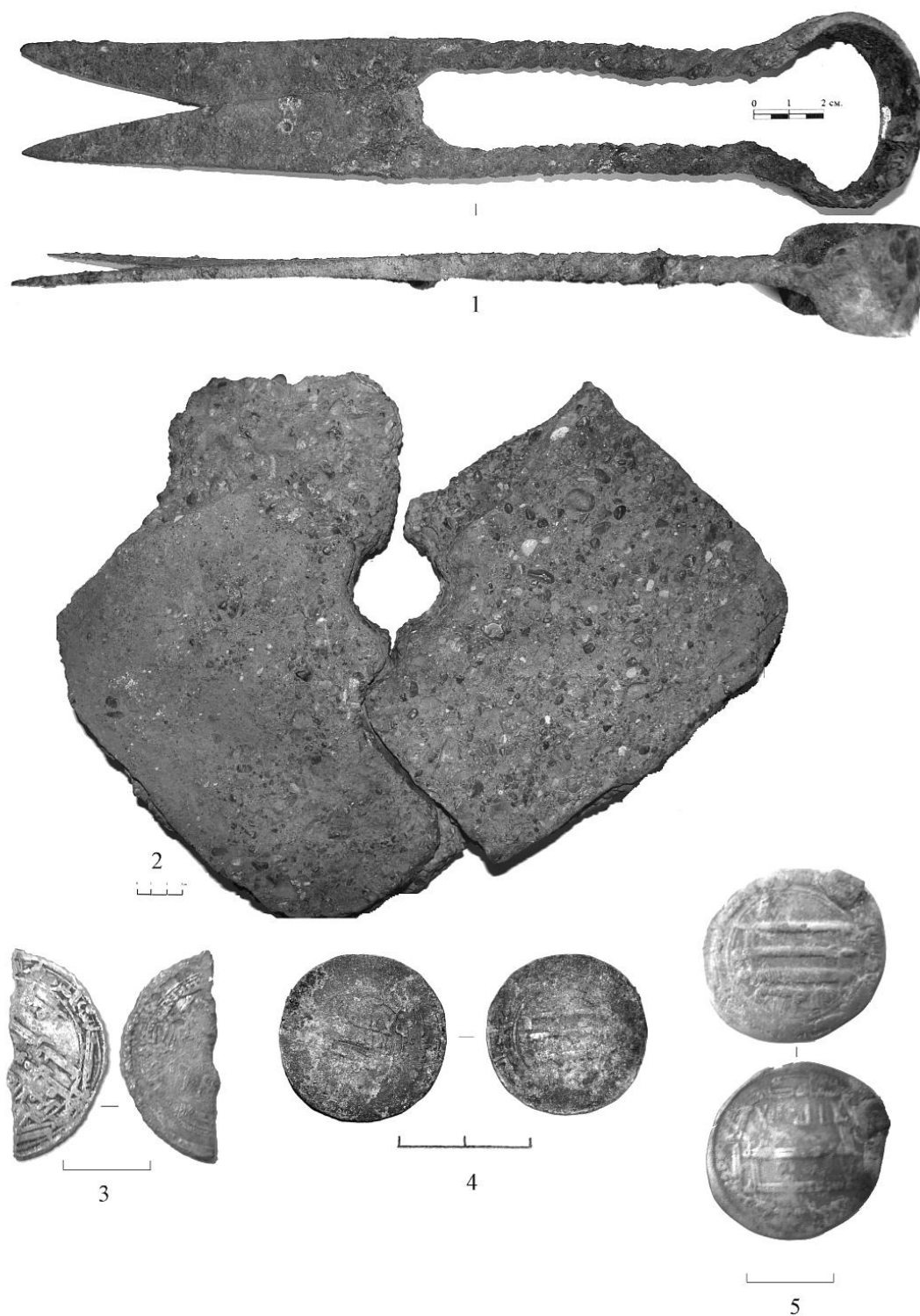

Рис. 1. Хозяйственный инвентарий и монеты Саламатовского I городища

Рис. 2. Хозяйственный инвентарий и предметы быта Саламатовского I городища

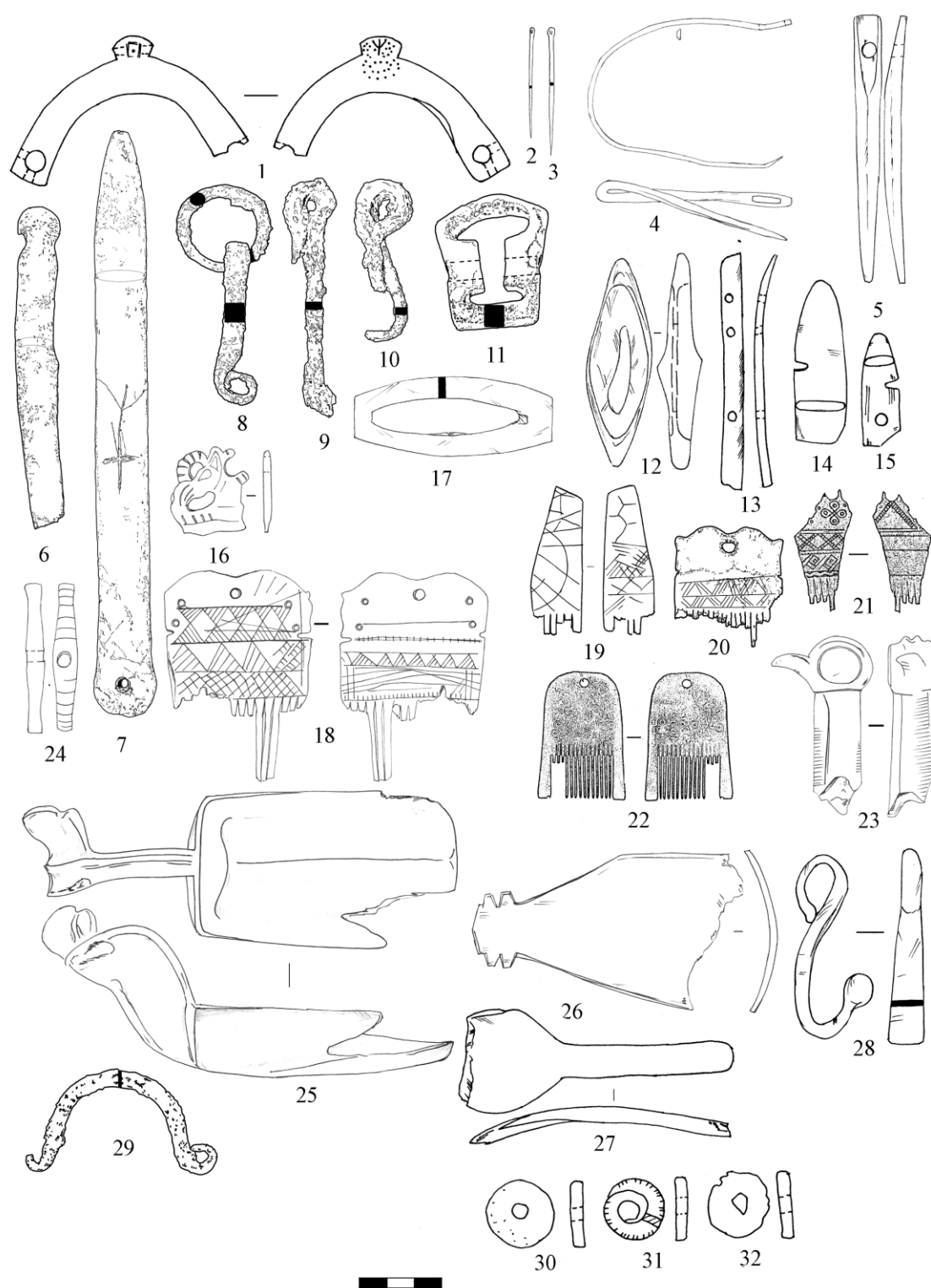

Рис. 3. Хозяйственный инвентарий и предметы быта Саламатовского I городища

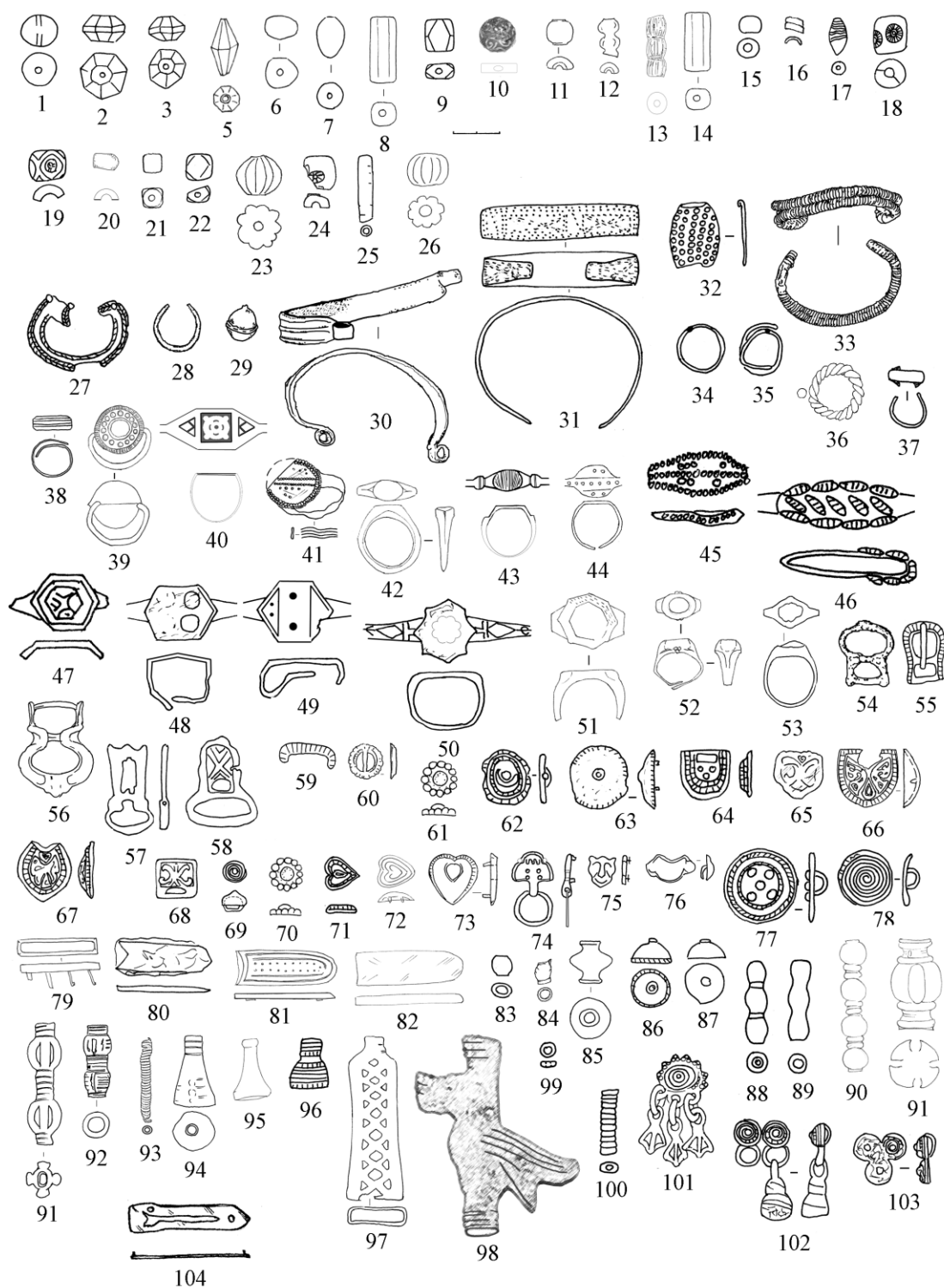

Рис. 4. Украшения Саламатовского I городища

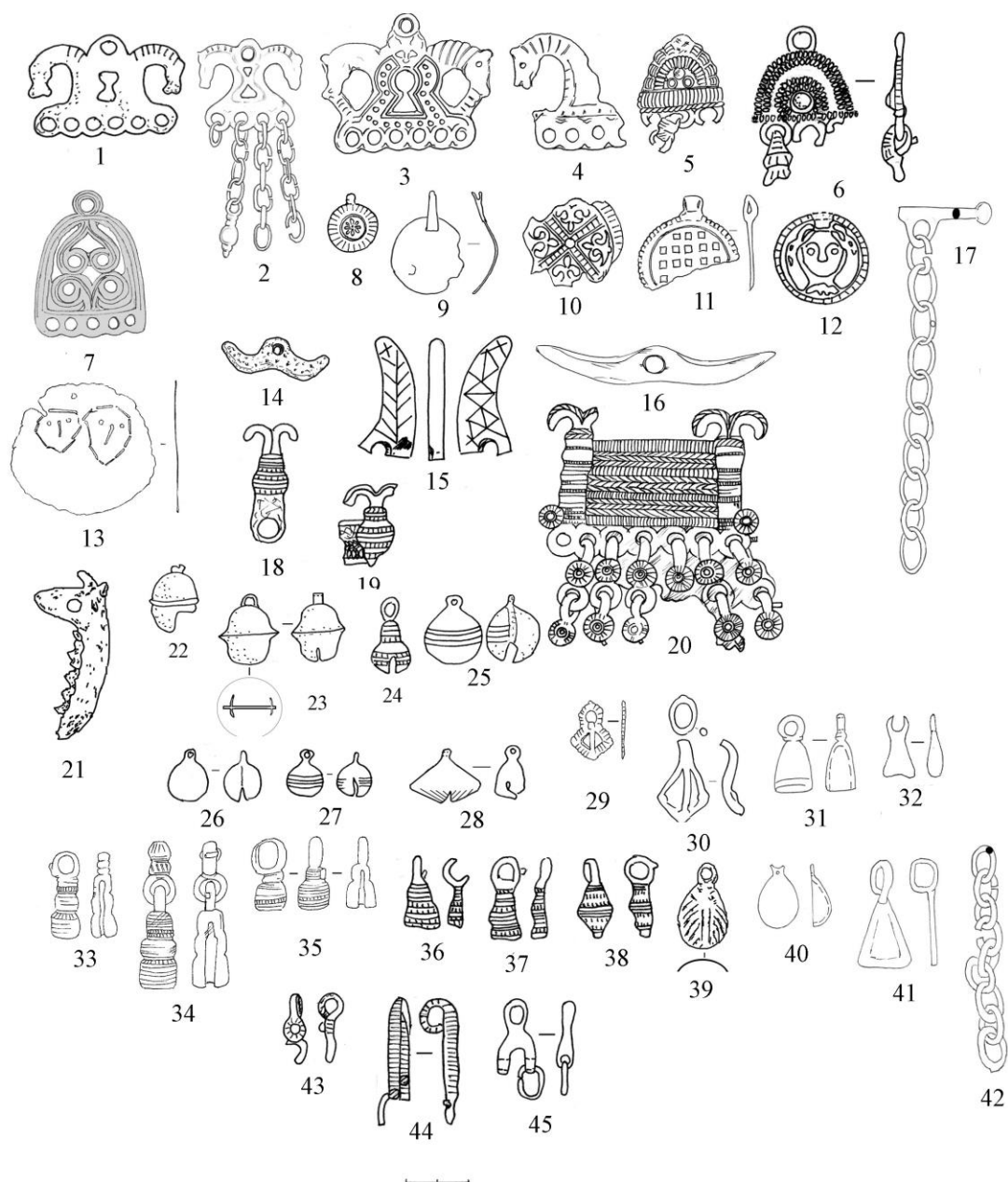

Рис. 5. Украшения Саламатовского I городища

Данич А.В.

ИССЛЕДОВАНИЯ БАЯНОВСКОГО МОГИЛЬНИКА.

(Пермский государственный гуманитарно-педагогический университет, Пермь)

В статье впервые обобщаются результаты многолетних противоаварийных полевых исследований Баяновского могильника X в., описывается его местонахождение, история изучения, краткие итоги работ, характеристика погребального обряда.

Ключевые слова: могильник, погребение, погребальный обряд, материальная культура

Danich A. V.

(Perm State Humanitarian Pedagogical University, Perm)

RESEARCH OF BAYANOVSKIY BURIAL GROUND

Results of many years of anti-damage field research of the 10th century Bayanovskiy burial ground are summarized for the first time in the article, its location, history of study, a brief summary of the work, characteristic of the funeral rite are described.

Key words: burial ground, burial, obsequial rites, material culture

Памятник был обнаружен весной 1951 году при разработке карьера, из которого брали грунт для насыпи строящейся железной дороги Лёвшино-Кизел, которым была разрушена часть памятника. Солдаты воинской части, строившей дорогу, собрали эти вещи и сообщили о находках в Молотовский (Пермский) областной краеведческий музей, а затем в Молотовский государственный университет.

В 1951 и 1953 годах на могильнике были произведены раскопки отрядом КАЭ при помощи солдат части под руководством В.А. Оборина.

На раскопах было исследовано 17 погребений. Все погребения располагались неглубоко, на уровне 30-50 см от поверхности в слое светлого суглинка на подстилающем слое плотной глины бурого цвета. Очертания могильных ям были прослежены почти во всех погребениях. Сохранность костей очень плохая. Сохранились остатки бересты, в которую заворачивались покойники при погребении. Между могилами и над ними на глубине 30-40 см от поверхности были обнаружены остатки тризны в виде глиняных сосудов, костей животных (преимущественно зубы лошади) и угольков. Погребённые лежали в вытянутом на спине положении и все были ориентированы головой на север, 3 погребения головой на запад. Прослежено 2 ряда погребений – 7 погребений в одном ряду и 3 погребения в другом. Ряды вытянуты с запада на восток. Общая площадь раскопок составила 145 м². Памятник был датирован IX-X вв. (Оборин, 1953; Оборин, 1965).

11 сентября 2004 памятник был осмотрен В.В. Ильиных сотрудником КАЭ ПГУ. Были обнаружены следы грабительских раскопок площадью около 1 500 м². Всего было насчитано 52 свежие грабительские ямы и более 40 старых глубиной от 20 до 60 см. На поверхности грабительских ям был собран подъёмный материал – около 200 находок. По данному факту были опрошены местные

жители и составлен акт с председателем сельского совета В.Ф. Безматерных. Как пояснил водитель сельского совета Н.Н. Якушев на памятнике производились раскопки неизвестными 9-10 сентября 2004 года, приехавшими на двух машинах.

Как выяснилось, это был не первый приезд «чёрных археологов» из Москвы. Памятник регулярно разграблялся в 2003-2004 гг.

9 мая 2005 года группа «чёрных археологов» вновь посетила памятник, но были остановлены группой археологов КАЭЭ ПГПУ посетивших могильник в этот же день.

В 2005-2016 годах работы на могильнике проводились отрядом КАЭЭ ПГПУ под руководством А.В. Данича *в рамках программы противоаварийных археологических исследований на разрушающихся археологических памятниках Пермского края в рамках государственной программы «Культура Пермского края».*

За двенадцать лет исследований могильника на площади 2282 м² (рис.1.) было изучено 389 погребений. Памятник был датирован X в.

На памятнике зафиксировано 18 рядов могил, содержащие разное количество погребений. Плотность могил в рядах различна. Была прослежена ориентировка могильных ям на могильнике. Длинной осью могильные ямы ориентированы по линии: ССЗ-ЮЮВ (44,7%), С-Ю (42,4%), ССВ-ЮЮЗ (5,7%), СЗ-ЮВ (5,1%), СВ-ЮЗ (1,2%), З-В (0,5%), ЗСЗ-ВЮВ (0,2%), ВСВ-ЗЮЗ (0,2%). Ориентировка погребений от пола погребенного не зависит.

Погребения имеют овально-подпрямоугольную форму и отвесные стенки плавно переходящие в обычно ровное дно. Глубина могильных ям 0,42 – 1,25 м от поверхности.

Выяснено, что кости скелета в погребениях практически не сохраняются, за исключением отдельных фрагментов.

Погребения совершены по обряду ингумации – в погребениях отсутствуют кальционированные кости, прокалы, мощные углисто-зольные пятна. Следов огня нет и на украшениях. Только в засыпи всех погребений содержатся мелкие угольки, что связано с культом огня. Исключение составляет погребение № 51 которое было выполнено по обряду кремации.

В погребениях обнаружен разнообразный вещевой материал. Для женских погребений характерны украшения: височные подвески, бусы, бронзовые подвески и привески, пронизки, браслеты. Для мужских захоронений характерен более скромный набор украшений, чем у женщин, а так же предметы вооружения, такие как наконечники стрел, сабли, топоры, ножи, снаряжение коня, кресала и тд.

ПОГРЕБАЛЬНЫЙ ОБРЯД

Способ захоронения, ориентировка, положение умершего, состав и расположение инвентаря, устройство могильной ямы и т.д. характеризуют этнокультурную принадлежность погребённого, систему общественных отношений и идеологических представлений населения, оставившего тот или иной могильник. В силу этого, погребальный обряд становится важнейшим археологическим источником для изучения древней истории и культуры.

В результате работ 1951, 1953, 2005-2016 гг. на могильнике было исследовано 406 погребений, удалось проследить детали погребального обряда – формы и размеры могильных ям, устройство погребений, положение костяка, инвентаря и другие детали. Практически все черты обрядности находят полные аналогии в погребальных памятниках Пермского Предуралья.

Могильник расположен на высоком коренном берегу, с которого хорошо просматривались близлежащие окрестности. Заполнение площадки могилами начиналось от края террасы и шло вглубь её.

Для памятника характерно рядовое расположение могил. На данный момент зафиксировано 18 рядов могил содержащие разное количество погребений. Плотность могил в рядах различна. На некоторых участках могилы располагаются вплотную, особенно в южной части исследованной площади. Ряды не всегда четко выдержаны, на площади могильника видны не заполненные могилами участки, некоторые могилы располагаются вне рядов.

Захоронения грунтовые, без каких либо явных следов на современной поверхности. Вероятнее всего, в древности место погребений было каким-то образом отмечено, скорее всего, небольшим холмиком или деревянным сооружением. Этот факт подтверждает то, что на памятнике фактов взаимопроникновений погребений практически не обнаружено.

Могильные ямы имеют преимущественно прямоугольную форму с закругленными углами. Так же известны ямы овальные и неправильных очертаний. Дно могил ровное, стенки вертикальные.

У четырёх погребений вдоль стенок прослежены ступеньки. В погребении № 101 ступенька глубиной 13 см в С и СЗ сторонах шириной 10-18 см; в погребении № 150 небольшая ступенька в СВ углу погребения высотой 10 см и шириной 10 см; в погребении № 318 ступенька с северной, восточной, южной сторон глубиной 5 см и шириной до 20 см; в погребении № 397 ступенька по всей окружности глубиной 12 см и шириной до 10 см.

Глубина могильных ям 0,35 – 1,2 м от поверхности, но стоит отметить, что среднестатистическая глубина погребения составляет около 0,6-0,7 м от поверхности. Детские погребения имеют глубину 0,3–0,4 м от поверхности.

Ориентировка могильных ям на могильнике отличается большим разнообразием. Длинной осью могильные ямы ориентированы по линии: ССЗ-ЮЮВ (44,7%), С-Ю (42,4%), ССВ-ЮЮЗ (5,7%), СЗ-ЮВ (5,1%), СВ-ЮЗ (1,2%), З-В (0,5%), ЗСЗ-ВЮВ (0,2%), ВСВ-ЗЮЗ (0,2%). Ориентировка погребений от пола погребенного не зависит.

Часть погребений располагающиеся в восточной части памятника имеют нестандартную ориентировку СВ-ЮЗ – крайние ряды, расположенные к карстовой воронке повторяют направление стороны карста. По-видимому, карстовая воронка имела особое положение в представлениях о загробном мире и участвовала в погребальном обряде.

Из общей схемы направлений выбивается погребение № 272 у которого направление Ю-С. Но, на мой взгляд, это ошибка при погребении покойного и никакой смысловой нагрузки в этом нет.

В ряде погребений северо-восточной части памятника на дне погребения зафиксирована тонкая прослойка песка.

На территории Пермского Предуралья наличие речного песка в заполнении могильных ям в погребениях X-XI вв. встречено на 4 могильниках: Рождественском, Огурдинском, Питер (Степаново Плотбище), Антыбарском. За пределами Пермского края прослойка чистого речного песка толщиной 1 см была выявлена в погребении № 70 могильника Арантур 27 в Тюменской области. Песчаная прослойка находилась под слоями бересты и меха (Степанова, 2008).

Вопросу использования речного песка в погребальной обрядности средневекового населения Пермского Предуралья была посвящена статья Н.Б. Крыласовой (Крыласова, 2009). Учитывая, что прослойки песка использовались

как подстилка либо как покрытие умершего, нельзя исключать, что речной песок употреблялся в качестве очистительного средства (Крыласова, 2009, с. 96).

На памятнике присутствуют два обряда погребения: трупосожжение и трупоположение.

За период работ было исследовано только одно погребение, выполненное по обряду кремации.

Погребение № 51 зафиксировано на квадратах С/17-18 в виде пятна овальной формы на материковом слое заполненном вещами и антропологическим материалом (Данич, 2008). Погребение ориентировано по линии С-Ю, зафиксировано на глубине –0,7 м от поверхности этой части раскопа. Его размеры 1,1 x 0,72 м, максимальная глубина –0,06 м от уровня фиксации. Дно ровное. В погребении представлено более 150 фрагментов костей, которые подверглись воздействию высокой температуры. Средний размер костей – 4 см, максимальный 7,5 см (фрагмент бедренной кости). Останки принадлежат женщине (< 30 лет).

При обряде трупосожжения, умершего, вероятно, сжигали на стороне без верхней одежды и украшений, т.к. вещевой инвентарь не имеет следов огня. Сожжение производилось за пределами исследованной площади могильника. Возможно, на костре в северо-восточной части могильника, где есть следы мощного прокала. Прокал находился за территорией, на которой расположены погребения. Остатки сожжения – кальцинированные кости ссыпали в могилу (кости черепа и остальные кости разложены отдельно соответствуя общему направлению остальных захоронений), а сверху выкладывали погребальный инвентарь в соответствии с тем, как он носился при жизни.

Кости скелета в погребениях практически не сохраняются, за исключением отдельных фрагментов. Но, не смотря на практически полное отсутствие костяков можно с уверенностью сказать, что все остальные погребения совершено по обряду ингумации – в погребениях отсутствуют кальцинированные кости, прокалы, мощные углисто-золевые пятна. Следов огня нет и на украшениях. Только в засыпи всех погребений содержатся мелкие угольки, что связано с культом огня.

В большинстве могил погребённые уложены на спину, головой на С - СЗ. Руки вытянуты вдоль корпуса или уложены в абдоминальной области. Ноги выпрямлены. Таз раскрыт, кости лежат на наружных поверхностях, вероятно покойного оборачивали в плотный материал (кожа, шкура, береста). Челюсти погребённых сомкнуты, нижняя челюсть стоит на основании (иногда слегка завалившись набок), это позволяет предполагать наличие подстилки под головой.

Характер погребальных конструкций выяснить трудно, т.к. в большинстве случаев они представляют собой незначительные куски истлевшего дерева. В одних случаях древесные остатки можно реконструировать как дощатые настилы на дне, в других в верхней части погребения, редко встречаются вертикально стоящие фрагменты досок.

Погребения, по всей видимости, осуществлялись в дощатых гробах. Толщина сохранившихся досок до 0,7 см. Сверху гробы перекрывались либо досками, либо корой. В ряде случаев фиксируется покрытие или обертывание умершего шкурой животного.

Захоронения, как правило, одиночные. Но зафиксировано 14 погребений, в которых одновременно было захоронено от двух до четырёх человек (рис.2.).

№ ПОГР.	ПОЛ	ВОЗРАСТ		№ ПОГР.	ПОЛ	ВОЗРАСТ
105	♂	25-35 лет		137	♂	взрослый
	♀?	0,6 года ± 3мес.			♂	взрослый
108	♂ ?	20-30 лет			♂	взрослый
	вероятно молодая женщина или подросток			165	♂?	18–25 лет
114	♂	20-30 лет			♀	20-30 лет
	♂	7 лет ± 24 мес.		242	♂	35-50 лет
116	♂	30-40 лет			♂	>25 лет
	♂	4 года ± 12 мес.			?	3 года ± 1 год
127	♀	20-30 лет		252	♀	25-30 лет
	♀	20-30 лет			♀	25-35 лет
128	♂	?			?	новорожденный
	♂	40-60 лет			?	4 года ± 1 год
	♂	?		356	♂ ?	>20 лет
134	♂	взрослый			♀	4 года ± 1 год
	♂	взрослый			♀	2 года ± 0,5 года
135	♀	16-25 лет		385	♂	?
	?	20-30 лет			♂	?
					♂	?

Так же на северо-восточной части могильника были найдены три скопления человеческих костей, являющихся вторичными захоронениями. По-видимому, люди погибли, где то на стороне и уже после разложения мягких тканей удалось собрать их останки и перенести на могильник. Скопления располагаются выше общего уровня фиксации погребений и составляют один ряд. Можно говорить о взаимосвязи этих трёх скоплений между собой и связь скопления № 109 с кенотафом расположенным ниже его по уровню (№ 134, № 137).

Наличие одновременных парных погребений, кенотафов и костей с рублеными ранениями в скоплениях наводит на мысль о том, что население, использовавшее могильник пережило ситуацию, связанную с военными столкновениями в период возникновения данных погребений.

По всей вероятности, у населения, оставившего могильник, было распространено представление о загробном мире как о продолжении жизни земной, поэтому умерших хоронили в праздничной одежде с привычным набором украшений и вещами, которыми они пользовались при жизни. Поэтому все погребённые сопровождалась металлическими деталями одежды, украшениями, орудиями труда, оружием и глиняными сосудами.

Сохранившиеся в некоторых захоронениях могильника остатки одежды позволяют утверждать, что умерших одевали в тканое платье, затем в верхнюю меховую одежду мехом внутрь и подпоясывали.

Умершие были уложены на дне могилы вытянуто на спине, украшения и принадлежности костюма располагались так, как использовались при жизни.

Инвентарь погребений чётко разделяется в соответствии с полом погребенного. Для мужских захоронений характерен более скромный набор

украшений, чем у женщин, предметы вооружения, такие как наконечники стрел, сабли, топоры, ножи, снаряжение коня, кресала и тд. Для женских погребений характерны украшения: височные подвески, бусы, бронзовые подвески и привески, пронизки, браслеты. Остатки головных уборов обнаружены в виде венчиков украшенных прямоугольными накладками из оловянистого сплава.

Судя по расположению инвентаря и остатков костяков в захоронениях можно говорить о том, что погребённые лежали ногами к реке. Этот обряд захоронения умерших отмечен в Прикамье с эпохи раннего железа.

На присутствие культа коня указывают многочисленные находки зубов данного животного, как на разрушенной части памятника, так и на не разрушенной.

Обычай сопровождения погребений воинов захоронениями коня или его частей был широко распространён в I тыс. н.э. у многих племён степной и лесостепной полосы Евразии (Иванов, 1998, с. 120). Лошадь, умерщвлённая при похоронах, должна была, вероятно, сопровождать хозяина в его загробном путешествии. Но при этом в могилу помещали не всего коня, а лишь символические его части. В большинстве случаев мясо жертвенных коней съедалось. Этот жертвенно-поминальный обряд, связан либо непосредственно с моментом погребения, либо совершался по истечению определённого срока.

Обычай помещения в погребение или рядом с ним шкуры лошади, головы или отдельных челюстей характерен для большинства культур угорского круга (Белавин, Иванов, Крыласова, 2009, с. 99-100). По мнению Е.П. Казакова, которое он доказывает в ряде своих работ, использование в погребальном обряде шкуры лошади или отдельных частей коня, является одним из наиболее значимых маркеров угров (Казаков, 2001, с. 160).

В 2014-2015 гг. к исследованиям Камской археолого-этнографической экспедиции ПГГПУ присоединялись сотрудники и студенты Сегедского университета и Католического университета им. П. Пазмани, возглавляемые доктором Аттилой Тюрком.

Было выяснено, что погребальные обряды, осуществлявшиеся в этом месте, имеют прямые аналоги с ритуалами, производившимися на могильниках, находящихся в Венгрии и относящимися к IX-X векам. Не исключаются прямые связи средневекового населения Баяновского могильника с Венгрией периода династии Арпадов. Также вызывает интерес наличие предметов венгерского происхождения. Материалы могильника указывают на взаимосвязь раннесредневекового населения оставившего некрополь с этногенезом мадьяр (самоназвание венгров).

Как позволяют предполагать данные исследования, общие предки местного населения и европейских венгров вышли из Предуралья в IX столетии. Однако на Западном Урале осталась некоторая часть предков современных мадьяр (самоназвание венгров), что не ушла в Подунавье (где образовалась современная Венгрия). На протяжении десятков лет представители этого народа сохраняли этническую близость, культурное взаимодействие и духовное взаимопонимание. Таким образом, Пермское Предуралье, возможно, является частью легендарной Magna Hungaria - легендарной прародины венгров, а Баяновский могильник ее составляющей.

Литература:

Белавин, Иванов, Крыласова, 2009 – Белавин А.М., Иванов В.А., Крыласова Н.Б. Угры Предуралья в древности и средние века. Уфа: издательский дом БГПУ, 2009. 285 с.

Данич, 2008 – Данич А.В. Погребение 51 Бояновского могильника (обряд кремации) // Археологическая экспедиция: новейшие достижения в изучении историко-культурного наследия Евразии: Материалы Всероссийской научной конференции посвященной 35-летию со времени образования Камско-Вятской археологической экспедиции. Ижевск: УдГУ, 2008. С. 460-464.

Иванов, 1998 – Иванов А.Г. Этнокультурные и экономические связи населения р. Чепцы в эпоху средневековья. Ижевск: УДИИЯЛ УрО РАН, 1998. 308 с.

Казаков, 2001 – Казаков Е.П. Волжские болгары и угорский мир Урало-Поволжья // XV Уральское археологическое совещание: тезисы докладов международной научной конференции. – Оренбург: ОГПУ, 2001. С. 160.

Крыласова, 2009 – Крыласова Н.Б. Использование песка в погребальном обряде средневековых угров // Пермские финны и угры Урала в эпоху железа / Труды КАЭЭ. Вып. VI. Пермь: ПГПУ, 2009. С. 92-97.

Оборин, 1953 – Оборин В.А. Баяновский могильник на р. Косью // УЗ ПГУ, т. IX, вып. 3. Труды КАЭ. Вып. 1. Харьков, 1953. С. 145-161.

Оборин, 1965 – Оборин В.А. Памятники родановской культуры у с. Таборы // КСИИМК, вып. 65. М., 1965. С. 107-118.

Степанова, 2008 – Степанова Г.А. Погребение с бронзовой чашей из могильника Арантур 27 (Тюменская область): препринт. Ижевск: УДИИЯЛ УрО РАН, 2008. 23 с.

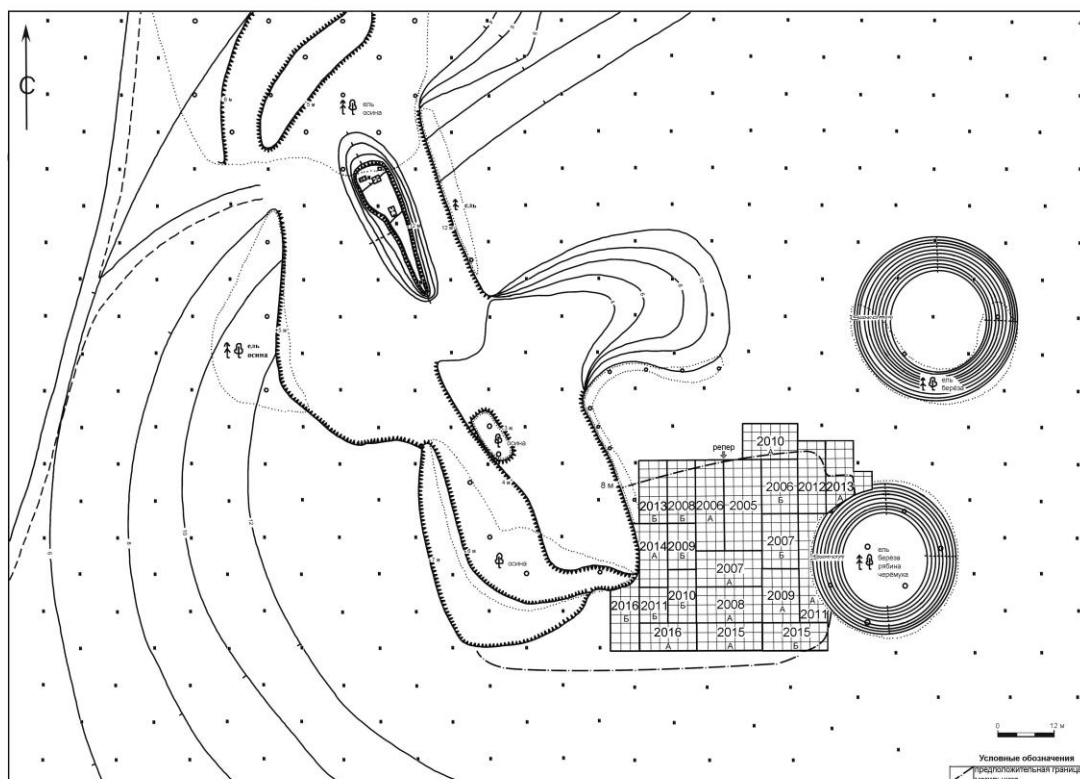

Рис. 1. План Баяновского могильника

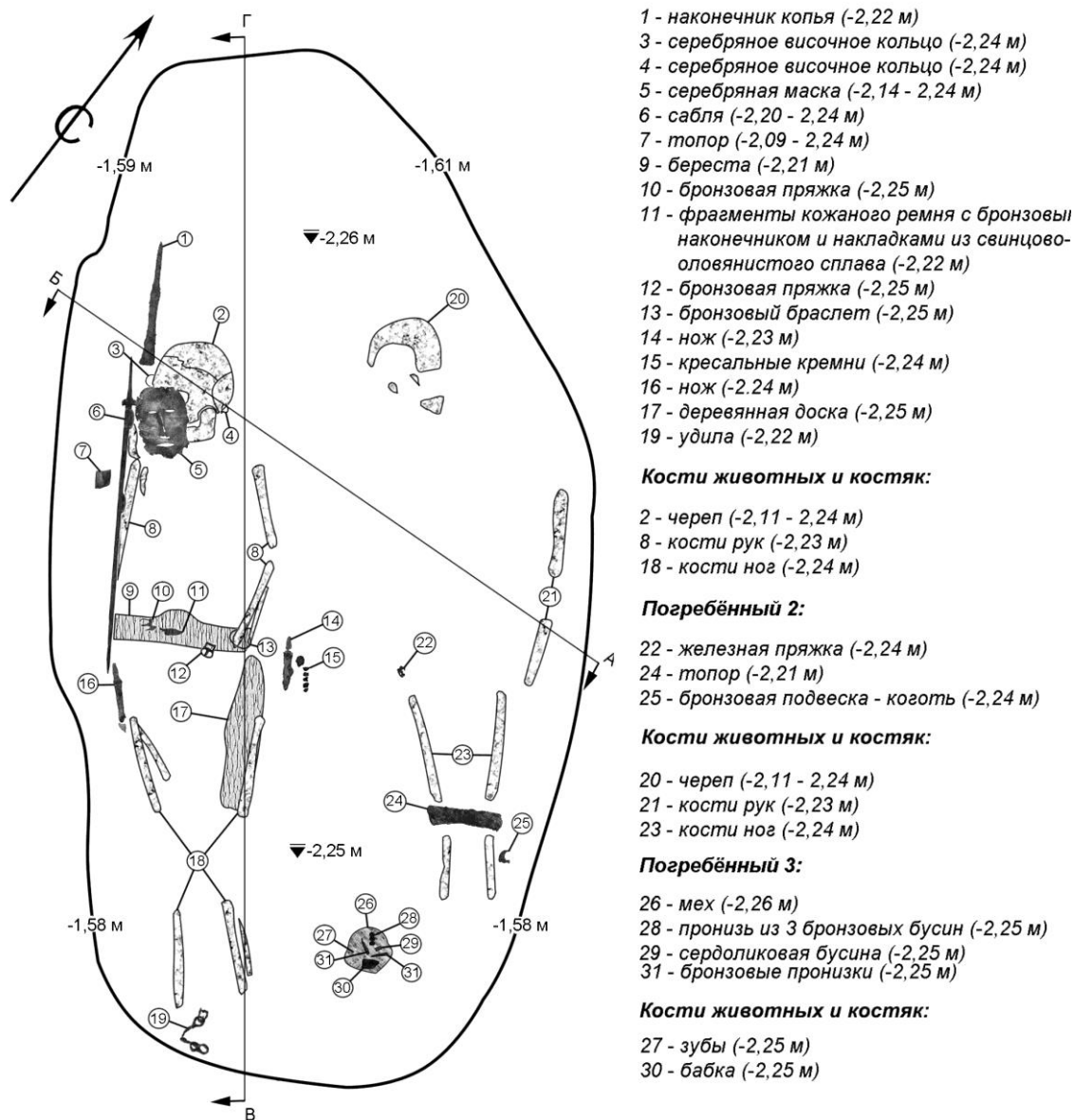

Рис.2. Погребение 242. Парное.

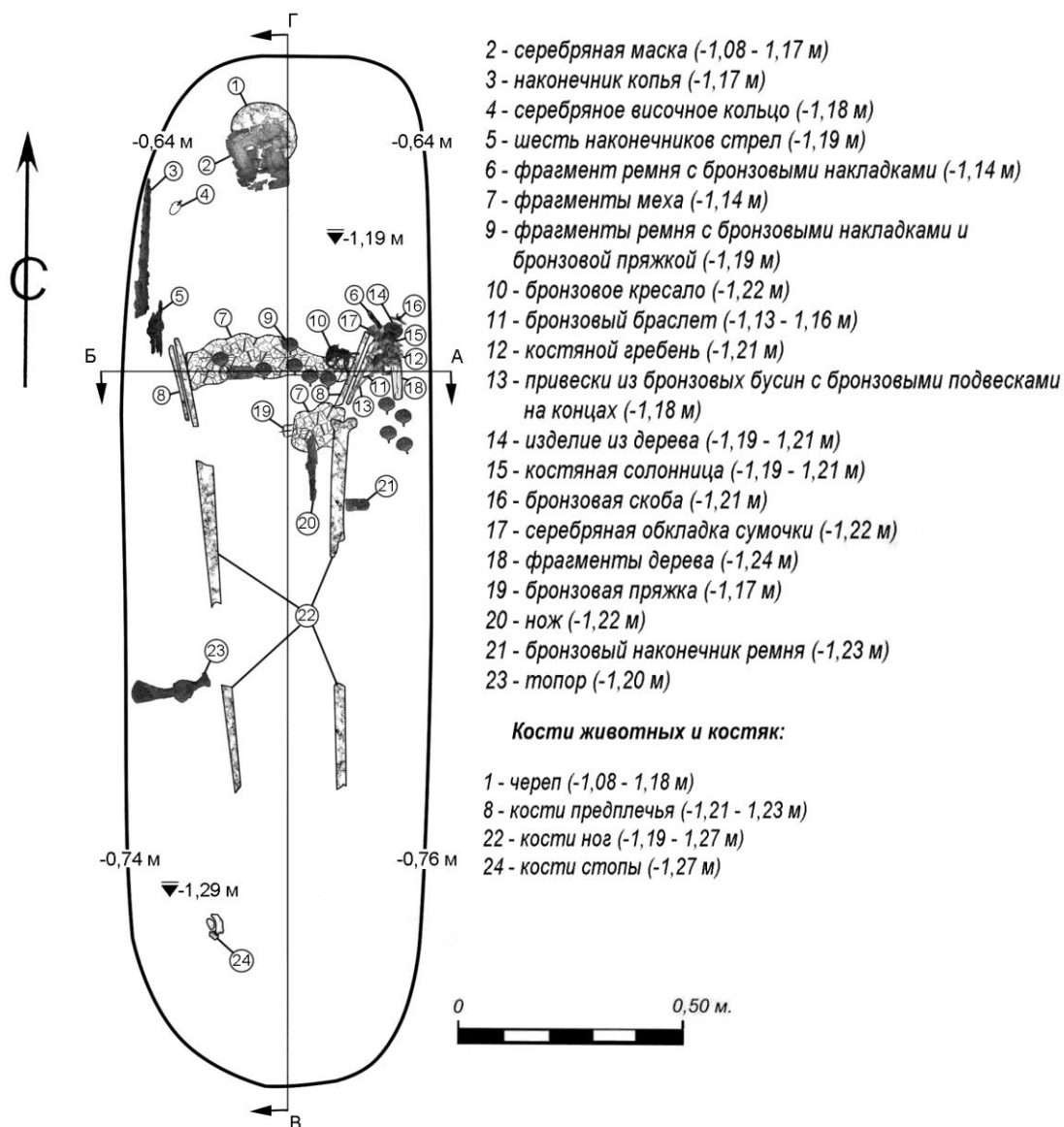

Рис. 3. Погребение 279 с поясной сумочкой.

Брюхова Н.Г.

(Пермский научный центр УрО РАН, Пермь)

**ПЛОТНИКОВСКИЙ МОГИЛЬНИК – ПАМЯТНИК РОДАНОВСКОЙ
КУЛЬТУРЫ В ПЕРМСКОМ ПРЕДУРАЛЬЕ ***

** Статья подготовлена в рамках гранта РФФИ 14-06-96002 р_урал_a «Средневековое Пермское Предуралье: меняющееся население в изменяющейся среде»*

Приводится описание результатов многолетних исследований Плотниковского могильника XIII-XV вв. Описываются характерные особенности и рассматриваются события, которые привели к существующему состоянию памятника. При изучении некрополя использовался метод радиоуглеродного датирования, проведен анализ химического состава металла ювелирных изделий, осуществлен типологический и технологический анализ керамики, костные останки людей и животных проанализированы методами антропологии и остеологии с применением изотопного анализа.

Несмотря на неоднократное разрушение целостности слоя объекта археологического наследия, собранная информация позволяет внести новые данные в характеристику родановской культуры на территории Пермского Предуралья.

Ключевые слова: Пермский край, родановская культура, могильник, погребения, вещевой комплекс, керамика, антропологический материал.

Bryukhova N. G.

(Perm Scientific Center of the Ural Branch of the Russian Academy of Sciences, Perm)

**PLOTNIKOVSKIY BURIAL GROUND – RODANOVSKAYA CULTURE
MONUMENT IN PERM CIS-URALS***

** This article was prepared within the framework of the grant 14-06-96002 ‘Medieval Perm Cis-Urals: changing population in a changeable environment’*

Results of long-term research of Plotnikovskiy burial ground (13th – 15th centuries) are described in the article. Peculiarities are shown, the events that led to the existing state of the monument are examined. Method of radiocarbon dating was used in necropolis studying, the analysis of the chemical composition of jewelry metal was carried out, typological and technological analysis of ceramics were carried out, bones remains of humans and animals are analyzed with the use of anthropology and osteology methods and also isotopic analysis.

Despite repeated destruction of the integrity of the object layer of the archaeological heritage, the collected information helps to make new data to the description of rodanovskaya culture on the territory of Perm Cis-Urals.

Key words: Perm, rodanovskaya culture, burial ground, burial, clothing complex, ceramics, anthropological material.

Камской археолого-этнографической экспедицией уже десять лет исследуется Плотниковский могильник, один из немногих известных некрополей на территории Пермского Предуралья, относящихся к периоду позже XII в. Его

изучение представляет значительный интерес в плане уточнения хронологии позднего этапа родановской культуры. На сегодняшний день памятник датируется XIII-XV вв. и является единственным могильником этого времени в Пермском крае, на котором ведутся археологические исследования.

Плотниковский могильник расположен у д. Плотниково Кудымкарского района Коми-Пермяцкого округа Пермского края.

Деревня Плотниково известна с 1700 г. как починок Вакин. В нем тогда жил половник (работник) купца Григория Шустова Ивашка Филипов сын Злобин. Вака – разговорная форма имени Иван. В 1782 г. уже «починок Вакинской, тож и Плотников». В основе современного названия прозвище Плотник, которое носил кто-то из местных жителей (Шумилов, 2012).

Местность, где расположен могильник, носит у местных жителей название «Вишене», что объясняется произрастанием в прошлом на данном холме степной или дикой вишни (*Prunus chamaecerasus* Jacq.), отсюда второе название могильника, упоминающееся в литературе: «могильник Вишене»: «Въ Кудымкорской волости чудскія городища: въ с. Кудымкор, д-р. Пешнигорт и Вишневскій чудской могильникъ у дер. Плотниковой» (Кривошеков, 1894. с. 13). Сейчас на территории памятника растет хвойный лес с подлеском.

Могильник известен с XIX в., впервые он упомянут И.Я. Кривошековым. В 1938 г. на нем побывал М.В. Талицкий, который датировал памятник X-XIII вв., в 1968 г. одно погребение на могильнике вскрыл В.Ю. Лещенко, датировавший могильник IX-XIII вв. В 1981 г. памятник обследовал В.П. Мокрушин, насчитавший на нем около 100 грабительских вкопов. В 1989 г. могильник исследовался Н.Б. Крыласовой. При осмотре могильника было выявлено уже около 150 грабительских ям разных размеров. На поверхности памятника были обнаружены выброшенные кости человека, которые встречались не только в отвалах грабительских ям, но и на пахоте, на вершине холма.

Поскольку разрушение памятника продолжалось, он был включен в программу по изучению разрушающихся объектов культурного наследия Пермского края. В рамках этой программы исследования могильника проводились в 2007, 2009 гг. под руководством Н.Б. Крыласовой, в 2010-2016 гг. под руководством Н.Г. Брюховой. В итоге общая изученная часть памятника составляет 1057 м², количество погребений – 130 (Брюхова, 2015а, с. 7-10).

Основная площадка могильника располагается на относительно крутом склоне холма. Погребения наблюдаются визуально в виде отчетливых «западин» – 13 рядов, протянувшихся по направлению 3-В, параллельно склону холма. Так же среди рядов западин выделяются около 150 грабительских ям разных размеров, оставленных современными копателями.

Во время раскопок в межмогильном пространстве обнаружены выброшенные из погребений человеческие кости и предметы погребального инвентаря целые или сломанные. Все западины оказались разрушенными погребениями с характерными особенностями заполнения ямы. В верхней части заполнения фиксировалась линза темно-серого до черного углистого слоя мощностью от 0,1м до 0,45м; по краям он переходил в слой темного серо-коричневого гумусированного суглинка с большим содержанием угля, мощностью до 0,35 м; на дне фиксировался слой глины с включениями розоватого известняка и песчаника. Практически во всех погребениях, встречены остатки костяков. Неполный состав элементов скелета, нарушение анатомического порядка, посмертные повреждения костей, перепад глубин залегания останков, концентрация костей в скоплениях, наличие в могильных

ямах костей из соседних погребений свидетельствуют о разрушении могил после истлевания мягких тканей покойного. На многих костях фиксируются следы выветривания, связанные с долгим пребыванием на открытом воздухе и следы воздействия высоких температур. В ряде погребений обнаружены кости ног в положении *in situ*. Судя по костям, сохранившим анатомический порядок, погребенные были уложены на спину – головой на север, северо-запад. Ямы, оставленные современными копателями, в отличие от западин, имеют четкие геометрические формы и не оплывшие края. В них практически ничего не встречается, кроме нескольких фрагментов костей.

Из 130 раскопанных погребений оказались не потревоженными только 5 детских могил. Они не фиксировались на поверхности, их очертания почти не выделялись на фоне межмогильного слоя.

В четырех могильных ямах обнаружены скелеты лошадей в анатомическом порядке. Судя по положению костей в погребении и стратиграфическому заполнению – лошади были захоронены после ограбления погребения в нарушенную могильную яму. Радиоуглеродные даты по костям двух лошадей показывают хронологический промежуток XVI-XVIII вв. По определению П.А. Косинцева кости в одном из погребений принадлежат старому жеребцу современного вида. Вероятно ямы, оставленные грабителями использовались местными жителями для захоронения мертвых, или убитых с ритуальными целями, животных³. Иногда яма слегка расширялась, чтобы туша могла поместиться, а человеческие кости сдвигались в сторону (рис. 1).

С целью уточнения хронологии могильника из 13 погребений был взят органогенный материал для радиоуглеродного датирования. Половина дат показала период XIII – начало XV вв., что совпадает с временными рамками существования могильника, определёнными по археологическим данным. Вторая половина дат попадает в период второй половины XVI–XVII вв. Видимо первое и самое разрушительное ограбление могильника происходило именно в это время (Брюхова, 2015б, с. 36).

Несмотря на то, что большинство погребений были разграблены, вещевой материал, обнаруженный в ходе раскопок, оказался довольно разнообразным. Он представлен украшениями и принадлежностями костюма, оружием, орудиями труда и предметами быта. Некоторые вещи имеют аналогии в материалах Русского Севера, Волжской Булгарии и Перми Вычегодской. Интересна такая категория вещей, как щитковосерединные перстни из серебра с чернью, часто с золочением. Они датируются исследователями достаточно широко – XI-XIV вв. Долгое время данные украшения считали изделиями, вышедшими из мастерских Волжской Булгарии, в связи, с чем они и получили свое второе название – «перстни булгарского типа». В настоящее время вопрос о происхождении данного круга изделий остается не решенным и в современных археологических работах существуют разные точки зрения по поводу центра(-ов) их производства. Не исключено, что перстни являются изделиями местных мастеров, сделанными в подражание русским и болгарским ювелирам (Брюхова и др., 2015, с. 118).

³ В XVI-XVIII вв. на территории сосновой рощи, в которой расположен могильник, находилась Сюзьпозьинская священная роща коми-пермяков. Возможно, что данные захоронения животных связаны с ритуальными практиками в этой роще. Подробнее см.: Белавин А.М. Священные рощи коми-пермяков (о культе природы у населения Коми-Пермяцкого округа) // Святые места и жертвенные места финно-угорского населения Евразии. Сборник материалов полевого симпозиума. Пермь: ПГУ, 1996. С.56-65 – *прим. ред.*

По сравнению с памятниками более раннего времени, в материалах Плотниковского могильника появляются новые категории изделий (ажурные подвески-лапки, подвески-нашивки, лунницы, медальоны с орнитоморфным орнаментом и т.д.) выполненные из качественно нового для территории Пермского Предуралья металла и металлических сплавов: олова или сплава на основе олова.

Для получения информации о сходстве/различии отдельных категорий предметов, был проведен анализ химического состава металла ювелирных изделий. Анализу подверглись 182 целых, читаемых предмета (из раскопок 2011-2013 гг.). Исследование химического состава металла производилось при помощи рентгено-флюоресцентного прибора Bruker S1. По происхождению, все предметы можно разделить на три группы: изделия местного происхождения; категории изделий связанные происхождением с территорией Руси (новгородскими древностями); изделия, связанные происхождением с болгарской ювелирной традицией. Несмотря на разнообразие найденных предметов, большинство из них датируется в довольно узком диапазоне XIII-XIV вв. (Брюхова и др., 2015, с. 114, 117-120).

Интересен керамический комплекс Плотниковского могильника, он наглядно характеризует керамику типичную для родановской культуры. Коллекция керамики Плотниковского могильника насчитывает более 50 сосудов, большинство из которых реконструированы. Посуда или её фрагменты найдены в каждом женском и почти в каждом детском погребении, в том числе в погребениях новорожденных детей. В нескольких могильных ямах удалось зафиксировать положение сосудов, каким оно было при погребении покойного. Во всех случаях посуда располагалась в ногах погребенного (рис. 2).

Для памятника характерно распространение чашевидных сосудов с уплощенным дном и петлеобразной ручкой, слабая орнаментация посуды при преобладании использования гребенчатого штампа для нанесения узоров, использование глин во влажном состоянии с добавлением толченой раковины в формовочной массе (рис. 3). Сравнение с керамическими комплексами хронологически одновременных памятников вымской и чепецкой культуры выявило как сходства, так и отличия. Отмеченные отличия говорят о наличии собственной традиции производства погребальной керамики в XII-XV вв. у населения, оставившего Плотниковский могильник. Сосуды с ручками и уплощенным дном получили широкое распространение с XII в. М.В. Талицкий связывает появление новых форм с подражанием привозной посуде, наряду с сохранением старых традиций (Брюхова и др., 2016, с. 87).

Исследование костных останков людей, оставивших Плотниковский могильник ежегодно пополняет базу данных антропологических материалов происходящих из могильников с территории Пермского Предуралья. За период раскопок с 2007 по 2015 год, с территории некрополя собраны останки 99 индивидов. Среди них кости 48 детей, умерших в возрасте до 16 лет, 26 мужчин, 15 женщин и 10 взрослых человек, пол которых не удалось определить. Благодаря тому, что на памятнике хорошо сохраняется костный материал, антропологическая коллекция некрополя является важной составляющей не только для реконструкции картины этногенеза народов Пермского края, но и неотъемлемой частью исследований биологических и социальных адаптаций человеческих коллективов средневековья. Морфофизиологические характеристики населения, оставившего некрополь выявляют в нем представителей лесных континентальных групп.

Для определения доли растительной и животной пищи в усредненном рационе питания людей на протяжении последних лет их жизни, в лаборатории «Группа изотопных исследований ИИМК РАН» (г. Санкт-Петербург) были получены показатели изотопного содержания углерода ($\delta^{13}\text{C}$) и азота ($\delta^{15}\text{N}$) в костных образцах из 7 погребений. Данные по соотношению углерода и азота позволяют сказать, что люди жили в климате с холодными зимами и умеренно теплым летом. Полученные результаты изотопных исследований указывают на смешанный рацион с употреблением наземных травоядных и водных продуктов, с участием растений умеренного пояса с малой долей зерновых культур (Брюхова, 2016, с. 52-54).

Помимо этого, в 2007 г. на могильнике было обнаружено погребение ребенка с огнестрельным (картечным) ранением головы. Это первое свидетельство столь раннего использования огнестрельного оружия на территории Пермского края (Белавин и др., 2012, с. 131-132).

Раскопки памятника показывают, что, несмотря на нарушение целостности большинства могильных ям, во многих погребениях удается зафиксировать не потревоженные части погребальной конструкции и вещевой материал. Данные сведения играют важную роль в реконструкции погребальной обрядности населения, оставившего Плотниковский могильник.

Дальнейшие раскопки некрополя дополняют общую планиграфию памятника. А ежегодное исследование могильника, помогает снизить грабительскую активность и разрушение погребений.

Источники:

Брюхова, 2015а. – Брюхова Н.Г. Отчет о раскопках Плотниковского могильника в Кудымкарском районе Пермского края в июле-августе 2015а г. Пермь: Архив МАЭ ПГГПУ, 2015. 137 с., илл.

Литература:

Белавин и др., 2012 – Белавин А.М., Брюхова Н.Г., Крыласова Н.Б. «Погребение 7 позднесредневекового Плотниковского могильника» // Российская археология. 2012. №2. С. 127-133

Брюхова, 2015б – Брюхова Н.Г. История существования Плотниковского могильника (Среднее Предуралье, Пермский край) // Вестник Челябинского Государственного университета. История. 2015б. Вып. 63. № 6. С. 35–38.

Брюхова, 2016 – Брюхова Н.Г. Особенности процессов адаптации средневекового населения Пермского Предуралья: антропоэкологический подход // Вестник Пермского научного центра УрО РАН. 2016. №3. С.48-55

Брюхова, Батуева, Лычагина, 2016 – Брюхова Н.Г., Батуева Н.С., Лычагина Е.Л. Анализ погребальной керамики Плотниковского могильника (по итогам раскопок 2007-2015 гг.) // Самарский научный вестник. 2016. № 3 (16). - С. 87-91.

Брюхова и др., 2015 – Брюхова Н.Г., Подосёнова Ю.А., Крыласова Н.Б. Ювелирные изделия Плотниковского могильника родановской археологической культуры (по материалам раскопок 2011–2013 гг.) // Вестник Пермского университета. Серия «История». 2015. Вып. 1. С. 114-131.

Кривошеков, 1894 – Кривошеков И.Я. Справка о прошлом Иньвенского края // Материалы для истории села Кудымкара. Пермь. 1894. 74с.

Шумилов, 2012 – Шумилов Е.Н. Населённые пункты Пермского края: Краткий исторический справочник. Изд. 2-е, испр. и доп. Пермь. 2012. Часть 2.

Рис. 1. Погребение № 52 с костями человека и лошади.

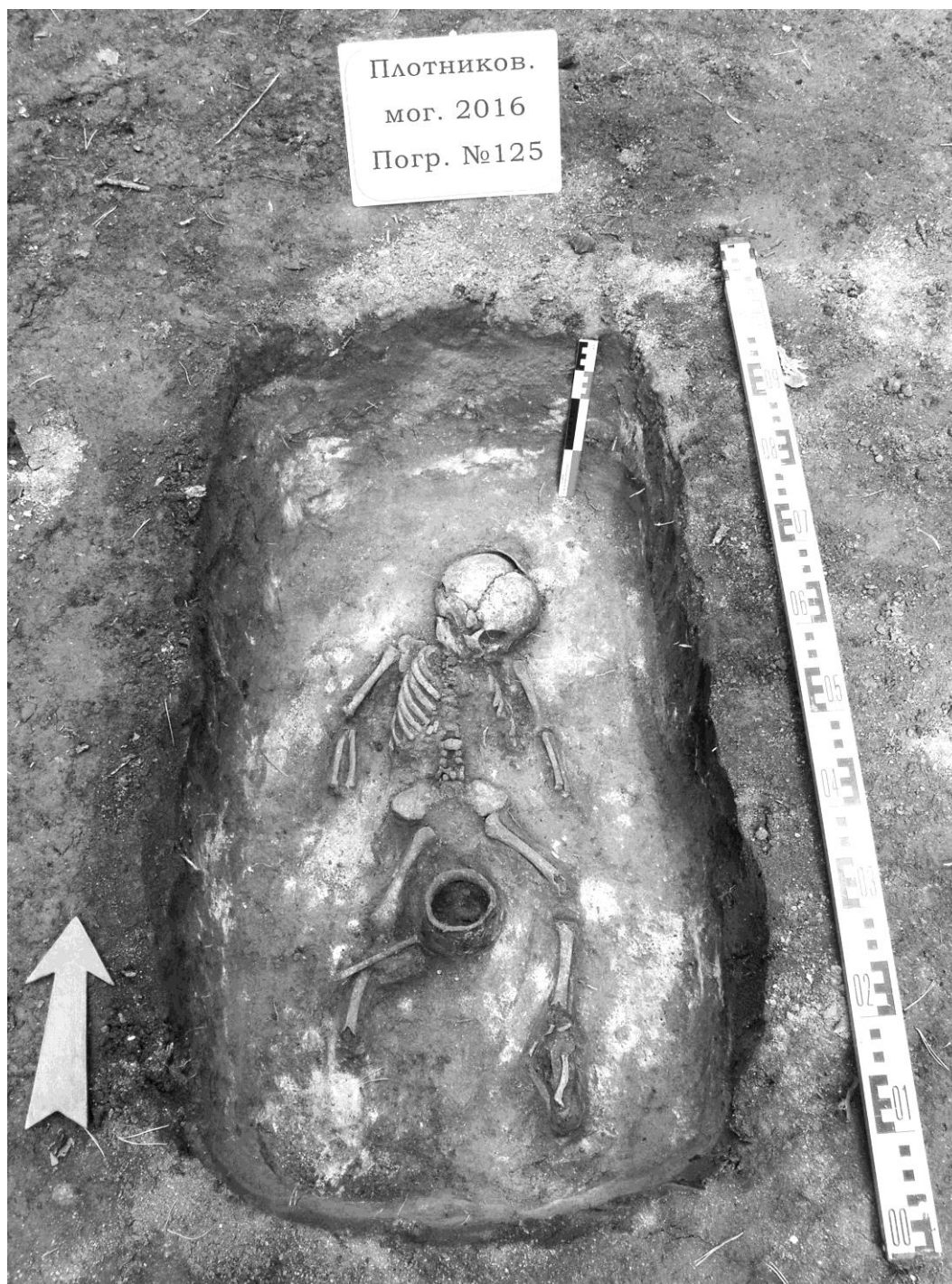

Рис. 2. Погребение № 125.

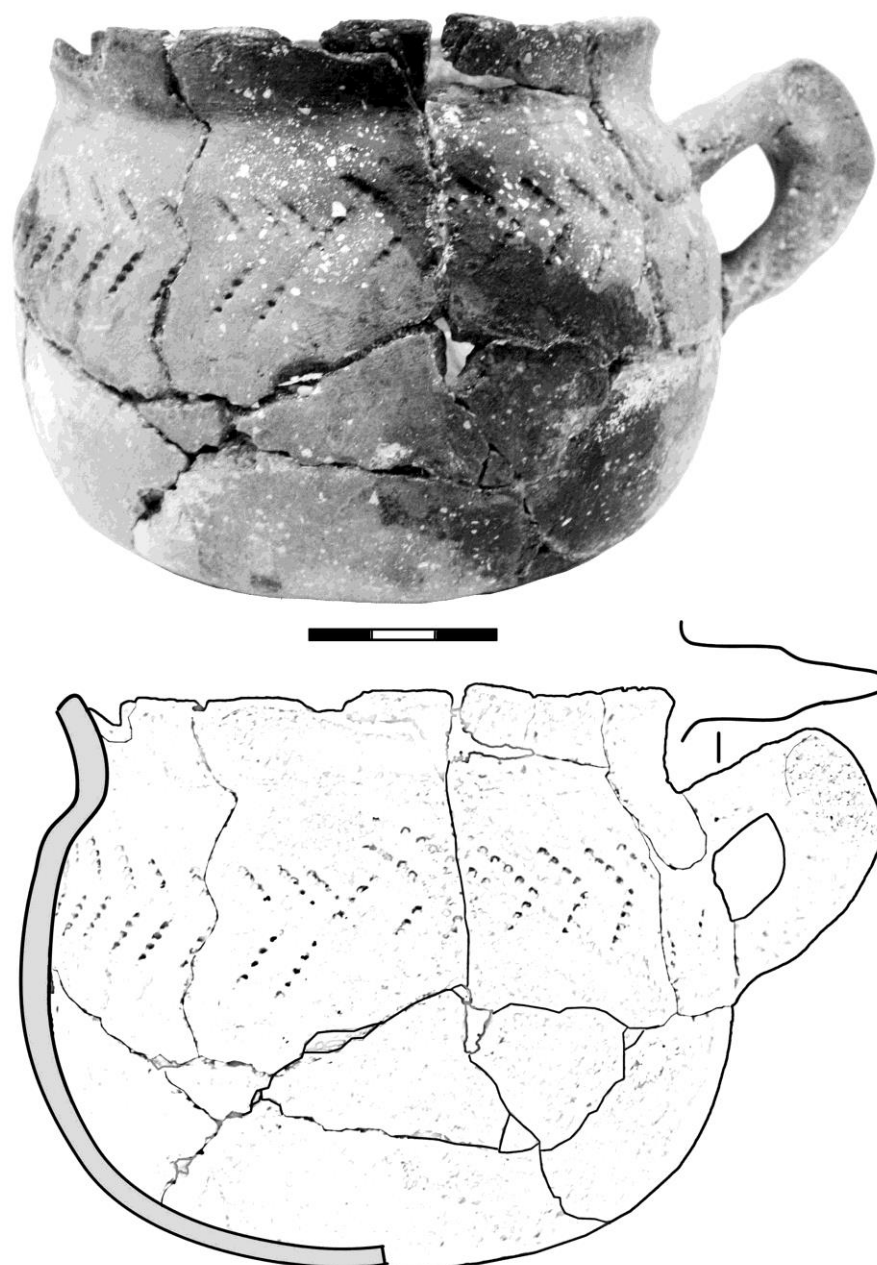

Рис.3. Сосуд из погребения № 40. Фото и прорисовка.

Крыласова Н.Б.

(Пермский научный центр УрО РАН, Пермь)

**ИССЛЕДОВАНИЕ РОЖДЕСТВЕНСКОГО МОГИЛЬНИКА В
КАРАГАЙСКОМ РАЙОНЕ ПЕРМСКОГО КРАЯ: к вопросу о жертвенно-
поминальных комплексах ***

** Статья подготовлена в рамках гранта РГНФ № 15-11-59002 «Символические функции объектов традиционной культуры народов Урала» и гранта РФФИ КИАС 14-06-96002 p_урал_a «Средневековое Пермское Предуралье: меняющееся население в изменяющейся среде»*

С 2008 г. в рамках программы противоаварийных исследований были продолжены исследования Рождественского могильника в Карагайском районе Пермского края. За период исследований была вскрыта значительная площадь памятника, изучено 198 погребений, получен богатый материал, характерный для завершающего этапа ломоватовской культуры X-XI вв. Кроме погребений выявлено 45 объектов, которые интерпретированы как жертвенно-поминальные ямы. Анализ этих объектов, представленный в статье, позволяет выделить черты, характерные для них, которые, очевидно, свойственны жертвенно-поминальным ямам и других могильников ломоватовской культуры. Новые данные, полученные при раскопах Рождественского могильника, демонстрируют перспективность дальнейших исследований в области изучения особенностей поминальной практики у средневековых жителей Пермского края.

Ключевые слова: Пермский край, эпоха средневековья, ломоватовская культура, могильник, жертвенно-поминальные ямы

Krylasova N. B.

(Perm Scientific Center of the Ural Branch of the Russian Academy of Sciences, Perm)

**RESEARCH OF ROZHDESTVENSKIY BURIAL GROUND IN
KARAGAI REGION OF PERM KRAI: TO THE QUESTION OF THE
SACRIFICIAL-FUNERAL COMPLEXES ***

** This article was prepared within the framework of the grant 15-11-59002 'Symbolic functions of traditional culture objects of the Urals peoples' and grant 14-06-96002 'Medieval Perm Cis-Urals: changing population in changeable environment'*

Since 2008 research of Rozhdestvenskiy burial ground in Karagai region of Perm krai was continued within the framework of the anti-damage research programme. A large area of the monument was revealed during the period of research, 198 burials were studied, huge material, typical for the final stage of lomotovskaya culture of the 10th -11th centuries, was received. 45 objects that are interpreted as sacrificial-funeral pits are revealed in addition to the burials. The analysis of these objects, presented in this article, allows us to single out features, typical for them, that are obviously typical for sacrificial-funeral pits and other lomotovskaya culture burial grounds. New data, received during Rozhdestvenskiy burial ground excavations, dismantle the prospects for further research in the field of funeral practice peculiarities among medieval Perm krai inhabitants.

Key words: Perm krai, the Middle Ages epoch, lomotovskaya culture, burial ground, sacrificial funeral pits

В 2008-2012, 2014-2016 гг. в рамках программы противоаварийных археологических исследований на разрушающихся археологических памятниках Пермского края в рамках государственной программы «Культура Пермского края» проводились раскопки Рождественского языческого могильника в Карагайском районе, который является составной частью одноименного археологического комплекса, занимающего несколько выступов коренного левого берега р. Обва. Комплекс включает Филипповское (малое) и Рождественское (большое) средневековые городища, неукрепленный посад, мусульманский домонгольский могильник и обособленный от него средневековый языческий некрополь.

Языческая часть Рождественского могильника расположена в 300-500 м к востоку от Рождественского городища. Мыс, где она располагалась, в XVII – первой половине XX вв. занимали жилые постройки д. Постанового, нанесшие значительный ущерб могильнику.

В 1949 г. могильник был осмотрен В.А. Обориным и В.П. Денисовым, и был сочтен полностью разрушенным. Материалы могильника, собранные в разные годы, были опубликованы В.А. Обориным, который датировал могильник VII-XIV вв. и отнес его к ломоватовской и родановской культурам (Оборин, 1953).

В 1990 г. были предприняты целенаправленные поиски остатков могильника, которые увенчались успехом. На тропинке, ведущей с площадки памятника в распадок, была найдена бронзовая пронизка-барашек. На месте находки был заложен раскоп I. Всего на площади могильника в 1990-1993, 1997 гг. было заложено пять раскопов в разных частях площадки. Раскоп I содержал языческие погребения с богатым инвентарем, датирующиеся второй половиной X – первой половиной XI века. На раскопах II и IV изучены погребения, совершенные по мусульманскому обряду. Раскоп III между площадками языческого и мусульманского могильников оказался пустым. В 1997 г. в поле к северу от оконечности распадка были обнаружены многочисленные предметы (бронзовые украшения, бусы, железные предметы), датирующиеся более поздним временем, чем материалы раскопа I. Здесь был заложен небольшой раскоп V площадью 20 м², погребений на котором зафиксировать не удалось, но встреченные предметы (кресала, украшения), позволили ориентировочно датировать данную часть памятника концом XI – началом XIII вв. (Белавин, Крыласова, 2008, с.87-95).

Работы по программе противоаварийных исследований проводились на раскопе I. За 8 лет здесь было вскрыто 1055 м², изучено 198 погребений, общая площадь раскопа достигла 1615 м², количество погребений – 304. Не смотря на такую значительную исследованную площадь, границы могильника пока окончательно не определены. В 2012 г. исследовалась самая северная часть раскопа I, где на площади 152 м² обнаружено всего 12 погребений, относящихся к 5 разреженным рядам, а на северных участках никаких объектов не наблюдалось (Крыласова, 2013, рис.26). Очевидно, здесь находится северная граница могильника X-XI вв., территориально оторванного от могильника XII-XIII вв., расположенного примерно в 300 м к северо-востоку. В 2016 г. на самом западном участке изученной части памятника преобладали безынвентранные захоронения, в целом не характерные для могильника, что может свидетельствовать о близости западной границы.

Погребения на могильнике X-XI вв. перекрыты культурным слоем, связанным с функционированием д.Постаноговой, в котором собрана внушительная коллекция разнообразных предметов, отражающих хозяйственную и бытовую жизнь деревни, преимущественно, к. XIX – начала XX вв.

Погребения расположены рядами, вытянутыми по линии ЗЮЗ-ВЮВ – параллельно течению р. Обвы. Ориентировка могильных ям довольно устойчива: абсолютное большинство погребений ориентировано по линии ССЗ-ЮЮВ или С-Ю с небольшими отклонениями. Судя по расположению инвентаря и остатков костяков в захоронениях, можно утверждать, что погребенные лежали ногами к реке. Подобная ориентировка умерших отмечается в Прикамье с эпохи раннего железа.

Большинство погребений имеют овально-подпрямоугольную форму. Захоронения совершались, в основном, в простых ямах с почти вертикальными стенками, плавно переходящими в ровное дно, нередко имеющее слабый уклон к северу или к югу.

Случаи взаимонарушения погребений на Рождественском языческом могильнике в целом единичны. Нередко по периметру могильных ям прослеживаются столбовые ямки от кольев небольшого диаметра, что позволяет предполагать наличие надмогильных сооружений в виде оградок или шалашей.

Остатки погребальных сооружений сохраняются фрагментарно и фиксируются только в погребениях, наиболее насыщенных металлическими деталями погребального инвентаря. Чаще всего на дне прослеживаются остатки древесины, на основании чего можно судить о том, что дно погребений покрывалось досками; в отдельных случаях удалось проследить остатки деревянных рам.

Кости скелета в погребениях Рождественского могильника сохраняются плохо. В большинстве случаев сохранность костей настолько плохая, что они не подлежат антропологическому анализу. Чаще всего встречаются фрагменты костей нижних конечностей, расположенных в анатомическом порядке, остатки черепов или отдельные зубы, расположенные примерно в анатомическом соответствии. Нередко остатки черепов обнаруживаются в центральной части могильной ямы, это позволяет предполагать, что в погребениях присутствовало перекрытие, обеспечивающее наличие свободного пространства, голова погребенного, очевидно, располагалась в приподнятом на подставке положении, и после истлевания мягких тканей могла откатиться к югу, учитывая естественный уклон поверхности.

Преобладающим являлся классический вариант обряда ингумации, когда погребенный укладывался на дне могильной ямы (в отличие от зафиксированного в восточной части могильника обряда ингумации на помосте (Белавин, Крыласова, 2008, с.96-97). Сопровождающий инвентарь, в частности, украшения и детали костюма, обычно расположен там, где вещи носились при жизни, за исключением некоторых случаев, где прослеживается, что пояса, возможно, были уложены вдоль покойного.

Достаточно часто в заполнении погребений встречаются зубы лошади, которые чаще всего помещались в северо-западном или северо-восточном углах могильной ямы («в изголовье»), реже – в центральной или южной частях погребения.

Развалы керамических сосудов преимущественно располагались в центральной или в южной («в ногах» погребенного), реже в северной части

погребений («в изголовье» погребенного). Иногда встречается по 2 сосуда, поставленных в разных частях могильной ямы.

Особенностью изученной в 2014-2015 гг. части могильника являлась сравнительно высокая концентрация мужских погребений, содержащих в составе погребального инвентаря комплексы хозяйственных и ремесленных орудий. Наконечники стрел располагались компактной «пачкой», что свидетельствует об их вероятном нахождении в колчане, в центральной или южной части погребения (справа или слева от погребенного), острием на север (к голове погребенного). Наборы инструментов размещались «в ногах» погребенного примерно на условной оси могильной ямы, топоры – преимущественно в юго-восточном, реже в северо-западном углу или в центральной части у восточной стенки погребения, удила – «в ногах» погребенного.

В процессе раскопок 2000-х гг. на Рождественском могильнике собран значительный материал, характерный для завершающего этапа ломоватовской культуры X-XI вв. Среди украшений присутствует ряд редких предметов, которые представлены на памятниках Пермского Предуралья единичными находками: бронзовая копоушка с шумящими привесками (рис.2/4), бронзовые амулеты, имитирующие гребешки (рис.2/6-7), фрагмент креста «скандинавского типа» (рис.2/8), перстень с шумящими привесками (рис.2/9). Присутствуют и совершенно уникальные находки, встреченные на данной территории впервые: калачевидные височные украшения с шумящими привесками (рис.2/1-3), бронзовая «когтевидная» подвеска с имитацией зерно-сканого декора (рис.2/5), фрагмент серебряной трапециевидной подвески со сложным орнаментом в виде плетенки, возможно, древнерусского происхождения (рис.2/10). В 2009 г. в одном из погребений обнаружен фрагмент носка, связанного на спицах – первая находка вязаного изделия на территории Урала (Крыласова, 2010, 2010а). Обнаружены новые экземпляры мужских поясных кошельков и женских поясных сумок (Крыласова, 2012), значительное количество полных наборных поясов, позволяющих представить их реконструкцию, в том числе, уникальный пояс с чернью, возможно, импортированный с территории Хазарии (Крыласова, Подосенова, 2015, 2015а). В комплексах орудий, сопровождавших мужские погребения, обнаружены редкие не только для территории Пермского края, но и в целом для Восточной Европы ювелирные инструменты: шабер, ножницы по металлу, тигельные щипцы, молоток (Крыласова, Белавин, 2015; Крыласова, Подосенова, 2016). В 2011 г. найдена третья на данном могильнике серебряная погребальная маска-личина (Белавин, Крыласова, Подосенова, 2016). Анализ погребального инвентаря Рождественского могильника, проведенный с применением комплекса различных археологических и математических методов, позволил разделить массив материалов X-XI вв. на хронологические группы, выделить тенденции в развитии отдельных типов украшений (Крыласова, 2013а).

Кроме погребений изучены жертвенно-поминальные объекты. Они представляют собой округлые или овальные ямки (рис.3-7), расположенные за пределами могильных ям. Всего за период с 2008 г. изучено 45 подобных объектов (Табл.1). Диаметр самой маленькой ямки составляет 0,18 м, размеры самой большой – 1,3 x 0,9 м, но в среднем преобладают ямки, диаметр которых варьирует в пределах 0,3-0,7 м. Ямки имели ровное дно и вертикальные или наклонные стенки (57%), либо чашевидную или конусовидную форму (43%). Глубина их составляла от 0,27 до 1,03 м от поверхности, но преобладающей была глубина в пределах 0,3-0,7 м. Учитывая, что глубина фиксации объектов на разных участках раскопа различалась, в зависимости от насыщенности культурного слоя, связанного с функ-

ционированием д. Постаногово, и иногда достигала 0,5-0,6 м от поверхности, часть жертвенно-поминальных ямок, возможно, «срылась» еще до проведения общей фиксации. С ними могут быть связаны находки зубов животных (преимущественно, лошади), развалов керамических сосудов и отдельных вещевых предметов, обнаруженных до фиксации и начала разборки объектов могильника.

Следует отметить, что на участке могильника, изученном в 1990-х гг. подобные ямки не выделялись. Причиной этого является сложность фиксации объектов в суглинистом пестроцветном предматериковом слое, нарушенном сооружениями д. Постаногово. Научиться выявлять данные объекты позволил опыт, полученный при исследованиях Запосельского могильника в 2006-2007 гг. (Крыласова и др., 2014, с.348-349, 359). Там в песчаном материковом слое погребения и ямы фиксировались более четко, и было отмечено, что жертвенно-поминальные объекты зачастую окружали конструкции из столбовых ямок небольшого диаметра (рис.3-7). Выделение подобных конструкций на Рождественском могильнике облегчило фиксацию ям, которые, в отличие от большинства погребений, имеют менее насыщенное гумусированными остатками заполнение, и прослеживаются не так отчетливо. Столбовые ямки, связанные с конструкцией жертвенно-поминальных объектов, выявлены в 78% случаев. Их могло быть от 2 до 9. В тех случаях, когда прослеживалось небольшое количество столбовых ямок, они обычно располагались с противоположных сторон ямы, но преимущественно столбовые ямки окружали яму по периметру. Диаметр столбовых ямок обычно не превышает 4-7 см. Вероятнее всего, они связаны с забитыми в землю кольями, служившими основанием оградки или шалашика, защищавших принесенные предкам поминальные жертвы от животных и птиц.

В 40% ям никаких находок не обнаружено. В трех ямах выявлены кости животных. Особенно интересна яма 8/16, в которой расчищены кости двух конечностей с фалангами, предположительно, принадлежавших медведю (определение еще не получено), расположенных примерно в анатомическом соответствии параллельно друг другу (Крыласова, 2016а, с.49). Чаще (в 15,5% случаев) в ямах найдены отдельные зубы или фрагменты челюсти животных (преимущественно, лошади). В двух ямах выявлены отдельные фрагменты керамики, в двух – сосуды (в целом 8,8% ям). Эти комплексы, включая безынвентарные ямы, можно считать остатками поминальных тризн или, что более вероятно, – следами обряда «кормления» умерших родственников. В случае с ямами без находок свидетельством возможного размещения здесь поминальной пищи является гумусированный слой заполнения иногда с включениями мелких угольков. Это же относится и к ямам, в которых присутствовали вещевые находки.

Вещевые «поминальные приношения» в ямах чаще содержали один предмет (20% ям): наиболее характерны железные удила (8,8% ям) (напр., рис.4, 7), в единичных случаях представлены железный наконечник стрелы (яма 5/09) или украшения – трубчатая и орнитоморфная пронизки на шнурке (яма1/08) (рис.3), трубчатая пронизка и бубенчик на шнурке (2/09), желтая стеклянная бусина (1/10) (рис.5), бронзовая бусина (яма5/14). В 8,8% ям представлено по 2 предмета: фрагмент керамики и неопределенный железный предмет (яма 6/08), трубчатая пронизка и неопределенный железный предмет (яма 6/11), две бронзовые бусины (яма 1/09), бронзовая накладка и желтая стеклянная бусина (яма 10/16). В 13% ям содержалось 3 и более предметов, например: нож, трубчатая пронизка и желтая стеклянная бусина (яма 3/10); шумящая якорьковая подвеска, железный колчаный крюк, кольцо и неопределенный железный предмет (яма 2/11). Наиболее «богатые» наборы предметов выявлены в ямах на участке, изученном в 2015 г.: в яме

2/15 – керамический сосуд, две серебряные монеты, серебряные пластины, серебряный «колпачок» от перстня и бронзовые бусы; в яме 3/15 – челюсть лошади, керамический сосуд, удила и подпружная пряжка, стеклянные и хрустальные бусы, бронзовые шаровидные привески; в яме 4/15 – ремешок от поясной привески с набором накладок, монетовидная подвеска и зубы лошади (рис.6); в яме 5/15 – набор из 4 бронзовых накладок и наконечник ремня, бусина и флаконовидная пронизка (Крыласова, 2016, с.78).

Поскольку описываемые ямы, как правило, неглубокие, фиксация их, как указано выше, зачастую вызывает затруднения, выделяются они не всегда. Возможно, с такими объектами связаны комплексы находок, обнаруженных в скоплении возле могильных ям за пределами их границ. Так, в 2014 г. у юго-западного угла п.232 («в ногах») были обнаружены железная острога и железная подпружная пряжка; у северо-восточного угла п.234а («в изголовье») – скопление железных предметов, включающее ножницы по металлу, нож, скобель, фрагменты втулок от каких-то инструментов и пару фрагментов неопределенных инструментов; у северо-западного угла п.242 («в изголовье») – два каменных оселка, железный наконечник дротика с массивной втулкой и маленькой четырехгранной головкой, железное кольцо (возможно, рамка пряжки), прямоугольный железный брусок и два фрагмента медных пластин (подробнее см. Крыласова, Белавин, 2015); возле юго-западного угла п.239 («в ногах») – фрагмент железного кольца, элементы поясного набора, включающего 15 накладок (причем сохранился значительный фрагмент поясного набора, включающий 10 последовательно расположенных сердцевидных накладок), а также детали поясной привески, включающей трубчатую пронизку и пронизку-колокольчик (Крыласова, 2015, с.69). В 2015 г. у северо-западного угла п.263 («в изголовье») в скоплении обнаружены фрагменты керамического сосуда, накладки и наконечник ремня, шаровидные привески (Крыласова, 2016, с.78).

Рассматриваемые ямы чаще всего располагались к северу или к югу от погребений, соответственно, «в изголовье» (51%) или «в ногах» (40%), занимая свободное пространство между рядами погребений (рис.1). Иногда они тоже образуют ряды. По особенностям расположения и составу находок их нередко удается соотнести с конкретными погребениями. Значительно реже (в 9% случаев) ямы располагались сбоку от погребений (к западу или востоку) или таким образом, что их было невозможно планиграфически соотнести с определенным погребением. Расположение жертвенно-поминальных ям сбоку от погребения, на наш взгляд, по смыслу можно приравнивать к погребениям, которые имеют у одной из продольных стенок своеобразный выступ-«карман» полуовальной формы. Иногда в этих выступах прослеживаются ступени, спускающиеся ко дну могильной ямы, в этом случае, предположительно, погребения имитировали жилища-полуземлянки с тамбуром (Белавин, Крыласова, 2008, с.96). Но иногда такие выступы напоминают яму, выкопанную вплотную к стенке погребения или с небольшим заступом в пределы могильной ямы. Нередко, как и жертвенно-поминальные ямы, выступы окружены столбовыми ямками. Если провести сравнение находок в пределах этих объектов, вероятно, они будут аналогичны находкам из ям (сосуды, зубы животных, единичные вещи).

Таким образом, на основе анализа жертвенно-поминальных ям Рождественского могильника, можно выделить следующие характерные черты этих объектов:

- ямы имеют округлую/овальную форму, преимущественно небольшой диаметр (0,3-0,7 м) и небольшую глубину (0,3-0,7 м);

- ямы окружены столбовыми ямками от кольев небольшого диаметра
- ямы преимущественно расположены на свободных участках между рядами погребений к северу или югу от них и иногда образуют свои ряды
- преобладают ямы без инвентаря или с небольшим количеством находок, среди которых наиболее типичными можно считать зубы лошади, сосуд, удила, желтые стеклянные бусы, детали ременных наборов или поясных привесок.

Наличие жертвенных ям, расположенных между могилами, отмечала Р.Д.Голдина на ряде ломоватовских могильников. Согласно ее наблюдениям, в состав некоторых комплексов входили кости животных, преимущественно головы и ноги лошадей и крупного рогатого скота, а также фрагменты керамики, стеклянные бусы и обломки различных вещей (Голдина, 1985, с.33). Для VIII-IX вв. Р.Д.Голдина на материалах двух могильников (Деменки, Урья) зафиксировала изменение характера жертвенных комплексов, которое заключалось в появлении остатков кострищ: углей, зольных прослоек, прокаленности днищ ям (Голдина, 1985, с.33). Но, очевидно, такие комплексы являются характерными именно для указанных могильников, поскольку на Рождественском могильнике X-XI вв., принадлежащем к завершающей стадии ломоватовской культуры (Белавин, Крыласова, 2016), подобные изменения не прослеживаются.

Обычай проведения поминальных ритуалов и связанные с ними жертвенно-поминальные комплексы в могилах или за пределами могильных ям, прослеживаются во многих археологических культурах. Очевидно, что в ломоватовской культуре существовал устойчивый обычай устройства поминальных сооружений. Основной смысл поминальных обрядов, судя по результатам анализа указанных сооружений, заключался, прежде всего, в «кормлении» умерших родственников (кости животных, сосуды, гумусированный слой заполнения), а также в принесении даров в виде новой одежды, символом которой чаще всего являлись фрагменты поясов, транспортного животного (удила, зубы или челюсти лошади), реже – орудий труда или предметов вооружения.

Новые данные, полученные при раскопках Рождественского могильника, демонстрируют перспективность дальнейших исследований в области изучения особенностей поминальной практики у носителей ломоватовской культуры.

Источники:

Крыласова, 2013 – Крыласова Н.Б. Отчет о раскопках Рождественского (языческого) могильника в Карагайском районе Пермского края в 2012 г. / рукопись. Пермь: ПГПУ. 56 с., 135 ил.

Крыласова, 2015 – Крыласова Н.Б. Отчет о раскопках Рождественского (языческого) могильника в Карагайском районе Пермского края в 2014 г. / рукопись. – Пермь: ПГПУ. 92 с., 368 ил.

Крыласова, 2016 – Крыласова Н.Б. Отчет о раскопках Рождественского (языческого) могильника в Карагайском районе Пермского края в 2015 г. / рукопись. Пермь: ПГПУ. 98 с., 331 ил.

Крыласова, 2016а – Крыласова Н.Б. Отчет о раскопках Рождественского (языческого) могильника в Карагайском районе Пермского края в 2016 г. / рукопись. Пермь: ПГПУ. 74 с., 306 ил.

Литература:

Белавин, Крыласова, 2008 – Белавин А.М., Крыласова Н.Б. Древняя Афкула: археологический комплекс у с. Рождественск. Пермь: ПФ ИИиА УрО РАН, 2008. 603 с.

Белавин Крыласова, 2016 – Белавин А.М., Крыласова Н.Б. Проблема периодизации средневековых археологических культур Пермского Предуралья // Вестник Пермского университета. Серия: История. 2016. № 1 (32). С. 28-41.

Белавин, Крыласова, Подосёнова, 2016 – Белавин А.М., Крыласова Н.Б., Подосёнова Ю.А. Металлические лицевые покрытия в погребальном обряде древних венгров Урала // The scientific heritage. Historical sciences. vol 1, No 3 (3) (2016), s. 78-81

Голдина 1985 – Голдина Р.Д. Ломоватовская культура в Верхнем Прикамье. Иркутск: Иркутский университет. 1985. 280 с.

Крыласова, 2010 – Крыласова Н.Б. первой находке фрагмента вязаного изделия в Пермском Предуралье // Вестник Музея археологии и этнографии Пермского Предуралья. Вып. 3. Пермь: ПГПУ. С.7-12

Крыласова, 2010a – Крыласова Н.Б. К вопросу о происхождении вязания на спицах на территории России // III Северный археологический конгресс. Тезисы докладов. Екатеринбург-Ханты-Мансийск: Изд. дом "ИздатНаукаСервис". С.260-261

Крыласова, 2012 – Крыласова Н.Б. Поясные сумки X-XI вв. (по материалам раскопок Рождественского могильника в 2008-2010гг.) // Труды КАЭЭ. Вып. VIII: Археологические памятники Поволжья и Урала: современные исследования, проблемы сохранения и музеефикации. Пермь: ПГПУ. С. 236-241

Крыласова, 2013a – Крыласова Н.Б. Хронологические особенности материальной культуры X-XI вв. (по материалам Рождественского могильника в Пермском крае) // Вестник Пермского университета. Серия: История. 2013. № 1 (21). С. 104-115.

Крыласова, Белавин, 2015 – Крыласова Н.Б., Белавин А.М. Комплексы орудий в мужских захоронениях ломоватовской культуры как отражение основных хозяйственных и производственных занятий населения // Вестник Челябинского государственного университета. 2015. № 6 (361). С. 16-27.

Крыласова, Лычагина, Белавин, Скорнякова, 2014 – Крыласова Н.Б., Лычагина Е.Л., Белавин А.М., Скорнякова С.В., Археологические памятники Чашкинского озера / Археология Пермского края. Свод археологических источников. Вып. III. – Пермь: ПГПУ, 2014. – 565 с.

Крыласова, Подосёнова, 2015 – Крыласова Н.Б., Подосёнова Ю.А., Средневековые ювелирные изделия с чернью с территории Пермского Предуралья // IV Северный археологический конгресс. Материалы. Екатеринбург-Ханты-Мансийск: ИИиА УрО РАН. 2015. С.180-183

Крыласова, Подосёнова, 2015a – Крыласова Н.Б., Подосёнова Ю.А., Поясной набор с чернью из Рождественского могильника X-XI вв. // Вестник Музея археологии и этнографии Пермского Предуралья. Вып. V. Пермь: ПГПУ. 2015. С.21-27

Крыласова, Подосёнова, 2016. – Крыласова Н.Б., Подосёнова Ю.А. Ювелирные инструменты по материалам Рождественского археологического комплекса эпохи средневековья // XV Бадеровские чтения по археологии Урала и Поволжья. Материалы всероссийской научно-практической конференции. – Пермь: ПГНИУ. 2016. С.173-177

Оборин, 1953 – Оборин В.А. Рождественское городище и могильник // Уч.зап. Пермского госуниверситета. т.1X, вып.3. - Харьков: Харьк.ГУ,1953. – С.168-180

Усл. №	Форма		глубина (м)	Дно		столовые ямки по периметру	Соотношение с погребениями			Инвентарь															
	округлая	овальная		ровное	чашистое		№ погребения/пол	«в полове»	«в нога»																
1	1/08	+	0,58	+		+	133/ж	+	+	1	+														
2	2/08	+	0,55	+		+	148/ж	+																	
3	3/08	+	0,58	+		+	147/?	+																	
4	4/08	+	0,6	+		+	138/?	+																	
5	5/08	+	0,33х 0,24	+		+	239/м	+	+																
6	6/08	+	0,56х 0,38	+		+	139/м	+																	
7	7/08	+	0,63	+		+	151/?	+																	
8	8/08	+	0,65	+		+	142/?	+																	
9	9/08	+	0,69	+		+	163/?	+	+																
10	1/09	+	0,77	+		+	164/?	+																	
11	2/09	+	0,77х 0,65	+		+	165/?	+																	
12	3/09	+	0,67	+		+	166/ж	+																	
13	5/09	+	0,76х 0,7	+		+	165/?	+																	
14	6/09	+	0,67х 0,6	+		+	166/ж	+																	
15	7/09	+	0,72х 0,55	+		+	160/ж	+																	
16	1/10	+	0,95х 0,85	+		+	154/ж	+	+																
17	2/10	+	0,38	+		+	175/?	+																	
18	3/10	+	0,6	+		+	181/ж	+																	
19	2/11	+	1,3х 0,9	+		+	189/?	+	+																
20	3/11	+	0,38х 0,3	+		+	205/м	+																	
21	4/11	+	0,47	+		+	108/?	+																	
22	6/11	+	0,8х 0,65	+		+																			
23	1/14	+	0,4х 0,3	+		+	237/м	+																	
24	5/14	+	0,38х 0,31	+		+	229/?	+																	
25	1/15	+	0,44х 0,4	+		+	260/м	+																	
26	2/15	+	0,55	+		+	260/м	+																	
27	3/15	+	0,9х 0,83	+		+	252/ж	+	+																
27	3/15	+	0,73х 0,65	+		+	253а-	+																	

Табл. 1. Характеристика жертвенно-поминальных ям Рождественского могильника

уст. №	Форма		размеры/глубина (м)	Дно		столбовые ямки по периметру	Соотношение с погребениями				Инвентарь																																																																																																																																																																																																																																																																																																																																																																																																																																																																																																																																																																																																																																																																																																																																																																																																																																																																																																																																																																																																																																																																																																																																																																																																																																																																																							
							№ погребения/пол	«в изголовье»	«в ногах»	кости животных	зубы животных	фр. керамики	керамический сосуд	фигурные проноски	трибчатая проноска	бубенчики, шары, привески	икорьковая подвеска	ушанка	железная подпружинная пряжка	наконечник стрелы	копчанный крюк	железное кольцо	нож	неопр. железн. предмет	бронзовые бусы	стеклянные и каменные бусы	бронзовая накладка	фр. перстня	монета/ мониторинг, подвеска	серебряные пластины																																																																																																																																																																																																																																																																																																																																																																																																																																																																																																																																																																																																																																																																																																																																																																																																																																																																																																																																																																																																																																																																																																																																																																																																																																																																				
	повное	чашевидное																																																																																																																																																																																																																																																																																																																																																																																																																																																																																																																																																																																																																																																																																																																																																																																																																																																																																																																																																																																																																																																																																																																																																																																																																																																																																																
28	4/15	+	0,47x 0,43	0,59	+	+	б/м, ж	+																																																																																																																																																																																																																																																																																																																																																																																																																																																																																																																																																																																																																																																																																																																																																																																																																																																																																																																																																																																																																																																																																																																																																																																																																																																																																										</

Табл. 1. Характеристика жертвенно-поминальных ям Рождественского могильника (продолжение)

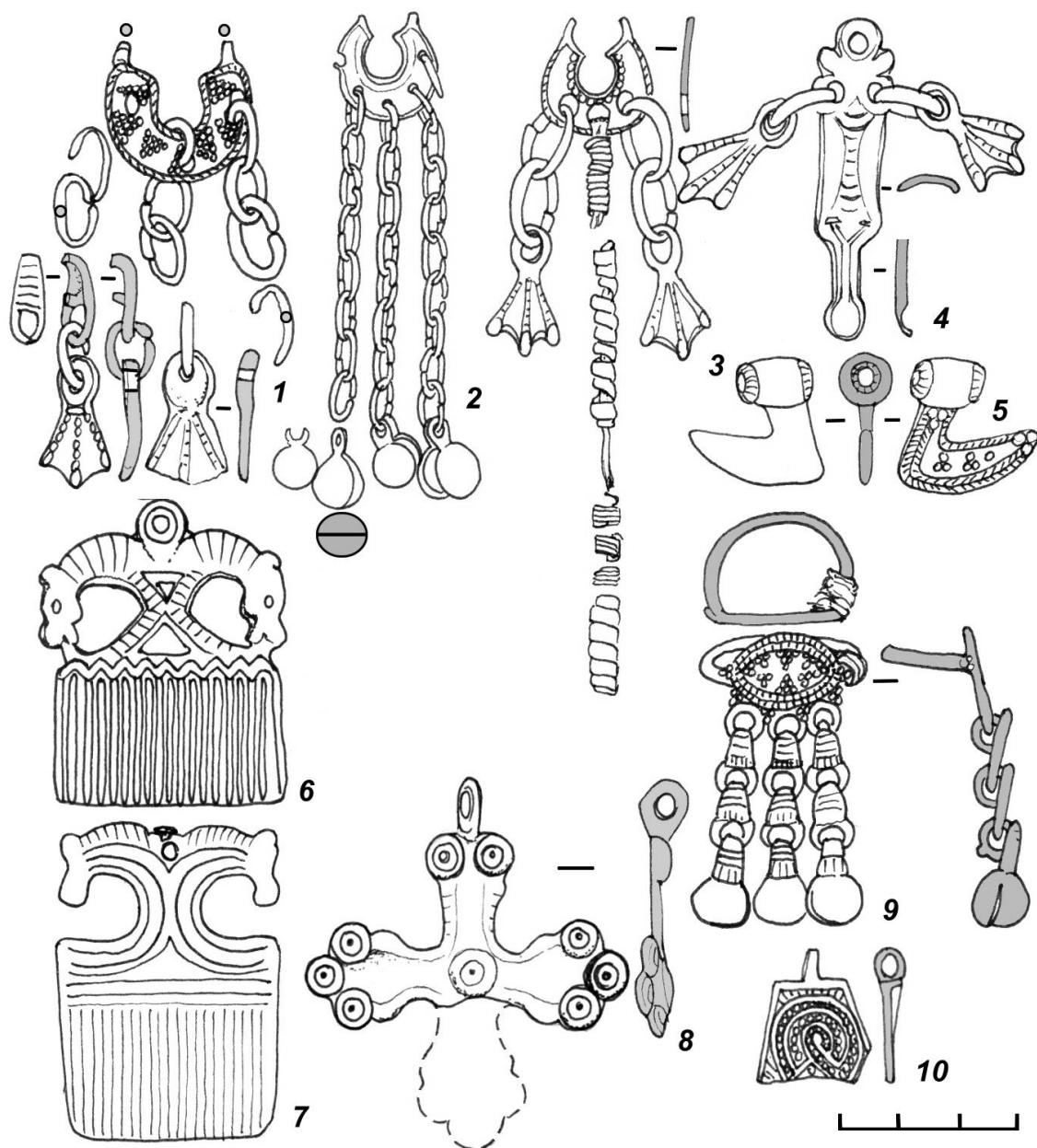

Рис.2 Примеры редких и уникальных предметов из цветных металлов, обнаруженных на Рождественском могильнике в 2000-х г.: 1, 9 – п.234, 2-5 – п.252, 6 – п.167, 7-8 – п.275, 10 – п.243

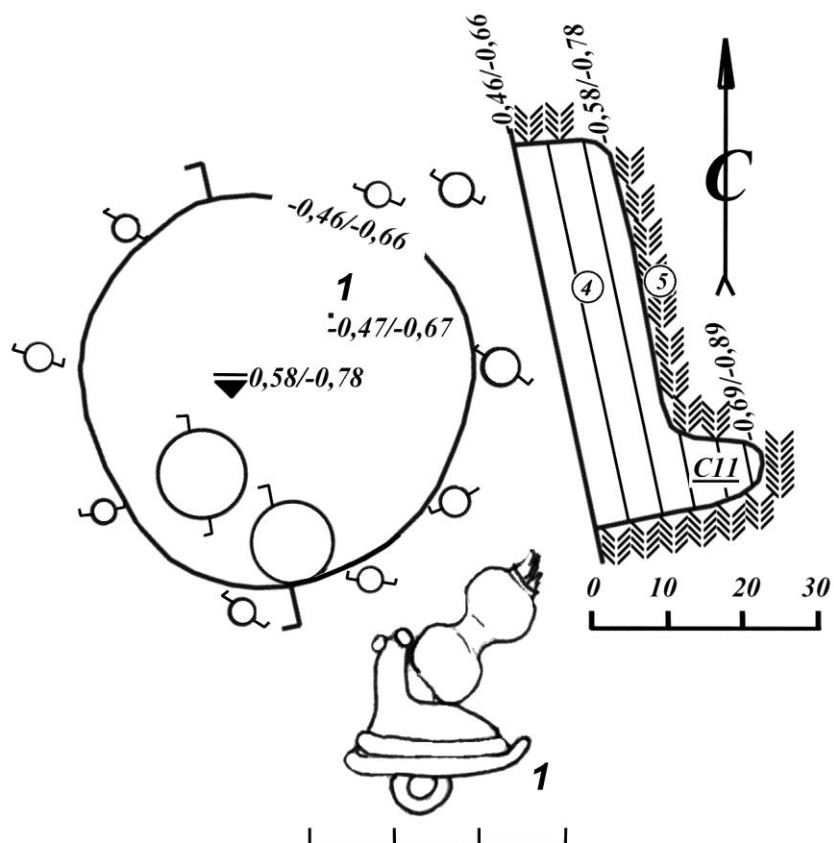

Рис.3 Примеры жертвенно-поминальных ям: план и материал ямы 1/08

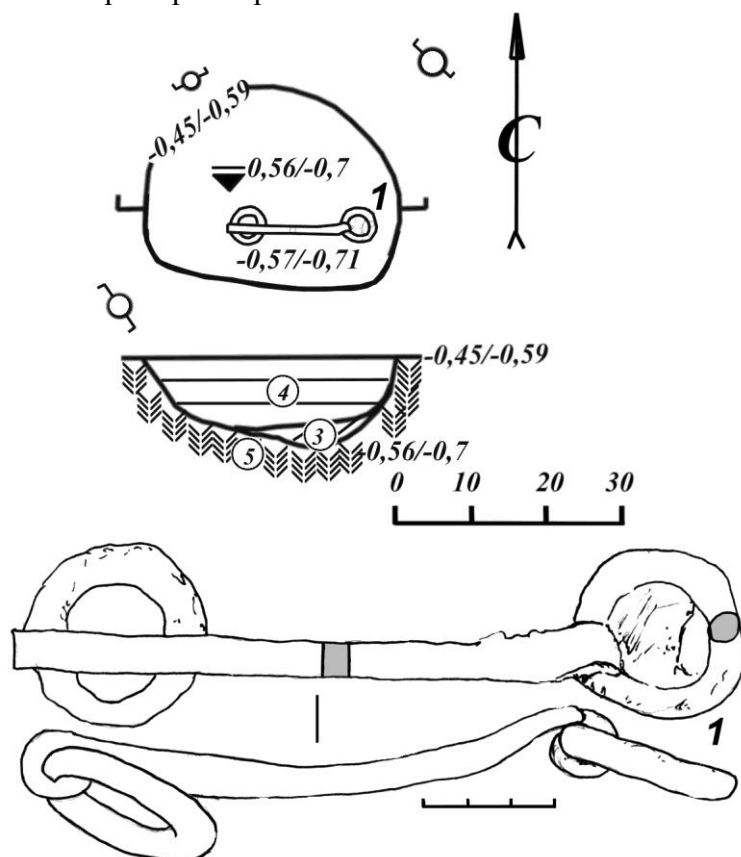

Рис.4 Примеры жертвенно-поминальных ям: план и материал ямы 5/08

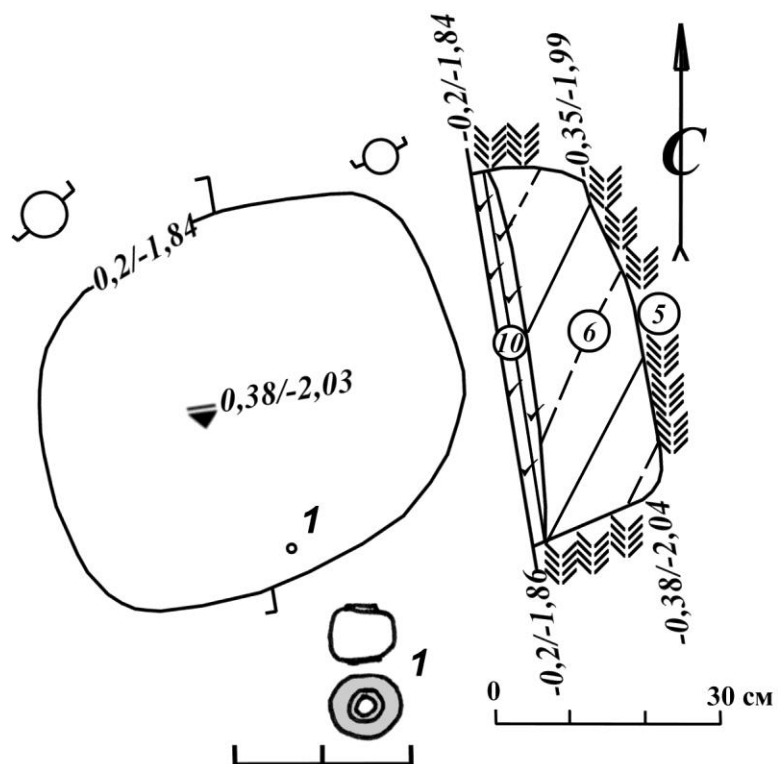

Рис.5 Примеры жертвенно-поминальных ям: план и материал ямы 1/10

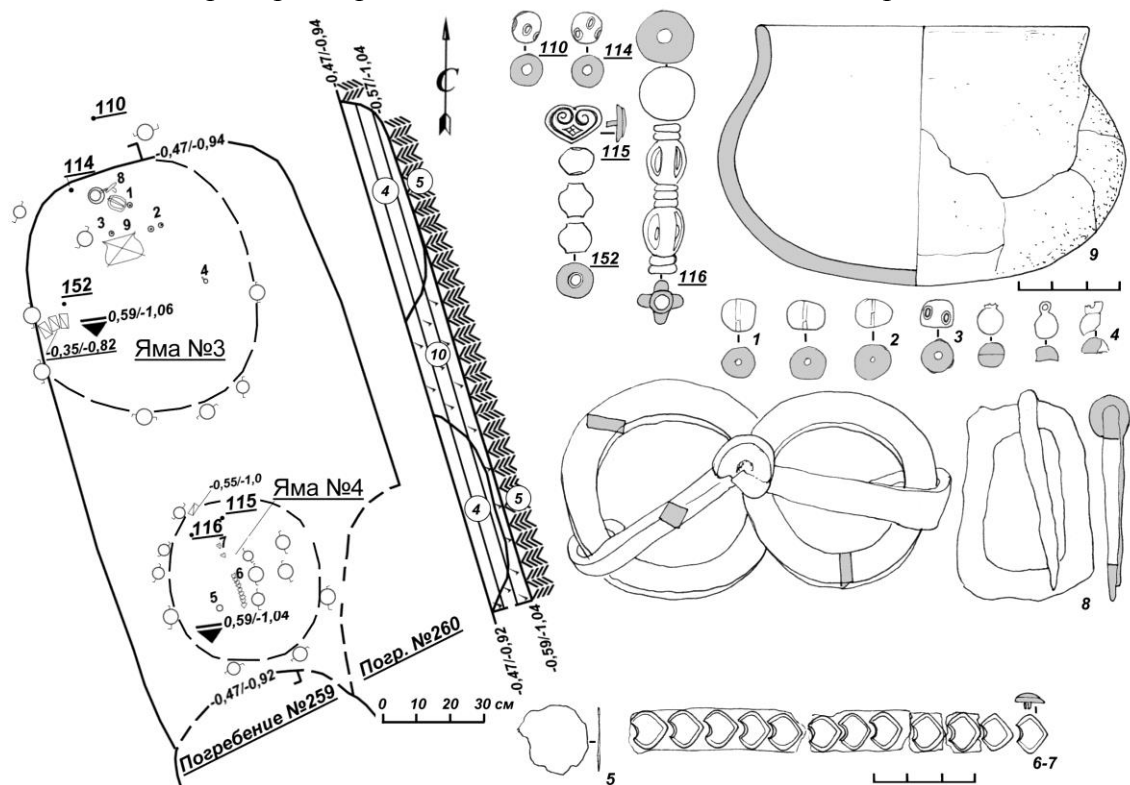

Рис.6 Примеры жертвенно-поминальных ям: план и материалы ям 3/15 и 4/15

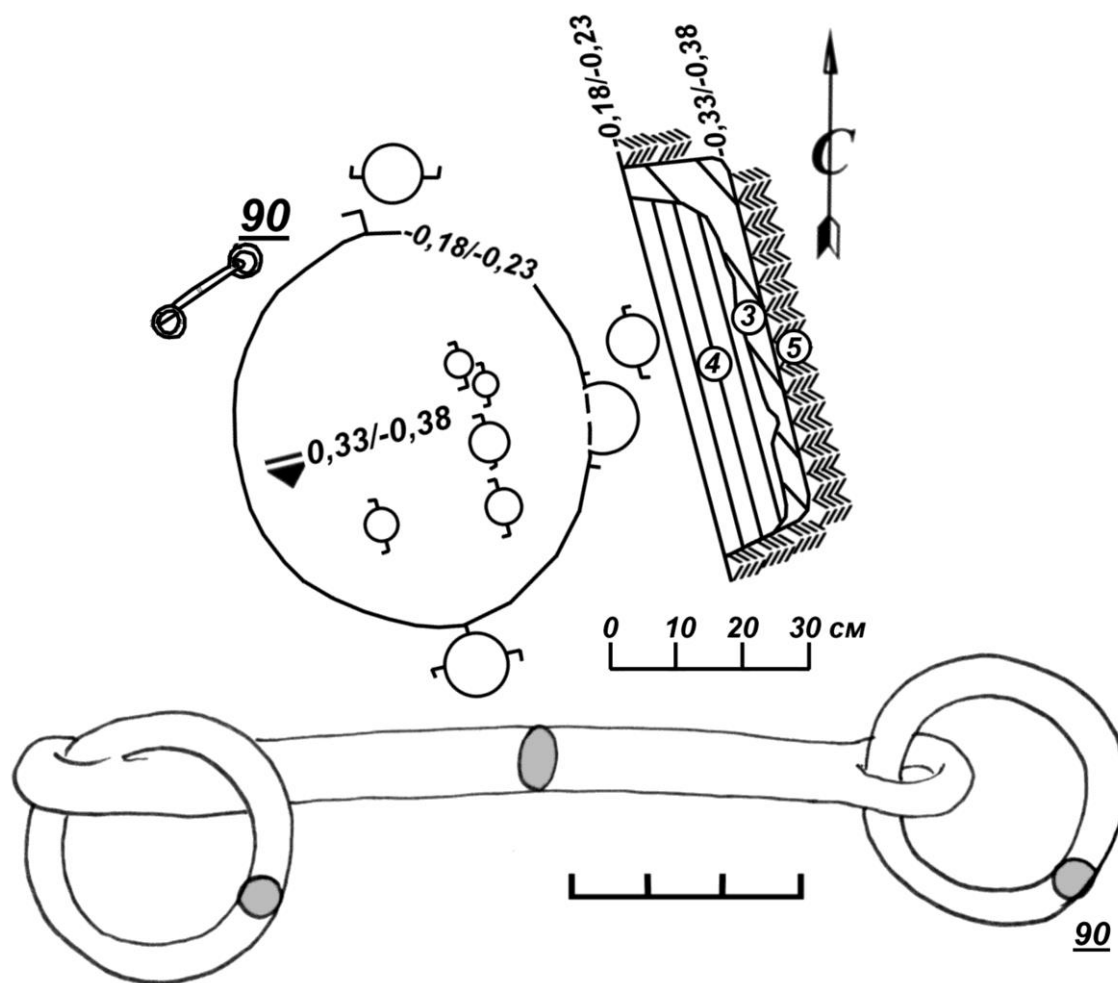

Рис.7 Примеры жертвенно-поминальных ям: план и материал ямы 16/16

Крыласова Н.Б.

(Пермский научный центр УрО РАН, Пермь)

ИССЛЕДОВАНИЕ МОГИЛЬНИКА ТЕЛЯЧИЙ БРОД В ЧУСОВСКОМ РАЙОНЕ ПЕРМСКОГО КРАЯ: ритуальные рвы – отражение ритуальной практики средневекового населения *

** Статья подготовлена в рамках гранта РГНФ № 15-11-59002 «Символические функции объектов традиционной культуры народов Урала» и гранта РФФИ КИАС 14-06-96002 р_урал_a «Средневековое Пермское Предуралье: меняющееся население в изменяющейся среде»*

Аннотация: в 2013 г. в рамках программы противоаварийных исследований производились работы на средневековом могильнике Телячий Брод в Чусовском районе Пермского края. Уникальность данного памятника заключается в том, что он сочетает в себе захоронения VII-IX вв. ломоватовской культуры и позднюю часть XII-XIV вв., относящуюся к родановской культуре. Ранняя часть, расположенная на стрелке мыса, была ограничена ритуальным ровиком, фрагмент которого изучен в 2013 г. – это сооружение, судя по материалам, одновременно погребениям ломоватовской культуры. Поздняя часть могильника начала заполняться спустя 2 века, вновь заселившее берег р. Усвы население продолжило совершать захоронение за пределами ритуального ровика. Эта часть, в свою очередь, была огорожена с напольной стороны ровиком. Есть основания предполагать, что подобные сооружения могут быть выявлены и на других средневековых могильниках Пермского Предуралья.

Ключевые слова: Пермский край, эпоха средневековья, ломоватовская культура, родановская культура, ритуальные рвы

Krylasova N. B.

(Perm Scientific Center of the Ural Branch of the Russian Academy of Sciences, Perm)

RESEARCH OF TELYACHIY BROD IN CHUSOVOY REGION OF PERM KRAI: RITUAL DITCHES - REFLECTION OF MEDIEVAL POPULATION RITUAL PRACTICE*

** This article was prepared within the framework of the grant 15-11-59002 'Symbolic functions of traditional culture objects of the Urals peoples' and grant 14-06-96002 'Medieval Perm Cis-Urals: changing population in changeable environment'*

Works at Telaychiy Brod medieval burial ground in Chusovoy region of Perm krai were carried out within the framework of anti-damage research programme in 2013. The uniqueness of this monument is that it combines burials of lomovatovskaya culture of the 7th –the 9th centuries and late part of the 12th - 14th centuries, relating to rodanovskaya culture. Early part located on of the arrow cape was limited to ritual trench, fragment of which was studied in 2013 – according to the materials, this is a construction simultaneous to lomovatovskaya culture burials. Later part of the burial ground began to fill after 2 centuries, newly populated bank of Usva river people continued to bury outside ritual trench. This part was enclosed with the trench from the floor side. There are reasons to assume that such constructions can be revealed at other Perm Cis-Urals medieval burials.

Key words: Perm krai, the Middle Ages, lomovatovskaya culture, rodanovskaya culture, ritual ditches

Могильник Телячий Брод по праву можно отнести к числу уникальных средневековых памятников Пермского Предуралья. Во-первых, это один из немногих выявленных и исследованных раскопками позднесредневековых могильников, на основе материалов которого во многом сформированы представления об особенностях погребального обряда и вещевого комплекса родановской археологической культуры. Во-вторых, – это памятник, отражающий два периода заселения данной территории в эпоху Средневековья, он содержит небольшую раннюю часть VII-IX вв. и хронологически не связанную с ней позднюю часть XII-XIV вв., занимавшую существенно большую площадь.

Могильник Телячий Брод находится приблизительно в нескольких километрах к северо-западу от г. Чусовой в 300-400 м к западу от одноименного селища на двух мысах коренной террасы правого берега р. Усьва, приблизительно в 200 м от берега. Высота мысов, на которых расположен могильник, составляет 9-12 м над поймой р. Усьва. Мысы разделены глубоким логом. Восточный мыс имеет остроугольную форму и крутые склоны, западный – форму трапеции, широкое основание которой развернуто к реке, северный склон его крутой, восточный и западный, спускающиеся в овраги, более пологие.

К сожалению, могильник, имеющий ключевое значение в изучении средневековой археологии Пермского Предуралья, находится в аварийном состоянии. Восточный мыс, на котором располагалась основная часть поздних захоронений, был подрезан скрепером при сооружении дороги, линии электропередач и трубопровода к насосной станции Усьвенского водозабора. По оврагам, разделяющим и ограничивающим мысы, прежде проходили тропы, ведущие в пойму, которые использовались для прогона скота с ближайшей фермы и частных стад из жилого поселка Лисьи Гнезда на водопой к броду через р. Усьву, давшему название археологическому комплексу, в который кроме могильника входят селище и городище-убежище. В настоящее время по лого, ограничивающему с запада площадку могильника, проходит лесная дорога. Южная часть могильника нивелирована бульдозером при попытке расчистить это место под верхний склад леса для лесосплава в 1985 г. Площадки могильника заросли густым еловым лесом с примесью березы и осины и с обильным подлеском. На восточном мысу имеются следы углежогных ям XIX в. и яма от лесной избушки-землянки.

С конца 1990-х гг. могильник активно разрушается браконьерами. В 2003 г. в процессе полевых исследований археологического комплекса было выявлено, что на могильнике Телячий Брод грабительские ямы находились не только в той части мыса, где располагались раскопы прежних лет, но и в его юго-восточной части, расположенной восточнее дороги, ведущей к водозабору. Этот участок прежде не подвергался исследованиям, так как, во-первых, южная граница могильника до сих пор окончательно не установлена, исследования постепенно продвигаются к югу, и до уровня, параллельного остаткам мыса за дорогой, еще не дошли; во-вторых, юго-восточная часть мыса, отделенная дорогой, покрыта настолько густым лесом с обильным подлеском, что закладка там раскопов представлялась нецелесообразной. При обследовании данной части мыса выявлено около 6 десятков грабительских ям, распространенных на расстоянии до 120 м к югу от стрелки останца мыса. Вероятно, границу их распространения можно считать южной границей памятника. Юго-восточная окраина могильника на останце мыса, разрезанного дорогой, несомненно, является частью известного ранее могильника Телячий Брод, но по современной ситуации эта часть

территориально оторвана от основной. Между изученной площадкой могильника и вновь выявленной его частью при строительстве дороги был сделан прорез в мысе шириной около 70 м, уничтоживший значительную часть могильника.

Могильник Телячий Брод впервые был обследован М.В. Талицким в 1935 г., который собрал в шурфах керамику X-XIII вв. В 1964 г. могильник был вторично открыт местным краеведом И. Звегинцевым, и в том же году раскапывался В.А. Обориным (КАЭ ПГУ), которым было заложено четыре небольших раскопа общей площадью 112 кв.м. Раскопы I-III были разбиты на восточном мысу, на раскопе I обнаружено и изучено 4 погребения, на раскопах II и III – остатки разрушенных погребений. На основании полученных материалов В.А.Оборин датировал могильник VII-XI вв. и отнес его к ломоватовско-родановской культуре. Раскоп IV, разбитый на западном мысу, никаких материалов не дал. Результаты раскопок опубликованы В.А. Обориным в 1973 г. (Оборин, 1973).

В 1986, 1987, 1989 и 1991 гг. изучение могильника было продолжено под руководством А.М. Белавина (КАЭЭ ПГГПУ), которым вскрыто около 400 м², изучено 65 погребений, ритуальный ров, площадка для тризн, собран богатый вещевой материал, который позволил уточнить дату могильника – VII-XIV вв. (Белавин и др., 1988; Белавин, Носкова, 1989).

В 1999 г. раскопки могильника были продолжены отрядом КАЭЭ ПГГПУ под руководством Н.Б. Крыласовой, заложено 3 раскопа общей площадью 140 м², изучено 16 погребений (Крыласова, 2000, с.10-25). В 2003 г. Н.Б. Крыласовой заложено 2 небольших раскопа общей площадью 45 м² на части могильника, сохранившейся к востоку от дороги, ведущей к водозабору (ул. «могильник Телячий Брод II»), изучено 4 погребения (Крыласова, 2004, с.37-38).

В 2013 г. исследование могильника Телячий Брод осуществлялось по госконтракту с Министерством молодежной политики и массовых коммуникаций Пермского края №131 от 24.06.2013 на *производство противоаварийных исследований объектов археологического наследия Пермского края*, в связи с тем, что осмотр площадки памятника, осуществленный в период исследований в 2012 г. Саламатовского городища, расположенного в 2 км выше по течению р. Усьва (руководитель С.И. Абдулова), показал наличие большого количества свежих грабительских ям на участках, не затронутых раскопами.

При осмотре территории памятника, произведенном в 2013 г., выявлено, что в целом площадка могильника на восточном мысу не подвержена эрозии, раскопы предыдущих лет хорошо задернованы, шурфы М.В. Талицкого и раскопы В.А.Оборина 1964 г., не смотря на то, что по традиции тех лет они не были засыпаны, находятся в удовлетворительном состоянии, поросли густым ельником. В районе стрелки восточного мыса, на котором расположен могильник, во время урагана 2012 г. повалено несколько деревьев. На площадке памятника выявлены многочисленные грабительские ямы разных размеров – от небольших «закопушек» до достаточно больших ям размерами около 1,5 x 1,5 м глубиной до 1 м, наибольшая концентрация которых наблюдается к востоку от площади, изученной раскопами и к югу от нее. На западном мысу, где раскопами В.А.Оборина и А.М. Белавина погребений не выявлено, концентрация грабительских вкопов невелика. В процессе осмотра грабительских ям в отвале одной из них обнаружены фрагменты разрушенного медного котла (рис.2).

Раскоп VI 2013 г. общей площадью 108 м² располагался к западу от раскопа VI 1987 г. и к северу от раскопа VIII 1991 г. А.М. Белавина. Изучено 8 погребений и 7 ям. В итоге общая изученная часть памятника составила 793 м²,

количество погребений (с учетом изученных за дорогой на могильнике Телячий Брод II) – 98 (рис.1/А).

Погребения располагались рядами, вытянутыми вдоль мыса по направлению север-юг с небольшими отклонениями. Преобладающая ориентировка погребений запад-восток с отклонениями к СВ-ЮЗ. Погребения, изученные в 2013 г., относятся к четырем рядам, расположенным параллельно друг другу по направлению север-юг. При этом по сводному плану раскопов четко прослеживается, что изученные в 2013 г. ямы № 2, 6 и 5 представляют собой разрушенные грабительскими ямами погребения – они занимают свое место в рядах погребений, по форме, размерам, ориентировке и основной части заполнения также соотносятся с погребениями.

Другие ямы, возможно, связаны с поминальной обрядностью, яма 1 является завершением ритуального рва, часть которого была изучена на раскопе VI 1987 года.

Случаи взаимонарушения погребений на могильнике Телячий Брод единичны. Можно предполагать наличие наземных сооружений, с одним из которых, вероятно, была связана столбовая конструкция, выявленная по периметру погребения №96.

Кости скелета в погребениях сохраняются очень плохо. В 2013 г. они не зафиксированы ни в одном из погребений. В погребении №92, в ямах и междумогильном пространстве найдены кости и зубы животных, преимущественно – зубы (челюсти) лошади. Использование частей лошади в погребальной и поминальной обрядности является характерной чертой ломоватовской и родановской археологических культур Предуралья.

На раскопе 2013 г. преобладали могильные ямы простой конструкции с однородным заполнением (преимущественно – светло-серая супесь с вкраплениями мелких угольков и золы). Погребальный инвентарь выявлен только в 3 погребениях из 8 изученных.

Наибольший интерес представляет погребение № 95 с достаточно представительным набором погребального инвентаря (рис.3). Оно было зафиксировано на глубине -0,3 м от поверхности в виде овального светло-серого пятна размерами 1,85 x 0,60 м, ориентированного по линии ВСВ-ЗЮЗ. Первоначально в процессе разборки могильной ямы и изучения ее разреза сложилось представление, что могильная яма, заполненная светло-серой супесью с включением мелких угольков и золы, имеет ровное дно глубиной до -0,5 м, слегка наклонные стенки, скругляющиеся ко дну. Однако при прокопе раскопа в могильной яме под тонкой (до 0,07 м) прослойкой был выявлен слой с большим содержанием угля мощностью до 0,1-0,15 м, содержащий предметы погребального инвентаря. Таким образом, общая глубина могильной ямы составляла -0,6 м.

На первом уровне разборки погребения в слое светло-серой супеси с включением мелких угольков и золы находки концентрировались в юго-западной четверти могильной ямы. Здесь на глубине -0,38 м от поверхности была обнаружена сломанная на две части железная дужка котла, южнее располагался железный нож, с северо-восточной стороны – бронзовая спиралевидная пронизка, привеска-колокольчик и фрагмент керамического сосуда. Под прослойкой коричневой супеси в слое, насыщенном углем, в ВСВ части могильной ямы на глубине от -0,51 до -0,57 м расчищены обломки керамического котла, между которыми обнаружены две металлические накладки и фрагменты низки из спиралевидной и колоколовидной пронизок. К ЗЮЗ от этого скопления

находились детали поясного набора, включающие металлические накладки условно «сердцевидной» формы и розетковидные, а также наконечник ремня. Среди деталей поясного набора найдены фрагменты бронзовых спиралевидных пронизок, бронзовые привески-колокольчики и стеклянная бусина. Судя по составу погребального инвентаря, погребение женское.

В процессе раскопок 2013 г. на могильнике Телячий Брод собран относительно немногочисленный, но выразительный материал, который в комплексе свидетельствует о принадлежности могильника к ломоватовской и родановской археологическим культурам.

Большинство вещевых находок принадлежат к позднему периоду функционирования могильника.

В погребении №95, ямах №2 и №6 обнаружены фрагменты керамических котлов (рис.3/20; 4/1-3). Подобные котлы распространились в Пермском Предуралье с XII в., но наиболее характерными они являются для XIII-XIV вв. (Крыласова, 2007, с.43). Для подвешивания керамических котлов над огнем, как и у металлических, использовались железные дужки (рис.3/1; 4/4). Дужки котлов, обнаруженные в погребениях № 95 и 96, изготовлены из торсированного железного прута. По имеющимся наблюдениям, такой способ декорирования железных изделий получил широкое распространение в XIII-XIV вв.

В погребениях № 94 и 95 представлены украшения из цветных металлов. Большинство привесок-колокольчиков и колоколовидных пронизок (рис.3/3, 5, 7, 12, 14; 6/1-4), а также отдельные типы поясных накладок (рис.3/6) изготовлены по технологии, распространившейся в Прикамье не ранее конца XI в., при которой элементы из гладкой и штампованной проволоки вставлялись в литейную форму и заливались металлом (Крыласова, 2013, с.110). При этом привеска-колокольчик из погребения №94 сохранилась с фрагментом цепочки, звено которой состоит из двух петелек, расположенных в разных плоскостях, на месте их соединения – розетка из шарика металла, обернутого вокруг провололочкой с насечками (рис.6/1). По наблюдениям А.В. Востокнутова, такие звенья характерны для цепочек конца XII-XIII вв. (Востокнутов, 2013, с.7). К этому же периоду можно отнести и привески-колокольчики, найденные в указанных погребениях (Востокнутов, 2013, с.10).

В погребении №95 и в междумогильном пространстве найдены крупные черные бусины, покрытые белыми волнистыми линиями (рис.3/18, 6/13) – т.н. «бусы с пластичным узором», которые, по данным Ю.Л. Щаповой, изготавливались на Руси, известны с конца XI до середины XIV вв., но наиболее широко бытовали в XII-XIII вв. (Щапова, 1972, с.88-92).

Одной из наиболее интересных находок является обрубок крупной серебряной подвески-лунницы со скано-зерновым декором, позолотой и шатоном для вставки (рис.7). Подобные предметы характерны для XI-XIII вв. (Белавин, 2000, с.87).

На основе этих датированных материалов поздний комплекс находок из раскопа 2013 г. могильника Телячий Брод можно отнести к XII-XIII векам.

Как показали наблюдения А.М. Белавина в период раскопок 1987 г., мыс, на котором расположен могильник, был разделен на две части ритуальным ровиком, который проходил по линиям Е/14-15 с запада на восток перпендикулярно основанию мыса.

Этот объект описан в отчете следующим образом: «сооружение ... представляло собой неглубокую канавку шириной до 150 см при глубине до 45 см, в материк канавка углублена на 5-12 см. Характер ее заполнения почти ничем

не отличается от основного супесчаного подзолистого слоя памятника, лишь в придонной части наблюдается примесь угольков и золы, а также отдельные пятна более плотной почвы (суглинка). В заполнении канавки найдены бронзовая рамчатая пряжка, аналогичная пряжке из Плесинских кладов, и несколько железных предметов, в том числе – обломок ключа от замка болгарского типа. Кроме этого здесь залежали обломки челюстей крупного травоядного животного (лось?). Особенно интересна пара челюстей, обрезанных ножом на острый скос» (Белавин, 1988, с.27).

В 2013 г. изучена западная оконечность данного ровика (усл. «яма 1»), которая была зафиксирована на участке Д/12 в виде темного пятна подтрапиевидной формы размерами 1,5 x 0,83-1,55 м, ориентированного по линии З-В. С восточной стороны сооружение выходило в пределы раскопа VI 1987 г. Яма имела ровное дно глубиной -0,39-0,45 м, вертикальные стенки. Заполнение ее составляла супесь с большим содержанием угля. По периметру ямы на уровне ее фиксации выявлены остатки столбовой конструкции из 8 конусовидных ямок диаметром 0,07-0,1 м: 3 ямки располагались вдоль ее южной границы ямы; 2 – вдоль западной; 3 – вдоль северной. В пределах границ сооружения возле южной стенки обнаружен фрагмент венчика лепного керамического сосуда (рис.1/Б: 3) и фрагмент металлической пластины (рис.1/Б: 4), у северной границы – скопление предметов, включающее стеклянную бусину (рис.1/Б: 1), бронзовую пряжку (рис.1/Б: 2), фрагменты того же лепного сосуда, которому принадлежал указанный венчик (рис.1/Б: 3), и зубы лошади.

Сводный план раскопа, составленный в 2013 г., показал, что ритуальный ровик имел скобообразную форму, и его оконечностью является изученный в 2013 г. объект, который отличался четкими геометрическими очертаниями, расположением по периметру остатков столбовой конструкции. Вещевые находки, найденные в ровике и рядом с ним, позволяют отнести сооружение к раннему периоду функционирования могильника. Бронзовая восьмеркообразная пряжка с характерным волнистым оформлением рамки, находит аналогии среди материалов конца VIII – первой половины IX вв. ломоватовской и неволинской археологических культур (Деменковский, Русиновский, Неволинский могильники) (Голдина, 1985, табл. IX/7; Голдина, Водолаго, 1990, табл. LXIX/8, 22). Этой же датировке не противоречит находка зонной бусины с серебряной фольгой и коричневым внешним слоем. В ровике и в скоплении находок рядом с ним обнаружены также фрагменты лепного керамического сосуда в виде типичной «прикамской чаши» с характерным для ломоватовской культуры оформлением венчика пальцевидными защипами.

Ровик ограничивал с юга площадку на стрелке мыса, занятую погребениями, датирующимися в пределах VII-IX вв. Исследования 2013 г. показали, что это сооружение также принадлежит к данному периоду, в то время как А.М.Белавин на основании разновременных находок в заполнении ровика предполагал, что он мог функционировать на всем протяжении существования могильника (Белавин, 1988, с.27). Однако из всего комплекса связанных с данным объектом находок выбивается только фрагмент ключа. Сейчас можно уже с большей уверенностью утверждать, что либо погребальное пространство на стрелке мыса было изначально отгорожено, и ровик использовался при проведении каких-то поминальных обрядов, либо данное сооружение было возведено перед тем, как население покинуло эту местность, и на нем был проведен единовременный обряд с целью оградить могильник и защитить покоящихся на нем предков. Последнее предположение представляется более вероятным. И здесь

невольно возникают ассоциации, связанные с находкой в ровике позднего ключа – вновь появившееся здесь спустя как минимум два века население «открыло» могильник для новых захоронений. Следует отметить, что для могильников родановской культуры не характерно включение замков и ключей в состав погребального или поминального инвентаря. Эта находка пока является единственной.

В 2003 г. в юго-восточной части могильника, сохранившейся за дорогой был изучен фрагмент еще одного рва. Он был зафиксирован на глубине 0,28 м в виде темной полосы, пересекающей раскоп 2 по линии ВСВ–ЗЮЗ. По всей изученной длине (2 м) ровик имел ширину 0,95 м. С запада и востока сооружение выходило за границы раскопа, сделать прирезки и изучить его полностью было невозможно из-за окружающих раскоп деревьев. Ровик имел ровное дно глубиной 0,55 м от поверхности, наклонные стенки, его поперечный разрез имел трапециевидную форму. Основную часть заполнения ровика составлял серый суглинок. На уровне фиксации сооружения в пределах его границ и севернее было зафиксировано 12 пятен от столбовых ямок небольшого диаметра, которые, вероятно оставлены жердями, связанными с какими-то наземными конструкциями. При разборке сооружения пятна слились с заполнением ямы. Выбранные к северу от сооружения ямки имели конусообразную форму и глубину 0,4 – 0,48 м от поверхности.

До фиксации сооружения у его южной границы на глубине 0,05-0,12 м от поверхности выявлено скопление кусков обгорелой древесины; в пределах границ ровика и возле него найдены: синяя стеклянная биконическая бусина, 2 небольшие бронзовые сердцевидные накладки от поясной привески, сердцевидная поясная накладка с «бабочковидным» орнаментом и крупные железные предметы с заклепками (фрагменты котла?). При разборке ровика в его заполнении находки располагались в основном вдоль центральной оси сооружения по всей его длине: бронзовая щитовидная поясная накладка, синяя стеклянная бусина, бронзовая розетковидная накладка, бронзовая спиралевидная пронизка, бронзовая привеска и бронзовая сердцевидная накладка от поясной привески. Материалы датируются в пределах XII-XIII веков.

Таким образом, поздняя часть могильника, судя по имеющимся данным, тоже была ограничена с южной напольной стороны рвом, образующим ритуальную границу памятника.

Сведения о существовании подобных объектов имеются и в иных культурах. Так, на Плёском домонгольском могильнике в Волго-Клязьминском междуречье, составленном языческим мерянским населением, исследован «серповидный ров, ограничивающий кладбище с напольной части, то есть с юга. Ров сам по себе неглубокий, до полуметра, и тем понятней, что ему придавалось чисто символическое значение» (Дорога к предкам...). На могильнике Сухая Гомольша салтово-маяцкой археологической культуры территория также была ограничена рвом (Плетнева, 1999, рис.32).

На территории Пермского Предуралья это пока единственный могильник, на котором выявлены ритуальные сооружения подобного рода. Но, учитывая, что ни один из средневековых могильников пока нельзя считать полностью раскопанным, есть вероятность обнаружить подобные ровики и на других памятниках.

Литература:

Белавин и др., 1988 – Белавин А.М., Голдобин А.В., Крыласова Н.Б., Ленц Г.Т., Терехин А.А., Милиаскарова А.Г. Археологические памятники бассейна реки Чусовой. Чусовой: СКЦ "Огонек", 1988. 64 с., илл.

Белавин, 1988 – Белавин А.М. Отчет о раскопках селища и могильника Телячий Брод в 1987 году. РА ИА РАН. Ф. р-1, д.12720.

Белавин, 2000 – Белавин А.М. Камский торговый путь. – Средневековое Предуралье в его экономических и торговых связях. Пермь: ПГПУ. 2000. 201 с.

Белавин, Носкова, 1989 – Белавин А.М., Носкова Е.Н. Серебряная бляха из могильника Телячий Брод // СА, 1989. № 2. С.253-261.

Вострокнутов, 2013 – Вострокнутов А.В. Звенья цепи и шумящие привески украшений родановской культуры Верхнего Прикамья как датирующий элемент // Вестник Челябинского государственного университета. 2013. № 12. С.5-13.

Голдина, 1985 – Голдина Р.Д. Ломоватовская культура в Верхнем Прикамье. Иркутск: Иркутский университет. 1985. 280 с.

Голдина, Водолаго, 1990 – Голдина Р.Д., Водолаго Н.В. Могильники неволинской культуры в Приуралье. Иркутск: Иркутский университет. 1990. 176 с.

Дорога к Предкам. Некрополь мерянского Плёса / http://merjamaa.ru/news/doroga_k_predkam_nekropol_merjanskogo_pljosa/2012-05-22-572

Крыласова, 2000 – Крыласова Н.Б. Отчет о раскопках селища и могильника Телячий Брод в Чусовском районе Пермской области в 1999 г. Пермь: ПГПУ, 2000. С.10-25

Крыласова, 2003 – Крыласова Н.Б. Отчет о раскопках селища и могильника Телячий Брод в Чусовском районе Пермской области в 2003 г. Пермь: ПГПУ, 2003. С.34-50

Крыласова, 2007 – Крыласова Н.Б. Археология повседневности: материальная культура средневекового Предуралья. Пермь: ПГПУ. 2007. 352 с.

Крыласова, 2013 – Крыласова Н.Б. Хронологические особенности материальной культуры X-XI вв. (по материалам Рождественского могильника в Пермском крае) // Вестник Пермского университета. Серия: История. 2013. № 1.

Оборин, 1973 – Оборин В.А. Могильник Телячий Брод VII-XII // ВАУ. Вып. 12. Свердловск: УрГУ. 1973. С.122-132

Плетнёва, 1999 – Плетнёва С.А. Очерки хазарской археологии. М.: Мосты культуры. 1999. 375 с.

Щапова, 1972 – Щапова Ю.Л. Стекло Киевской Руси. М.: МГУ. 1972. 217 с.

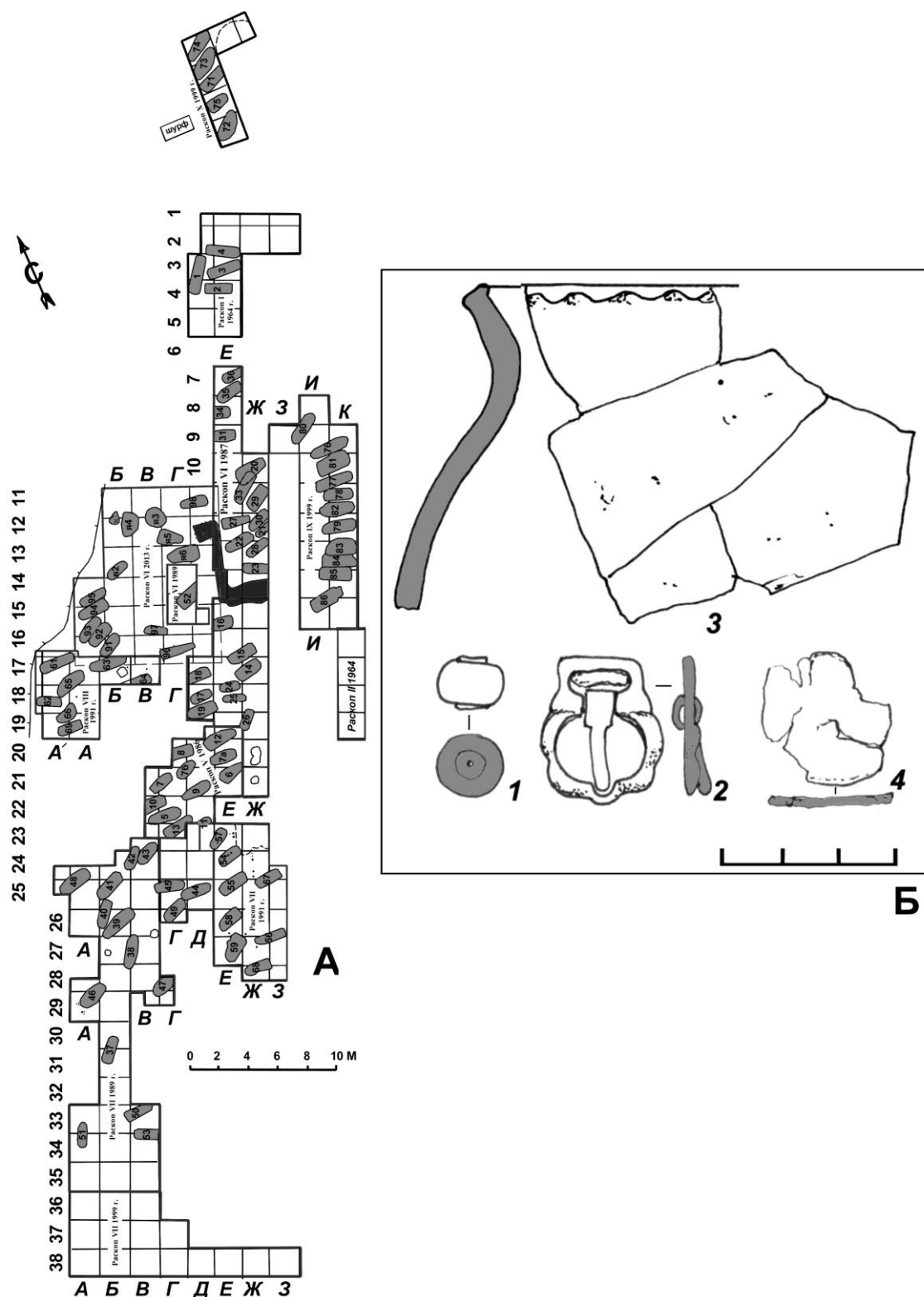

Рис.1: А – сводный план раскопов на восточном мысу могильника Телячий Брод;
Б – материалы, связанные с ритуальным ровиком

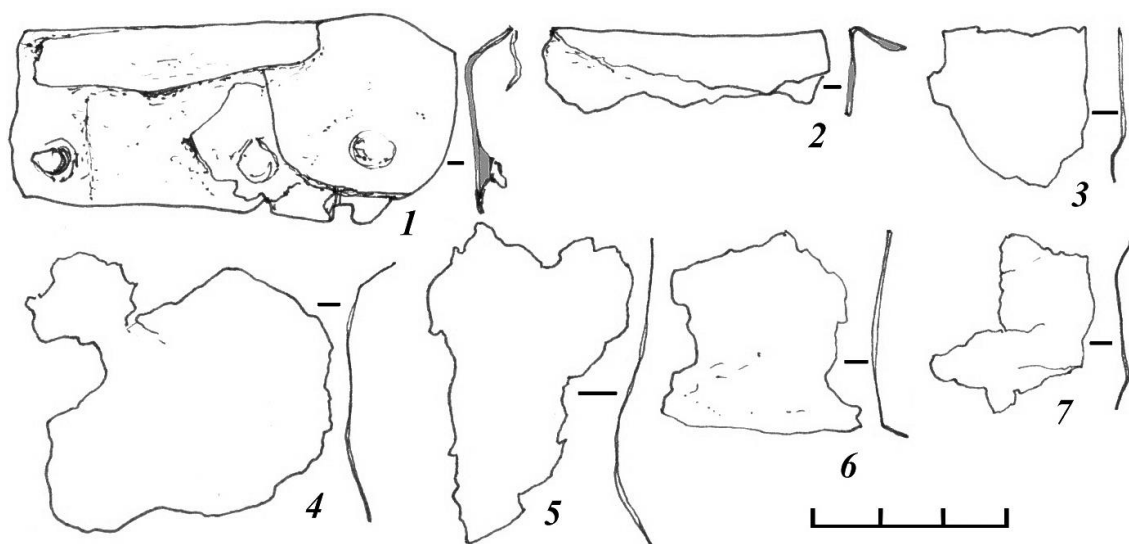

Рис.2. Фрагменты медного котла, обнаруженные в отвале грабительской ямы

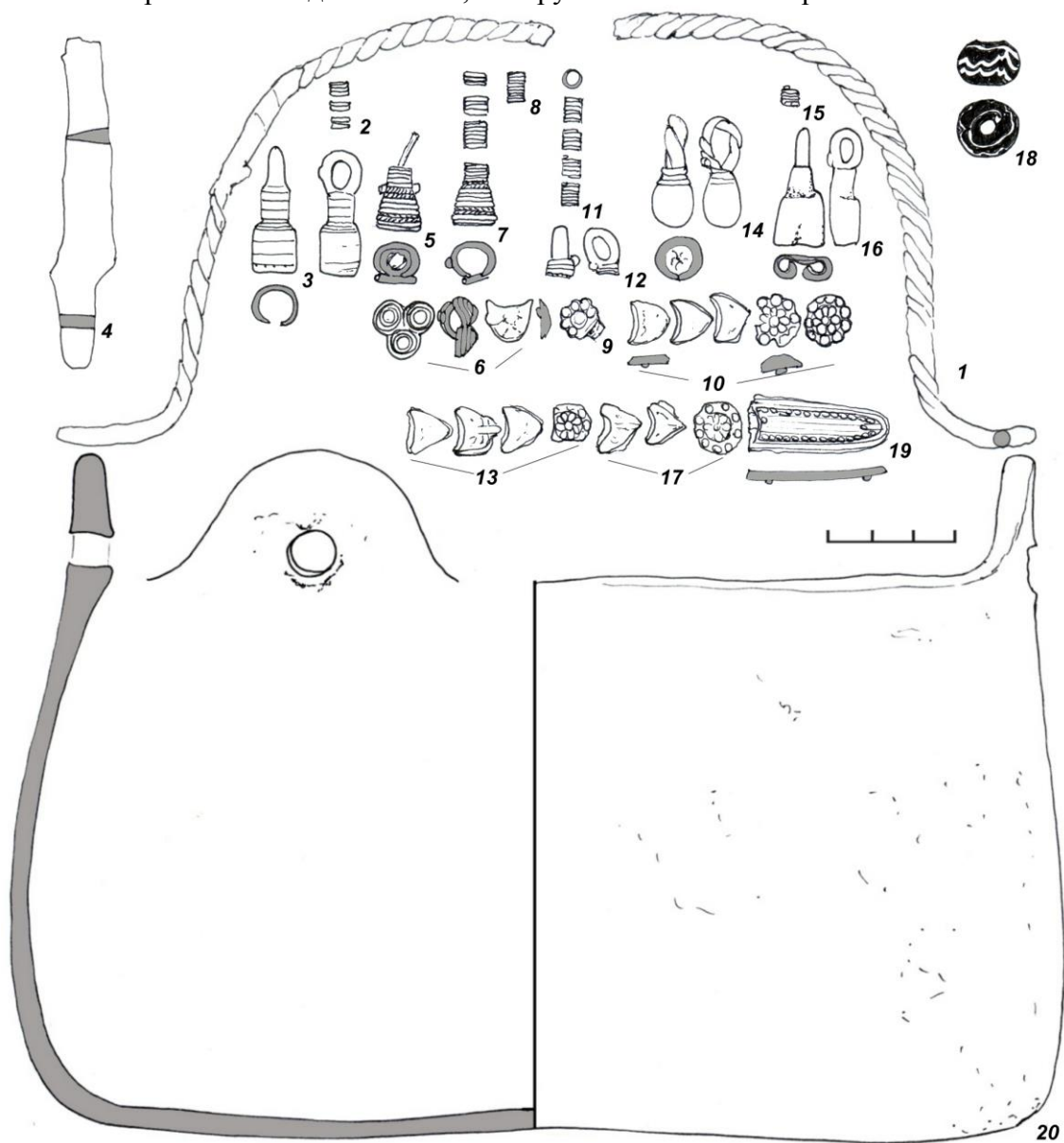

Рис.3. Инвентарь погребения №95

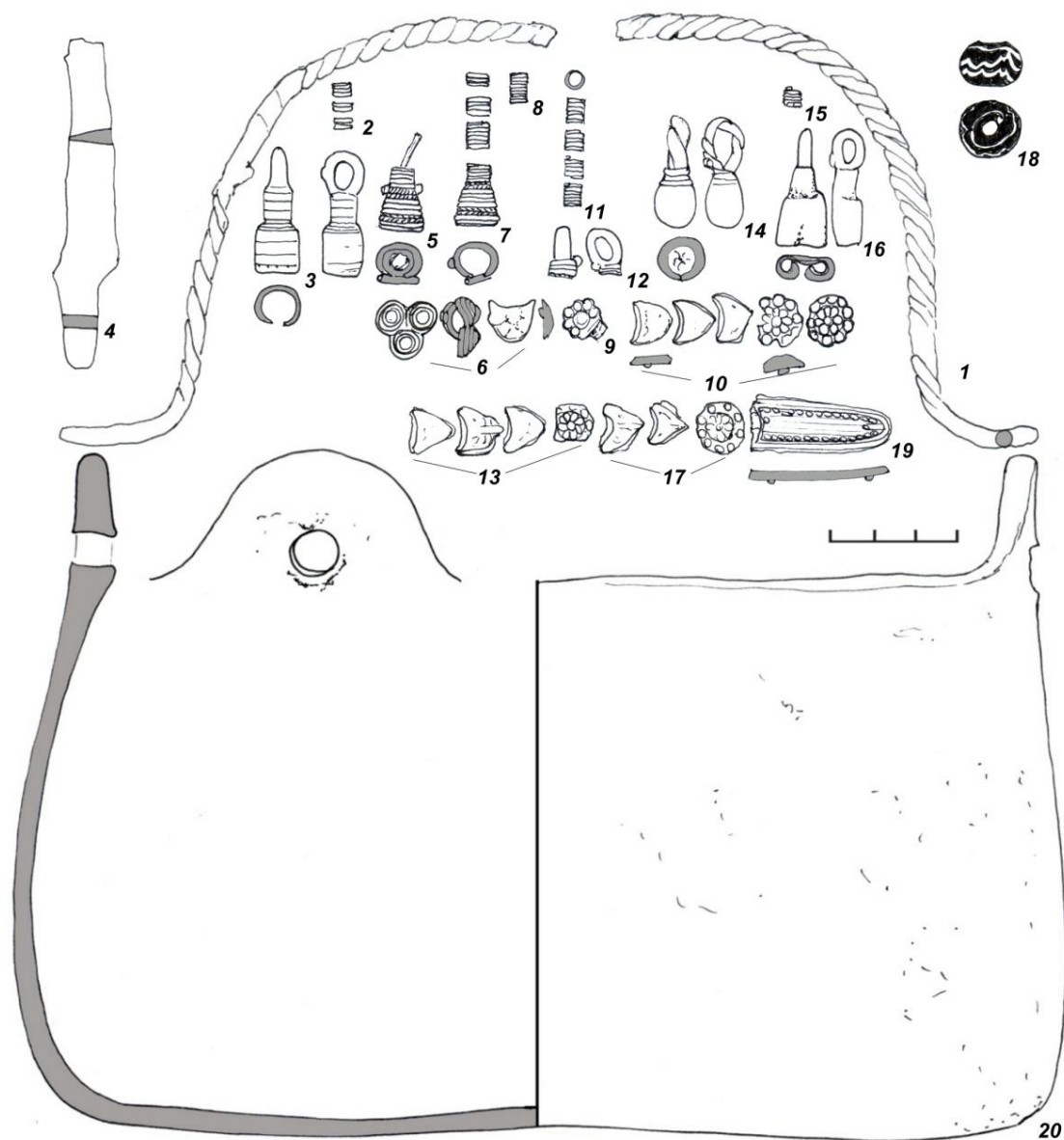

Рис.4. Фрагменты керамического котла, фрагмент железной дужки котла: 1-3 – яма 2; 4 – погр.96

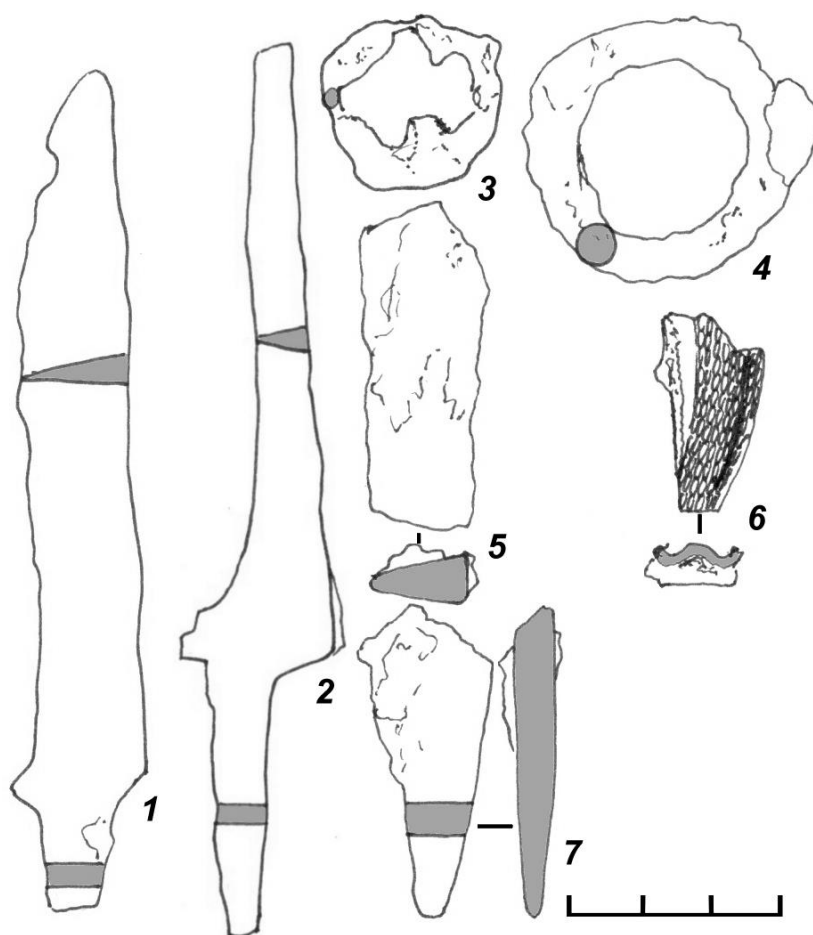

Рис.5. Фрагменты железных изделий: 1 – яма 2; 2 – яма 6; 3-7 – погр.96

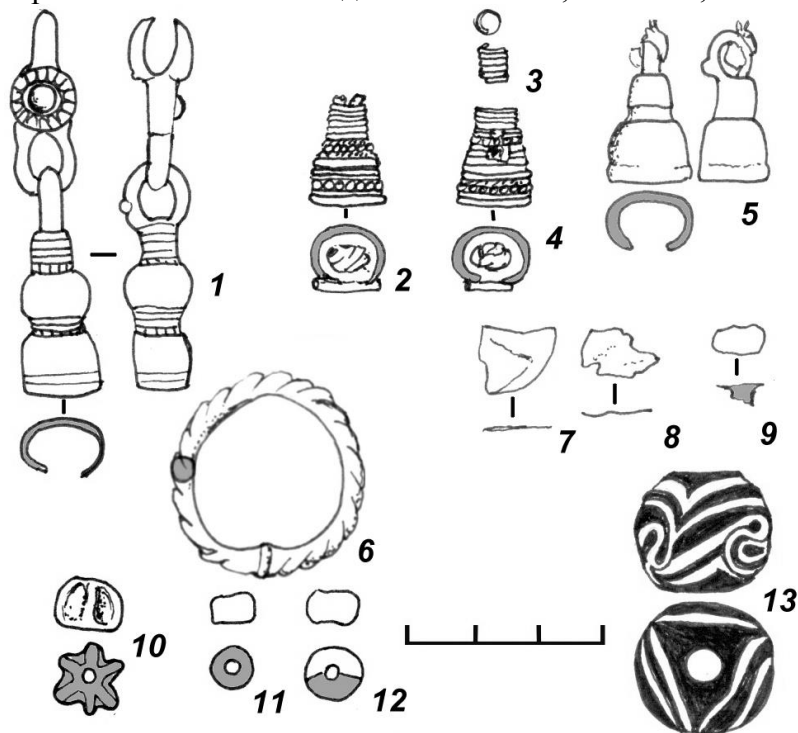

Рис.6. Изделия из цветного металла, стеклянные бусы: 1-5 – погр.94; 6 – погр.97; 7-9 – погр.96; 10 – яма 2; 11-12 – яма 7; 13 – междумогильное пространство

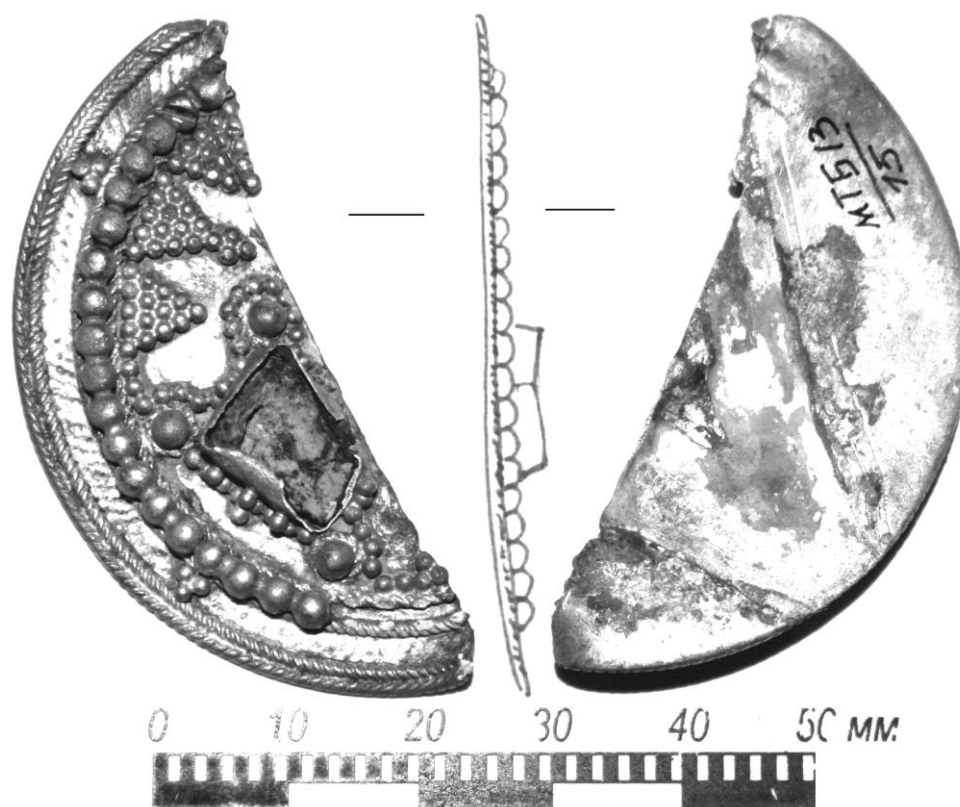

Рис.7. Фрагмент серебряной позолоченой подвески-лунницы

Сарапулов А.Н.

(Пермский государственный гуманитарно-педагогический университет,
Пермь)

**ПРОТИВОАВАРИЙНЫЕ РАКОПКИ КАЛИНСКОГО ПОСЕЛЕНИЯ
В ПЕРМСКОМ КРАЕ В 2011-2015 ГГ. (предварительные итоги)**

Статья посвящена предварительным итогам противоаварийных раскопок Калинского поселения, которое, возможно, являлось городищем, но с распаханым в XX в. валом. На поселении изучены жилище, хозяйственные ямы и разнообразные предметы материальной и духовной культуры. Поселение можно датировать XI-XIII вв.

Ключевые слова: поселение, городище, вал, жилище, яма-кладовка, глиняная посуда, украшения, кости животных.

Sarapulov A. N.

(Perm State Humanitarian Pedagogical University, Perm)

**ANTI-DAMAGE EXCAVATION IN KALINO VILLAGE OF PERM
KRAI IN 2011-2015. (PRELIMINARY RESULTS)**

Preliminary results of Kalino village anti-damage excavation, which was possibly ancient settlement but with a plowed in the 20th century swell, are described in the article. Dwelling, household pits and various tools of material and spiritual culture are studied at the settlement. Ancient settlement dates back to the 11th – 13th centuries.

Key words: village, ancient settlement, swell, dwelling, hole-room, pottery, decorations, animal bones.

Калинское селище расположено в Юсьвинском районе Пермского края, на берегу р. Пой. Селище расположено на старой пашне (к. XIX – н. XX в. – к. XX в.).

Площадка памятника представляет собой ряд террас над поймой р. Пой. К краям террас культурный слой мощнее, в середине же проглядывается глина. Жители деревни Тимино называют это место городищем. Так же его называет и И.Г. Остроумов (Талицкая, 1952, с. 136). А.А. Спицын в списке местонахождений упоминает Калинятское городище в Тиминской волости, но такой деревни здесь не было и нет. Вероятно, речь идет как раз о Калинском селище. Кроме того, некоторые вещи с этого памятника (украшения, культовые предметы) были опубликованы в атласе А.А. Спицына (Спицын, 1902). В 1938 г. площадку памятника осмотрел М.В. Талицкий, собрал на пашне подъемный материал, установил стратиграфию памятника. Именно М.В. Талицкий предположил, что Калинское селище могло быть городищем, просто валы распаханы при многолетней вспашке поля. Топографические особенности памятника позволяют

в некоторой степени согласиться с мнением М.В. Талицкого. Фортификация в результате многолетней распашки площадки памятника могла не сохраниться. С целью обнаружения и локализации топографических особенностей рельефа Калинского поселения в 2015 г. на памятнике была осуществлена инструментальная топографическая съемка. В результате снятия плана и сведения данных в единую систему линейных координат был получен массив из 266 точек. С его помощью в специальном программном обеспечении были построены плоскостная (2D) проекция площадки памятника, а также его 3D модель. На 3D модели отчетливо видны два лога, ограничивающие площадку памятника с запада и востока; следы грабительских вкопов на северо-западной границе памятника; эскарпированный склон в южной части; а также остатки распаханного вала, сохранившиеся у северо-западной границы. На трехмерной модели четко виден имеющий место перепад высот, маркирующий остатки распаханного вала. Анализ 2D визуализации подтвердил полученные данные (Сарапулов, Шмуратко, 2016, с. 186-188). Но все же, окончательный вывод о наличии на Калинском поселении остатков вала можно будет сделать после проведения комплексных геофизических исследований и археологических раскопок.

Во время мониторинга памятников археологии Юсьвинского района в 2010 г. под руководством А.В. Вострокнутова на территории селища было обнаружено более 30 грабительских вкопов размером от 20X20 см до 100X40 см, глубиной до 50 см. Летом 2011 г. количество грабительских вкопов увеличилось (зафиксировано более 40). В 2011 г. были проведены археологические раскопки на селище Сарапуловым А.Н., вскрыта площадь 36 кв. м. Раскоп был разбит на краю второй надпойменной террасы, в 8 м к северу от края, в месте наибольшей концентрации грабительских вкопов. В 2012 г. к раскопу 2011 г. был прирезан раскоп I (132 кв. м), также с целью проверки культурного слоя еще один раскоп был разбит на первой террасе, в 22 м к югу от раскопа I 2011-2012 гг. Его площадь составила 36 кв. м. И раскоп III был разбит в 36 м к северо-востоку от раскопа I 2011-2012 гг. на второй надпойменной террасе. В 2013 г. раскоп I был прирезан к раскопу I 2011-2012 гг. (его площадь составила 72 кв. м) и раскоп III был прирезан к раскопу III 2012 г. (площадь – 48 кв. м). В 2014-2015 гг. памятник изучался Д.В. Шмуратко и А.Н. Сарапуловым. Раскопы в эти полевые сезоны были прирезаны к раскопу I 2011-2014 гг., их площадь составила 240 кв. м. Таким образом, общая вскрытая раскопками площадь составила 648 кв. м. Калинское селище, наряду с селищами Телячий Брод, Чашкинское II, Запоселье является одним из самых полно изученных открытых поселений эпохи средневековья в Пермском Предуралье.

За 5 лет раскопок были исследованы различные объекты и сооружения (хозяйственные ямы, культовые сооружения, жилище, столбовые ямы). Наибольший интерес представляет жилище, изученное в 2014-2015 гг. в пределах раскопа I (рис. 1).

Очертания жилища начали фиксироваться в разрушенном поздней пахотой виде на предматериковом слое. На материке сооружение фиксировалось (глубина фиксации – 0,34-0,4 м от дневной поверхности) в форме вытянутого прямоугольного пятна. С западной стороны из этого пятна выходил небольшой уступ шириной 60-70 см. Основной слой заполнения сооружения – черный суглинок, насыщенный золой (светло-серой супесью) и с вкраплениями угля. По границам сооружения и внутри него зафиксированы столбовые ямки.

После выборки культурного слоя, сооружение приобрело более правильные прямоугольные формы. Судя по всему, жилище имело ширину до 4

м, длина изученной части – 14,5 м, таким образом, общая площадь составляла около 50 кв. м. Вдоль осевой линии жилища располагались столбовые ямы диаметром 20-24 см, являющиеся остатками опорных столбов, которые поддерживали конек. По-видимому, это было наземное жилище столбовой конструкции с двускатной кровлей, ее стропила одним концом опирались на столбы, врытые вдоль длинных стен (такие зафиксированы параллельно друг напротив друга по северной и южной границам сооружения, их диаметр составляет 15-20 см), другим, как раз, на конек. Небольшие в диаметре столбовые ямки (5-7 см), расположенные вдоль границ сооружения, являлись остатками столбов, поддерживающих нары. Внутри сооружения также имеются ряды подобных небольших столбовых ямок, являющиеся остатками столбов, поддерживающих интерьерные конструкции внутри самого жилища. В центральной части жилища находилось округлое углубление глубиной -0,16 м от уровня фиксации сооружения на материковом слое. Вдоль него вокруг расположены столбовые ямки диаметром 5-10 см. Скорее всего, это была яма-подпечье, над которой на помосте располагался очаг или печь для обогрева жилища и приготовления пищи. Внешние края ямы были закрыты деревянным частоколом. Внутри углубления найдено большое количество костей животных и фрагментов глиняных сосудов. А вокруг ямы обнаружены куски глиняной обмазки, относящиеся к остаткам очага или печи.

В культурном слое жилища было обнаружено большое количество артефактов: железные гвозди, иглы, железная пряжка, зубила, фрагменты ножей, наконечник стрелы, рыболовный крючок, куски крицы, бронзовые украшения (привески,) костяные предметы (манки, кочедыки, разбивильник), сердоликовая бусина, кресальный кремль, оселки, глиняное ядрышко, большое количество фрагментов глиняных сосудов, костей животных, кусков глиняной обмазки.

Подобные по конструкции жилища были изучены Н.Б. Крыласовой в последние годы на Рождественском городище (Крыласова, 2016, с. 63-76). Сооружение, изученное на Калинском селище в отличие от рождественских жилищ, имело меньшие размеры и меньшую мощность культурного слоя, что может свидетельствовать о его недолговременном существовании или сезонном использовании.

Еще одним сооружением, представляющим интерес, является яма-кладовка, исследованная в 2012 г. на раскопе III. Она была зафиксирована на глубине 20–30 см от поверхности. Очертания этой овальной ямы на материковом слое были отмечены на глубине 33 - 37 см. Глубина ямы составила 190 см от поверхности. Внутри зафиксированы две ступеньки на глубине 68 см и 73 см, служившие, по-видимому, для спуска в яму. На глубине 100 см в яме обнаружено скопление крупной гальки, явно побывавших в огне, так как на них обнаружены черные следы нагара. На глубине 135 см были зафиксированы остатки прямоугольной деревянной рамы в виде тонкой угольной полоски. По углам этой рамы отмечены столбовые ямки, которые, по-видимому, являются остатками столбов, фиксировавших раму по четырем углам. На глубине 140 см наблюдался тонкий слой оранжевой прокаленной глины в виде прокала в форме овального вытянутого пятна. На глубине 146–148 см обнаружено еще одно скопление крупных обожженных камней и фрагмент диска жернового постава. Третье скопление крупных обожженных камней зафиксировано на глубине 160–165 см. Очаг и побывавшие в огне камни предназначались, скорее всего, для прогрева и сушки ямы в холодное время. На глубине 180 см внутри рамы появляется еще одно углубление. На дне ямы зафиксирована полоса древесного тлена,

разделяющая дно ямы на две части. По-видимому, это следы сусеков, разграничивающих яму. Притом одна часть дна ямы забутована светло-серой мокрой глиной, а другая часть – красной мокрой глиной. На дне ямы обнаружены карбонированные зерна злаков. По радиоуглеродному методу датировки культурный слой в яме был датирован XI в. (Le-9745: 940±30BP) (Сарапулов, 2015, с. 137-138). Подобные ямы получили свое распространение на территории Пермского Предуралья на рубеже XI-XII вв. в связи с переходом к пашенному земледелию и увеличением уровня урожайности.

В культурном слое городища были собраны и изучены разнообразные артефакты. Наиболее массовыми находками являлись фрагменты глиняной посуды (за 5 лет найдено 2448 фрагментов). Представленная посуда преимущественно ручной лепки. Поверхность фрагментов коричневого, серого и черного цвета, толщина стенок от 0,5 см до 1 см. В примеси теста встречается органика, шамот, большое количество ракушки. Венчики и шейки сосудов слабопрофилированные, практически вся она относится к типу кошелеобразных прикамских чаш, распространенных в период развитого средневековья. Из орнаментов преобладают оттиски гребенчатого штампа, «елочка», «подковки», «личинки», шнуровой орнамент, кружковый (рис. 2). Среди средневековой керамики можно выделить гончарную красноглиняную посуду общебулгарского типа (около 5 % от общего количества фрагментов). Можно отметить и гончарную керамику позднего деревенского происхождения с примесью песка в тесте, со средне и сильно профилированными шейкой и венчиком. Такая посуда, как правило, не орнаментирована. Подобные сосуды могут быть датированы временем существования деревни Калино – XVII-XX вв.

Среди индивидуальных находок представлены разные категории материала. Наиболее яркой категорией являются украшения и детали костюма. На поселении были обнаружены украшения головы (волос): подвески, привески, пронизки, височные кольца; украшения рук; детали поясного набора.

Интерес представляют одноякорьковая шумящая подвеска с двумя петлями для привесок, основание покрыто горизонтальными полосками, привески в виде бубенчиков, украшенных «поясками» с насечками (рис. 3/1), такие можно датировать XII в. (Белавин, Крыласова, 2008, с. 392); арочная подвеска, ее нижняя часть с тремя кольцами для привесок отделена от основы широким валиком, имитирующим оплетенный проволокой стержень, в центре одна полушарная выпуклость (рис. 3/2.), по материалам верхнекамских могильников такие подвески датируются XI-XII вв. (Голдина, Кананин, 1989, рис. 72); умбоновидная подвеска, основа которой состоит из трех небольших умбонов, размещенных в виде треугольника, направленного вершиной вверх, с тремя петлями для привесок, петли для крепления привесок – кольцевидной формы (рис. 3/3), такие характерны для средневековых древностей Прикамья, Поволжья, Приладожья и имеют широкую датировку (VIII-XIII вв.) (Белавин, Крыласова, 2008, с. 377); фрагмент шумящей биконьковой подвески (рис. 3.4), являющейся характерной особенностью украшения средневекового финно-угорского женского костюма.

Среди привесок в коллекции Калинского поселения имеются колокольчики, бубенчики, утиные лапки: реалистичная привеска-лапка небольших размеров с рельефно выделенными пальцами в виде гладких валиков с выпуклостями на концах (рис. 3.5), были распространены в X-XII вв. (Белавин, Крыласова, 2008, с.401); привески-бубенчики толстостенные, тулово переходит в цилиндрическую шейку, сплошь покрытую «поясками» гладкими и с насечками (рис. 3/6-8), такие были распространены на Верхней Каме в X-XII вв. (Голдина,

Кананин, 1989, рис. 72); привески-колокольчики с цилиндрическим гладким туловом, сужающимся кверху и переходящим в цилиндрическую шейку, украшенную горизонтальными полосками, нижний край тулова украшен «поясками» с прямыми насечками (рис. 3.9), подобные датируются X-XIV вв. (Белавин, Крыласова, 2008, с. 402-403).

На поселении были встречены еще и трубчатые пронизки разнообразных вариантов (рис. 3/10-14), датирующиеся XI-XIV вв.

К украшениям головы следует отнести фрагмент полой грушевидной привески со сканью и зернью височного кольца (рис. 4/1), которые были распространены в IX-XII вв. (Белавин, Крыласова, 2008, с. 363-364) и круглое проволочное височное кольцо (рис. 4/2), такие широко были распространены в Пермском Предуралье во второй половине X-XI вв. (Белавин, Крыласова, 2008, с. 363-366).

Среди украшений рук особый интерес представляет фрагмент серебряного пластинчатого перстня с прямоугольным щитком, в центре которого расположен квадрат черни с чеканенным растительным орнаментом (рис. 4/3), такие перстни имеют болгарское происхождение и могут быть датированы XII-XIV вв.

К деталям поясной гарнитуры относятся наконечники ремня, накладки и пряжки: можно выделить наконечник ремня продолговатой формы с геометрическим решетчатым орнаментом в виде композиции из ромбов, по внешнему краю – бордюр из ложной зерни, верхний конец оформлен в виде «ласточкина хвоста», нижний – закругленно-приостренный, с оборотной стороны припаянные отдельно штифты (рис. 4/4), подобные наконечники известны с IX в., но отдельно припаянные штифты с задней стороны наконечника ремня свидетельствуют о дате не ранее второй половины XI – начала XII в.; поясные накладки в виде «варяжского» геральдического щита, украшены бордюром из ложной зерни и «бабочковидным орнаментом» (рис. 4/5-6), аналогии таким накладкам известны в вымских древностях конца X-XI вв. (Савельева, 1987, с. 135); сердцевидную непрорезную накладку со стилизованным изображением трилистника и двумя рядами псевдозерни вокруг него (рис. 4/7), аналогии известны на Верхней Каме в материалах XI-XII вв. (Голдина, Кананин, 1989, рис. 72); выпуклую розетковидную круглую накладку – пуговку с выпуклым умбоном в центре, завершающимся шаровидным выступом, поле умбона покрыто рядом ложной зерни, накладка обрамлена рядом полушарных выступов (рис. 4/8), такие накладки могут быть датированы X-XII вв. (Белавин, Крыласова, 2008, с. 421); бронзовую прямоугольную неорнаментированную пряжку с углублением в месте фиксации язычка (рис. 4.9), такие могут быть датированы XI-XII вв.

К деталям поясной гарнитуры можно отнести комплекс железных изделий так называемого «аскизского типа» (фрагмент пряжки, прямоугольные поясные накладки, накладка в виде розетки с кольцевой привеской, «очковидная» накладка с круглыми концами, выделенным центром и петлей, наконечники ремня «с носиком») (рис. 4/10-15). Все эти предметы находят аналогии в комплексах оглаhtинского времени малиновского этапа аскизской культуры (XI-XII вв.) (Белавин, Крыласова, 2008, с. 481-487). Подобные вещи находят и в Волжской Булгарии. По-видимому, в Булгарии существовало собственное производство таких изделий по аскизским образцам. На территорию Пермского Предуралья, скорее всего, предметы «аскизского типа» проникают с булгарами.

К деталям костюма можно отнести костяную костыльковую подвеску, украшенную орнаментом в виде «косой решетки» (рис. 5/2). Подобные костяные

«костыльки» известны на памятниках Верхней Камы XIII-XIV вв. (Голдина, Кананин, 1989, рис. 73).

Из хозяйственного и производственного инвентаря были найдены разнообразные артефакты. Земледельческие орудия представлены фрагментом трубицы ральника (рис.6/1) и фрагментами жерновов, сделанных из крупнозернистого песчаника. Железные наконечники пахотных орудий – ральники, также, как и каменные жернова получили свое распространение в Верхнем Прикамье не ранее второй половины XI-начала XII вв. (Сарапулов, 2015). Орудия охоты представлены многочисленными костяными манками и черешковыми наконечниками стрел листовидной формы. Предметы рыболовства представлены железным крючком с бородкой и петлей на противоположенном конце (рис. 6/3) и фрагментом глиняного грузила со следами веревки на поверхности (рис. 6/2). Глиняные грузила для сетей, как и крючки разных размеров широко представлены на средневековых поселениях Предуралья (Рождественское, Анюшкар, Купросское, Кудымкарское, Шудьякар городища) (Белавин, 2016, с. 46).

Интерес представляет железный шип (рис. 6/5), который использовался как ледоходный конский шип или древолазный шип для занятий бортничеством. Аналогии ему известны в Волжской Булгарии и на Руси X-XIII вв. (Белавин, 2007, с. 226).

Также среди хозяйственного инвентаря можно выделить большое количество разнообразных типов гвоздей, хозяйственно-универсальных железных ножей, точильных камней (оселков). К универсальным орудиям относятся костяные рукояти шильев с прямой и выпуклой спинками (рис. 5/3-4). Такие рукояти были широко распространены на памятниках Пермского Предуралья в X-XI вв. (Крыласова, 2007, с. 233-235).

К орудиям и остаткам металлообработки можно отнести находки железных зубил, фрагменты глиняных цилиндрических тиглей, крицы, шлаки.

К имеющим важность находкам на Калинском поселении можно отнести железную шайбовидную гирьку в виде металлической пластинки, скрученной в плотную спираль, с отверстием в центре (рис. 5/1). Спиралевидные гирьки, по-видимому, можно считать местным прикамским вариантом шайбовидных гирек (они известны на городищах Рождественское, Анюшкар, Саламатовское, селище Телячий Брод, на Огурдинском могильнике и др.) (Белавин, Крыласова, 2008, с. 488).

К уникальным предметам относится костяной предмет – ребро крупного рогатого скота с семью сквозными отверстиями, имеющими разный диаметр (рис. 7). Возможно, что это изделие использовалось для изготовления (распрямления) нитей разного диаметра путем их продевания в отверстия.

Из группы орудий для домашних производств при раскопках Калино были обнаружены костяные кочедыки, проколки из грифельных костей крупных млекопитающих, костяные иглы, разбивальники, швейные стальные иглы, глиняные пряслица.

Предметы вооружения и воинского снаряжения представлены универсальными и боевыми (бронебойными) железными наконечниками стрел и фрагментами кольчужных колец.

К предметам быта можно отнести железный ключ (рис. 6/7). Это наиболее древний тип ключей, использовавшийся в цилиндрических съемных замках, известный на Руси в IX-X вв., эксплуатировавшийся на протяжении XI-XII вв., а к

середине XIII в. постепенно вышедший из употребления (Крыласова, 2007, с. 113-114).

Еще здесь стоит отметить находку кресала (рис. 6/4). Такие овально-подтреугольные кресала с язычком были широко распространены на территории Центральной, Северной и Восточной Европы и в Азии вплоть до Забайкалья и Приамурья. Время их бытования также довольно широкое – X-XIV вв. (Крыласова, 2003, с.84). Помимо кресала к элементам огнива можно отнести большое количество кресальных кремней, сделанных из серого кремня и имеющие следы сработанностей от высечения искры.

К категории бытовых повседневных вещей относятся фрагменты глиняных подставок-валиков под круглодонные сосуды. Такие подставки могли украшаться разнообразным орнаментом (рис. 6/6). Н.Б. Крыласова относит появление таких подставок в Пермском Предуралье к X-XI вв. и их широкое использование на крупных городищах эпохи средневековья (Рождественское, Анюшкар, Роданово, Купросское) (Крыласова, 2007, с. 32-33).

К предметам гигиены относится роговой цельный двусторонний гребень (рис. 5/5). Такие гребни были широко распространены на древнерусских памятниках и по материалам Новгорода появились в самом конце X в., бытовали весь XI в., а в первой половине XII в. начали исчезать (Колчин, 1982, с. 164). Некоторые исследователи традиционно относят подобные гребни к древнерусскому импорту, а другие считают, что такие гребни могли быть и продукцией местных косторезов, подражающих древнерусским образцам (Белавин, Крыласова, 2008, с. 351).

В повседневной деятельности использовались и костяные уплощенные ложки-лопаточки (рис. 8/1), известные в эпоху средневековья на прикамских памятниках.

Яркими находками на Калинском поселении являются две целые железные вилки и один фрагмент (рис. 8/2-4). Вилки не были распространены на территории Предуралья в эпоху средневековья. Единственная археологическая находка двузубой вилки была сделана на Городищенском городище в средневековом культурном слое. Все другие вилки имеют случайное происхождение и относятся исследователями к XVI-XIX вв. (Крыласова, 2007, с. 78-81). На рассматриваемом поселении вилки были обнаружены в пахотном слое, поэтому точно связывать их со временем существования Калинского селища невозможно. Вполне вероятно, что эти вилки могли принадлежать жителям села Калино, возникшего в XVII в.

Интереснейшей категорией артефактов являются игрушки и детали игр. К ним можно отнести находки глиняных шариков различного диаметра (рис. 9/2-5), использовавшиеся, вероятно, для какой-либо игры.

С игрой в бабки или гаданием связан астрагал с прочерченными полосами (рис. 9.8.). Кроме него, на поселении были найдены костяные фишки в виде аморфных фигурок и одна плоская монетовидной формы (рис. 9/7,9). Все они были обнаружены в одном месте, в культурном слое жилища.

К игрушкам относится и фрагмент глиняной статуэтки в форме усеченной пирамиды с изображением носа в виде выступа (рис. 9/10). Н.Б. Крыласова рассматривает подобные статуэтки, лишенные антропоморфных черт как игрушки для игры в «куколки» у девочек (Крыласова, 2006, с. 83-98).

Возможно, к игрушкам можно отнести глиняный предмет прямоугольной формы в виде кирпичика или буханки (рис. 9/1.). На одной из поверхностей имеется округлое углубление.

Помимо индивидуальных находок, в культурном слое Калинского поселения найдено большое количество костей животных (6006 фрагментов за 5 лет). Все кости для анализа были отправлены в Лабораторию палеоэкологии Института экологии растений и животных (г. Екатеринбург). Под руководством к.б.н. П.А. Косинцева были проанализированы костные останки из раскопок 2011 г.

Виды	Горизонты			
	1	2	3-4	Яма 1
Крупный рогатый скот	11/2 *	13/ 4	69/9	0
Мелкий рогатый скот, в том числе овца	0	2/1	7/4	0
Лошадь	10/3	9/2	61/1 0	0
Свинья	0	1/1	4/1	0
Собака	0	0	1/1	0
Лось	2/1	5/1	6/3	0
Северный олень	3/1	0	6/2	0
Бобр	0	1/1	3/3	1/1
Белка	0	0	1/1	0
Заяц	0	0	1/1	0
Птица	1	1	3	0
Млекопитающие неопределимые	63	61	150	0

*количество костей/количество особей

По итогам анализа материальной культуры, Калинское поселение можно датировать XI-XIII вв. Во время раскопок 2012-2015 гг. образцы угля из культурного слоя были отправлены на радиоуглеродный анализ в Лабораторию археологических технологий ИИМК РАН. Полученные результаты подтвердили предлагаемую датировку исследуемого поселения (рис. 10).

Калинское поселение, вероятно, являлось городищем (вал был распахан?) и представляло собой крупный населенный пункт, в котором проживали представители родановской археологической культуры. Кроме этого финно-угорского населения в составе жителей городища, возможно, присутствовала небольшая группа болгар, следами которой является болгарская гончарная керамика, вещи т.н. «аскизского типа», некоторые виды украшений костюма. Однако болгарские вещи и керамика могли быть и результатом торговых отношений жителей поселения как с самой Волжской Булгарией, так и с одной из болгарских торгово-ремесленных факторий (Рождественское, Анюшкар городища).

Таким образом, археологический объект «Селище Калино» является одним из ярких и интересных средневековых поселений на территории Коми-Пермяцкого округа Пермского края и требует дальнейшего изучения.

Литература:

Белавин, 2007 – Белавин А.М. О «медовой составляющей» в палеоэкономике Пермского Предуралья /А.М. Белавин // Формирование и взаимодействие уральских народов в изменяющейся этнокультурной среде Евразии: проблемы изучения и историография: сб. ст. Уфа: Китап, 2007. С. 222-229.

Белавин, 2016 – Белавин А.М. Рыбная ловля в Прикамье в древности и средние века /А.М. Белавин // Вестник Пермского научного центра, № 3, июль-сентябрь, 2016. С. 42-47.

Белавин, Крыласова, 2008 – Белавин А.М., Крыласова Н.Б. Древняя Афула: археологический комплекс у с. Рождественск: Монография/А.М. Белавин, Н.Б. Крыласова / Перм. гос. пед. Ун-т. Пермь, 2008. 603 с.

Голдина, Кананин, 1989 – Голдина Р.Д., Кананин В.А. Средневековые памятники верховьев Камы / Р.Д. Голдина, В.А. Кананин / Свердловск: Уральский университет, 1989. 216 с.

Колчин, 1982 – Колчин Б.А. Хронология новгородских древностей /Б.А. Колчин // Новгородский сборник: 50 лет раскопок Новгорода. М: Наука. С. 157-177.

Крыласова, 2003 – Крыласова Н.Б. Элементы огнива Рождественского археологического комплекса / Н.Б. Крыласова // Труды Камской археолого-этнографической экспедиции. Выпуск III / Под ред. А.М. Белавина; Перм. гос. пед. ун-т. 2003. С. 79-104.

Крыласова, 2006 – Крыласова Н.Б. Игра в традиционном воспитании населения Пермского края (материалы к экскурсии по Музею археологии и этнографии) / Н.Б. Крыласова // Вестник Музея археологии и этнографии Пермского Предуралья. Выпуск 1: Сборник научных статей. /Ред. коллегия А.М. Белавин (отв. за выпуск), Н.Б. Крыласова (глав. редактор) и др.; Перм. гос. пед. ун-т. Пермь, 2006. С. 83-98.

Крыласова, 2007 – Крыласова Н.Б. Археология повседневности: материальная культура средневекового Предуралья: монография /Н.Б. Крыласова/ Перм.гос.пед.ун-т. Пермь, 2006. 352 с.

Крыласова, 2016 – Крыласова Н.Б. Особенности средневекового домостроительства на территории Пермского края / Н.Б. Крыласова // Вестник Пермского научного центра, № 3, июль-сентябрь, 2016. С. 63-76.

Савельева, 1987 – Савельева Э.А. Вымские могильники XI-XIV вв. /Э.А. Савельева /Л.: ЛГУ. 200 с.

Сарапулов, 2015 – Сарапулов А.Н. Средневековое земледелие Пермского Предуралья по археологическим данным: монография. /А.Н. Сарапулов/ Перм. гос. гуманит.-пед. ун-т. Пермь, 2015. С. 170.

Сарапулов, Шмуратко, 2016 – Сарапулов А.Н., Шмуратко Д.В. Опыт трехмерного моделирования площадки памятника (на примере Калинского селища) / А.Н. Сарапулов, Д.В. Шмуратко / XV Бадеровские чтения по археологии Урала и Поволжья: материалы всерос. науч.-практ. конф. (г. Пермь, 9-12 февр. 2016 г.) / Перм. гос. нац. исслед. ун-т. Пермь, 2016 С. 186-188.

Спицын, 1902 – Спицын А.А. Древности камской чуди по коллекции А.Е. Теплоухова / А.А. Спицын // Материалы по археологии России. СПб.: Тип. имп. Акад. Наук, 1902 № 26.

Талицкая, 1952 – Талицкая И.А. Материалы к археологической карте бассейна р. Камы / И.А. Талицкая // МИА. № 27. М.: Наука, 1952. 224 с.

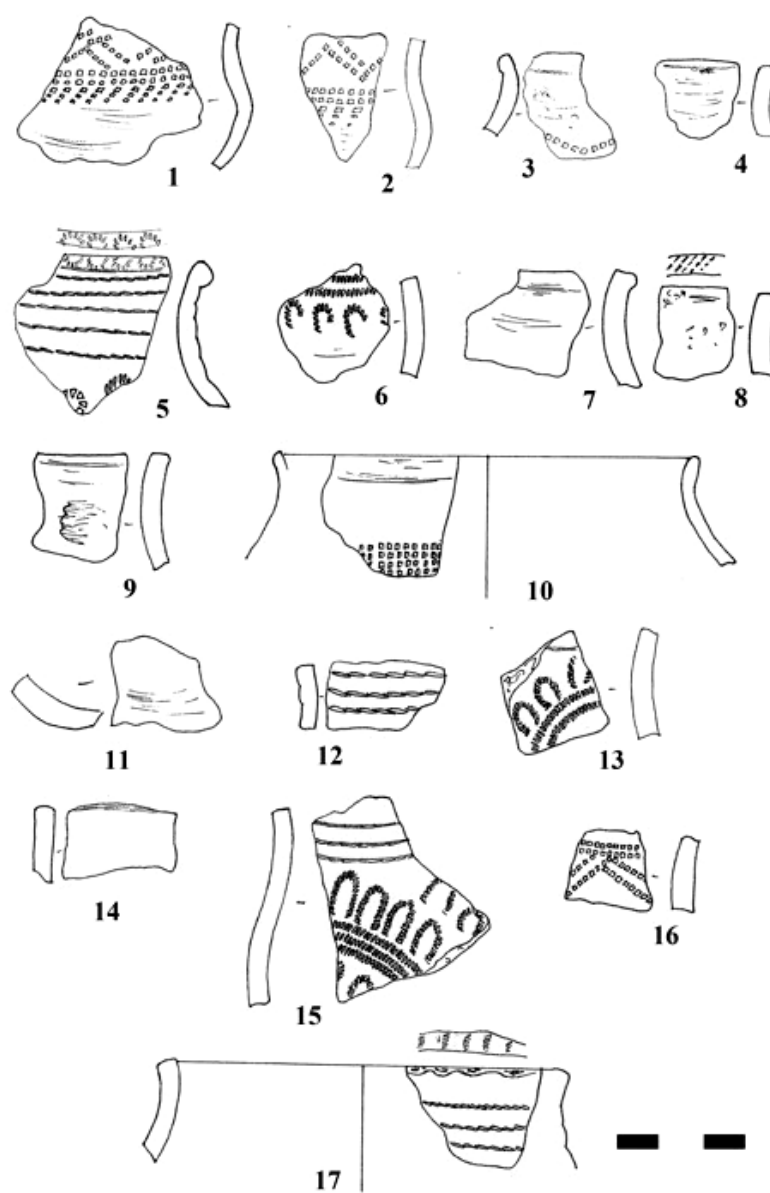

Рис. 2. Фрагменты глиняной посуды.

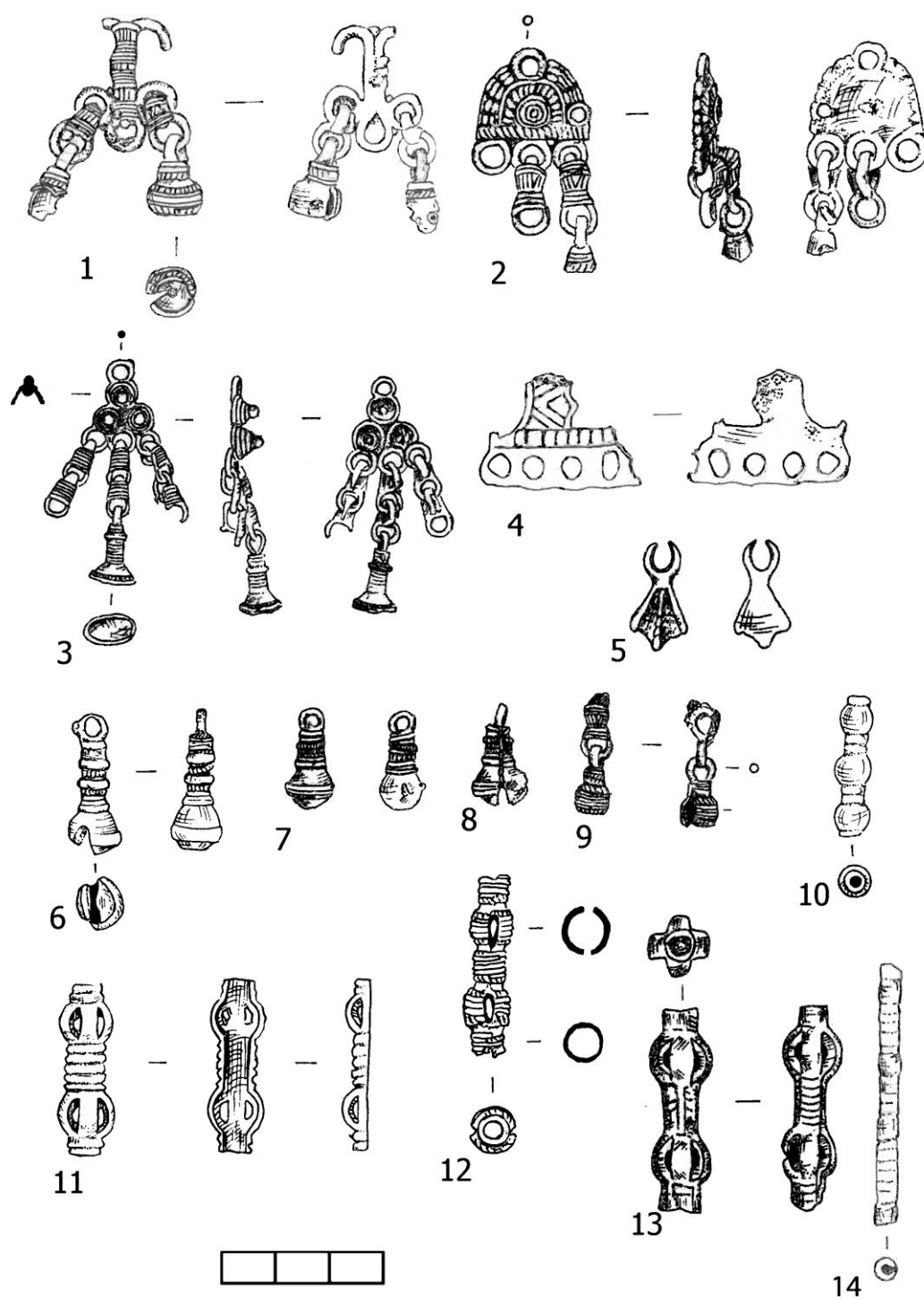

Рис. 3. Украшения. 1-14 – бронза.

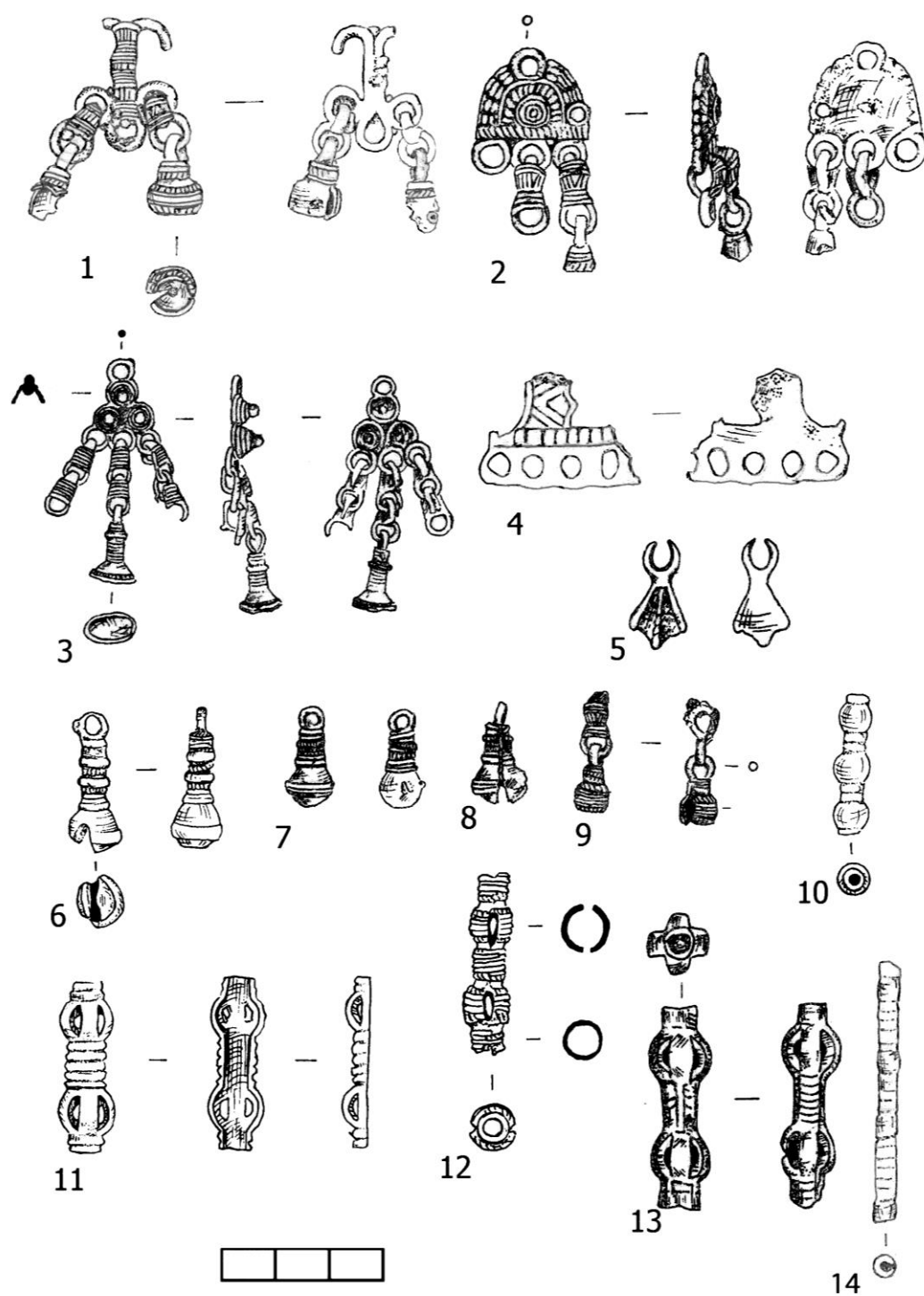

Рис. 4. Украшения и детали костюма. 1,3 – серебро, 2,4-9 – бронза, 10-15 – железо.

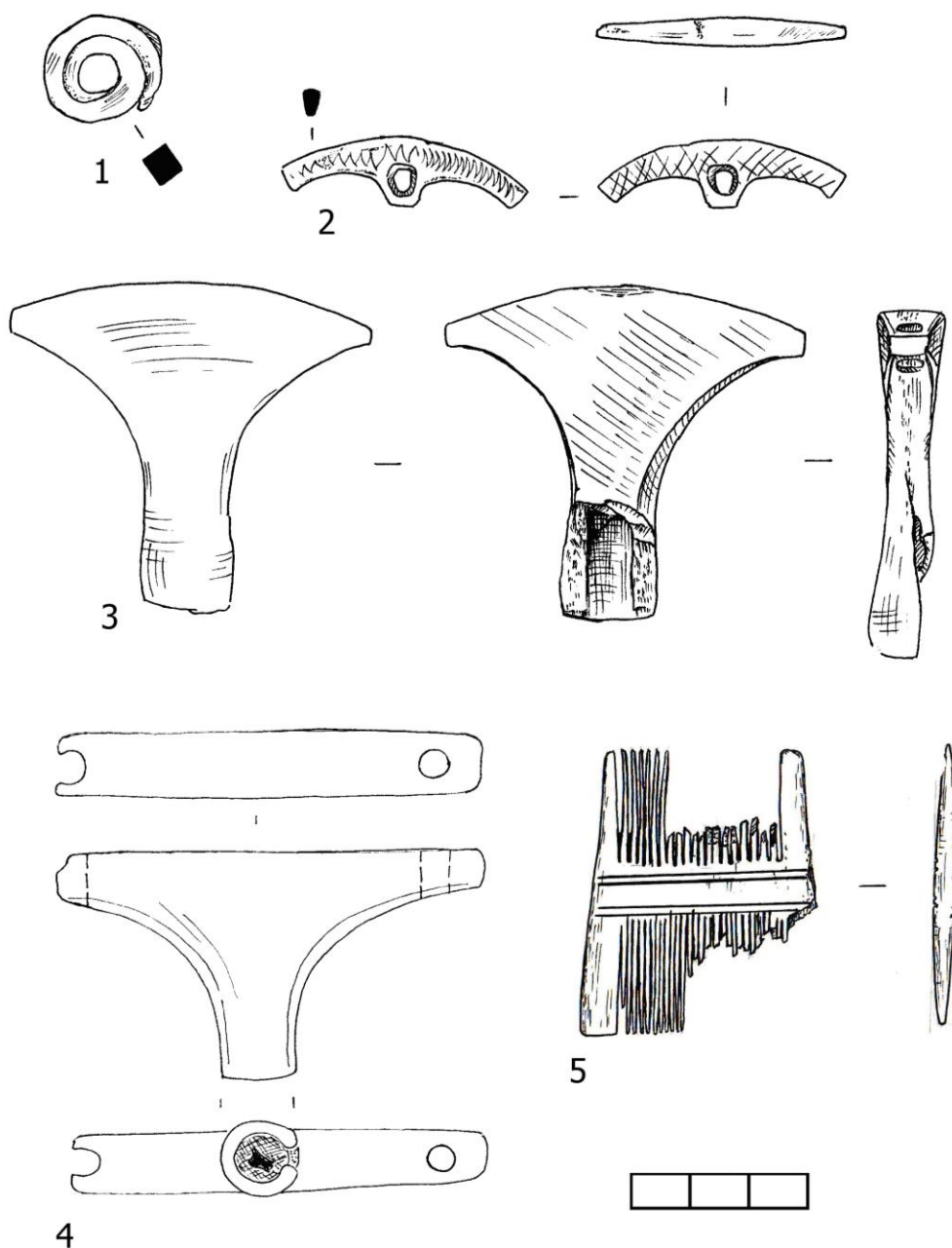

Рис. 5. Детали костюма, торговый и хозяйственный инвентарий, предметы гигиены. 1 – железо, 2-5 – кость.

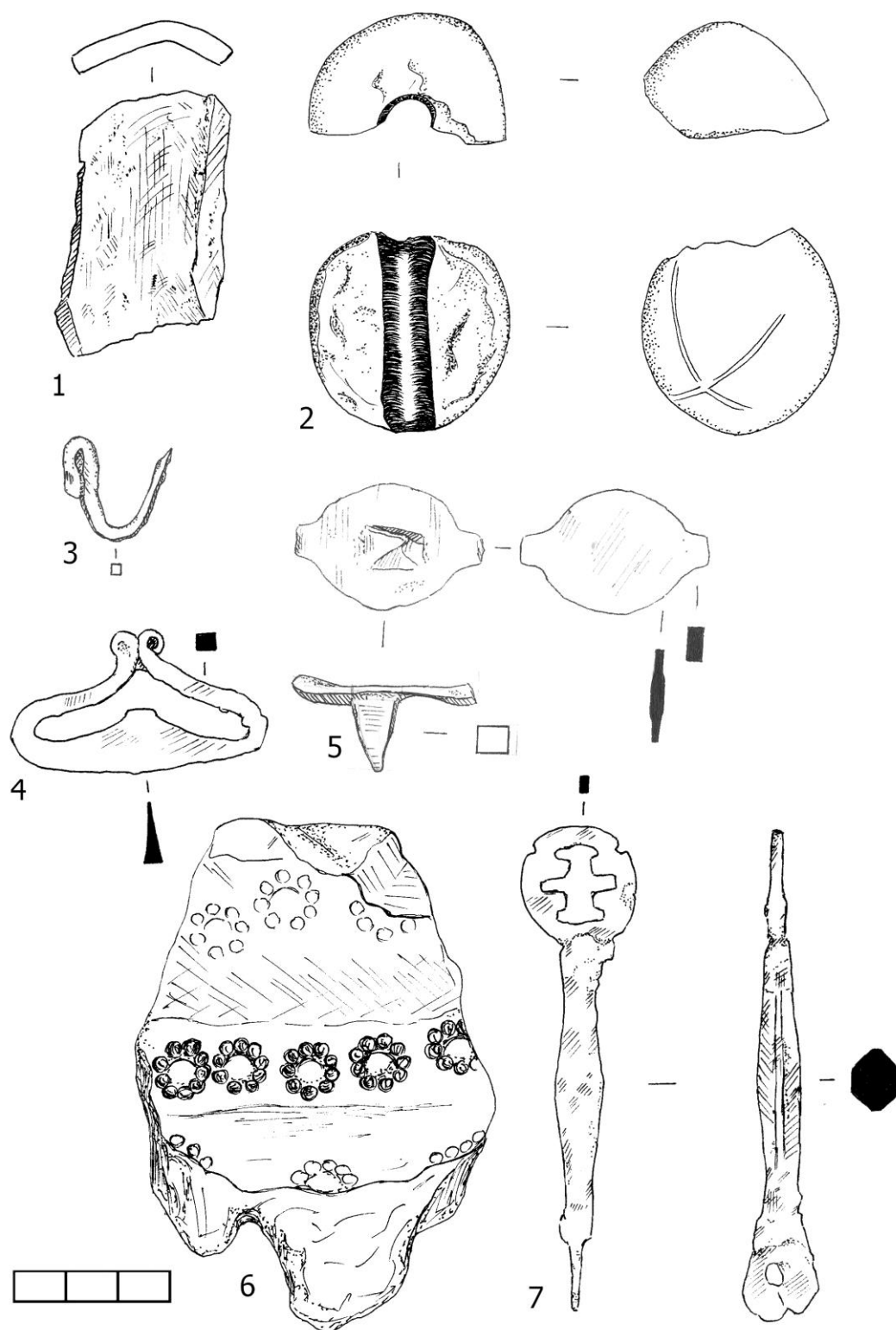

Рис. 6. Хозяйственный инвентарий и предметы быта. 1, 3-5, 7 – железо, 2, 6 – глина.

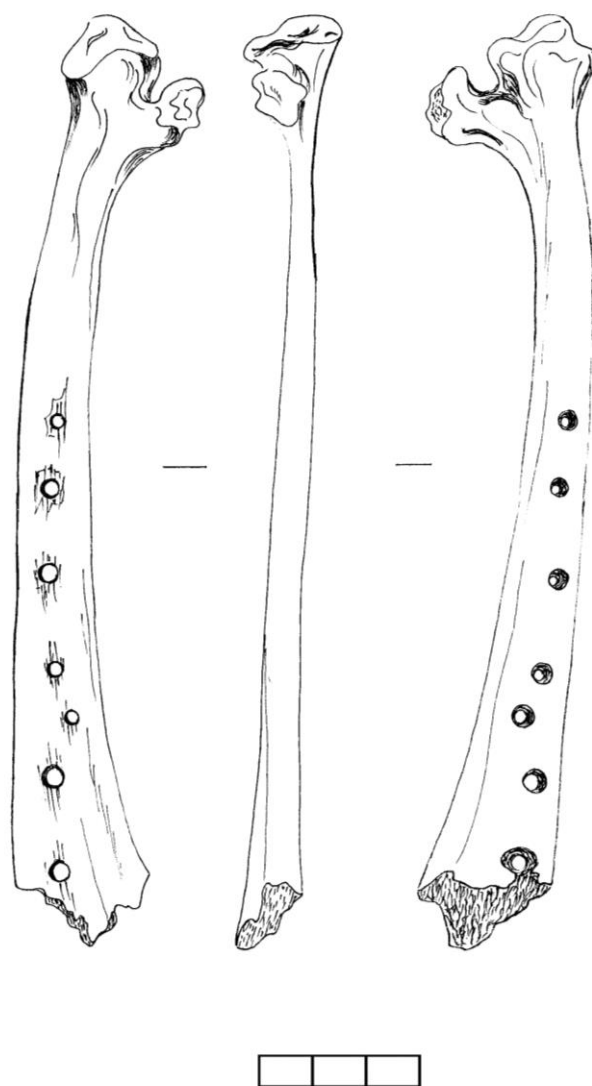

Рис. 7. Костяной предмет.

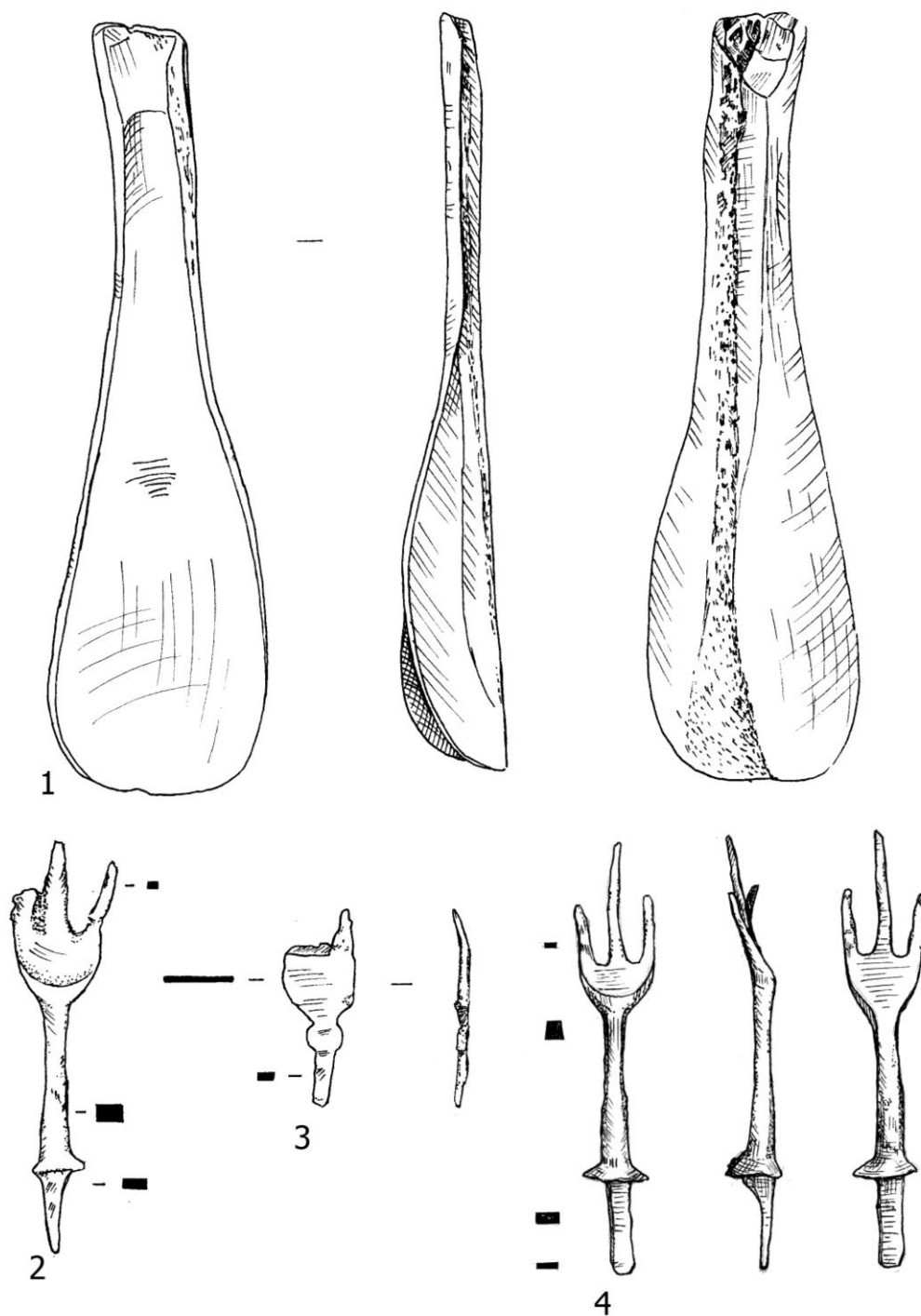

Рис. 8. Предметы быта. 1 – кость, 2-4 – железо.

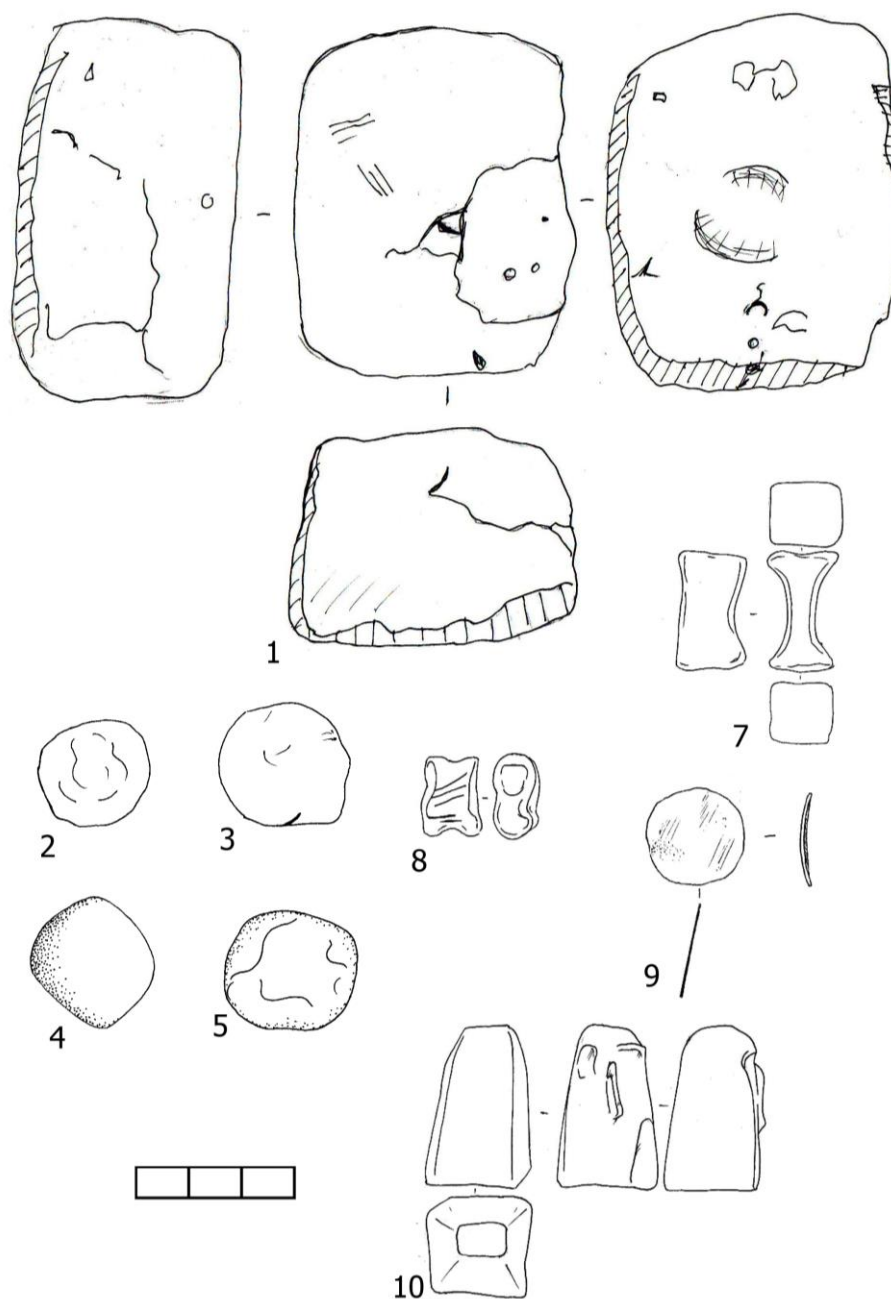

Рис.9. Игрушки и детали игр. 1-5, 10 – глина, 7-9 – кость.

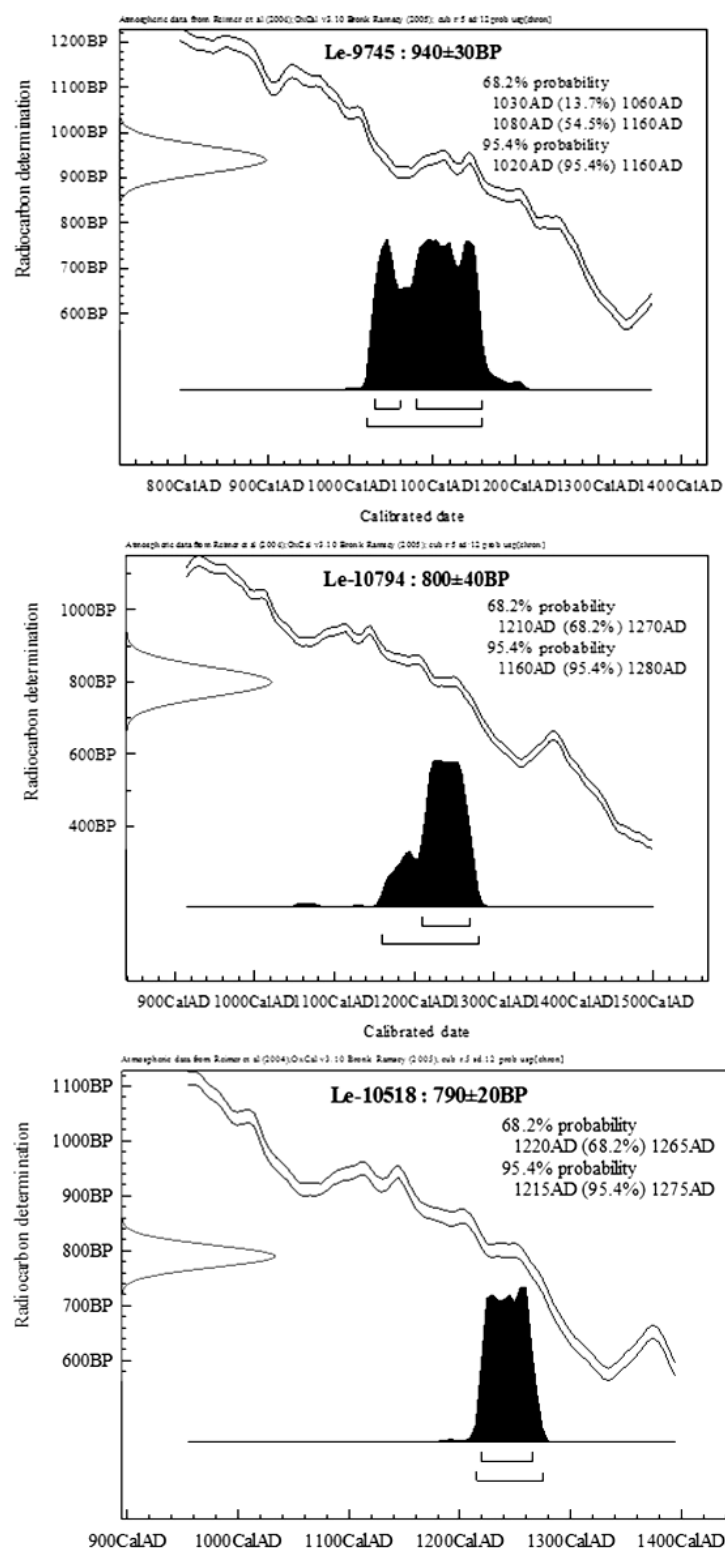

Рис. 10. Результаты радиоуглеродного датирования.

Шмуратко Д.В.

(Пермский государственный гуманитарно-педагогический университет, Пермь)

**МИТИНСКАЯ КУРГАННАЯ ГРУППА
В СИСТЕМЕ РАССЕЛЕНИЯ ХАРИНСКИХ ПЛЕМЕН: результаты
раскопок 2015-2016 гг. ***

* Публикация подготовлена в рамках проекта РГНФ №16-11-59004

В статье представлены результаты охранных раскопок Митинской курганной группы. По результатам построения полигонов Тиссена-Вороного определено место могильника в системе расселения харинских племен.

Ключевые слова: система расселения, ГИС, полигоны Тиссена-Вороного, памятники харинского типа, курганные могильники

The article presents the results of protection excavations of Mitino mounds group. Position of the necropolis in the system of settlement of "Harino" tribes determined by the results of constructing Thiessen-Voronoi polygons.

Keywords: settlement system, GIS, Thiessen-Voronoi polygons, sites of "Harino" type, burial mounds

Shmuratko D. V.

(Perm State Humanitarian Pedagogical University, Perm)

**MITINO MOUNDS GROUP IN KHARINO TRIBES SETTLEMENT SYSTEM:
EXCAVATION RESULTS IN 2015-2016***

* This publication was prepared within the framework of the project №16-11-59004

The article presents results of protection excavation of Mitinsky mounds group. According to the results of Thiessen-Voronoi polygons construction, the place of burial ground in the system of Kharino tribes settlement is defined.

Key words: settlement system, geo information system (GIS), Thiessen-Voronoi polygons, 'Kharino'-type sites, burial grounds

Раннее средневековье в археологии Приуралья прочно ассоциируется с «харинским культурным феноменом». В это время на территории Прикамья происходит миграция носителей позднесарматской культурной традиции (Шмуратко, 2012). Для харинских племен традиционным является курганный обряд захоронения. Харинские курганы известны как в южных, так и в северных районах Пермского края, причем на севере их концентрация значительно выше.

С целью изучения системы расселения харинских племен был проведен планиграфический анализ с использованием ГИС и алгоритма построения полигонов Тиссена-Вороного. Основой для построения полигонов является система входных точек покрытия. Каждый полигон имеет только одну единственную входную точку покрытия. Границы полигонов Тиссена-Вороного строятся так, чтобы любое место в пределах границ одного полигона находилось ближе к входной точке покрытия данного полигона, чем к входной точке покрытия любого другого полигона.

Применительно к цели исследования в качестве входных точек покрытия полигонов были использованы GPS координаты известных курганных

могильников эпохи Великого переселения народов с территории Прикамья. В логике исследования каждый отдельный полигон рассматривался как «зона обслуживания» одного конкретного некрополя. Предполагается, что население, проживающее в пределах границ одного полигона, хоронило своих умерших на могильнике, являющимся «входной точкой покрытия», «гравитационным центром» полигона – локальной группы памятников. Группа считалась полной, если в границы полигона попадало не менее одного поселенческого памятника.

Митинская курганная группа стала входной точкой покрытия Митинского полигона – Митинской локальной территориальной группы памятников. Полигон площадью около 120 га (12 кв.км) образован вокруг Митинской курганной группы, расположенной в Кочевском районе Пермского края к востоку от восточной окраины д. Митино на левом берегу р. Кычдез (Кизис, Кыдзис; правый приток р. Лолог).

Первые упоминания о некрополе содержатся в труде И.А. Талицкой, которая указывает, что М.В. Талицким от сотрудника Кудымкарского музея И.И. Крохалева были получены сведения о находящемся недалеко от мельничной плотины д. Митино Кочевского района Коми-Пермяцкого национального округа могильнике. Площадка памятника расположена к востоку от с. Юкеево (Талицкая 1952, с. 175). В 1956 г. первые археологические раскопки на памятнике были проведены под руководством В.Ф. Генинга. С 2014 г. и по настоящее время памятник изучается Камской археолого-этнографической экспедицией Пермского государственного гуманитарно-педагогического университета.

Митинская локальная территориальная группа является полной. В пределах «Митинского полигона» оказалось два селища – Митино I и Митино II, а также одно городище – Пармайловское II, хронологически относящиеся к эпохе Великого переселения народов. Расстояние между Пармайловским II городищем и некрополем оказалось не более 3 км, расстояние между селищами и некрополем – не более 1 км. Учитывая то, что основная масса населения локальной группы, по-видимому, проживала на селищах, время пути траурной процессии от поселения до могильника составляло не более 15 минут.

К сожалению, характер и современное состояние поселенческих памятников Митинской локальной группы делает раскопки на них неперспективными. Так, Митинское II селище по данным мониторинга 2014 г. полностью распаханно. Автор отчета С.И. Абдулова отмечает: «Ни в одном из шурфов не был отмечен культурный слой. Находок нет, как на поверхности, так и в самих шурфах..., мы можем предположить, что имевшийся здесь культурный слой мог быть полностью распахан в течение периода хозяйственного освоения данной территории, т.е. до 90-х гг. XX в. (Абдулова, 2014)

Пармайловское II городище, по-видимому, выполняло функцию городища-убежища. По сведениям 1956 г. площадка памятника распахивалась, однако, никаких находок не было. Шурф, заложенный на городище, также не дал материала. Тем не менее, отсутствие находок и форма городища позволили исследователям сделать предположение о его дате: IV – VI вв. н.э. (Еговкина, Стоянов, 1957, с. 6-7). Полевые работы, проведенные в 2014 г., также не дали материалов.

Митинская курганная группа – «гравитационный» центр рассматриваемой территории, является единственным памятником локальной группы раскопки которого перспективны. Некрополь заслуживает особого внимания и детального изучения с целью получения информации о населении, проживающем в границах территории. Полевые исследования, проведенные на могильнике в 2014-2016 гг.,

дали новый интересный материал, позволяющий приблизиться к ответу на вопрос об исторической судьбе и характере расселения северной группы «харинских племен» в Прикамье. Результаты раскопок 2014 г. уже были опубликованы, ниже будут представлены итоги работ 2015-2016 гг.

В ходе работ 2015 г. на памятнике под распаханными курганами было изучено 3 погребения (содержащих 6 индивидов), 3 ямы (2 из них интерпретируются как остатки курганных канавок) (рис. 1).

Погребение № 48 (см. рис. 2). Могильная яма подпрямоугольной формы размером 2,40 на 1,10 м была зафиксирована на глубине - 0,30 м от современной поверхности (от репера -0,74-0,79 м) в виде пятна светло-коричневого суглинка с вкраплениями известковой крошки и углей, окаймленного узкой (0,10-0,12 м) полоской коричневого вязкого суглинка. Глубина дна погребения -0,40 м от уровня фиксации (от репера -1,13 м). В погребении обнаружен скелет человека. Судя по положению костей погребенный был уложен на спину, головой на СЗ. Руки уложены в области живота. На бедра погребенного был уложен *железный дольный нож*.

Дольные ножи – это ножи, имеющие одностороннюю заточку (треугольные в сечении) и дол на клинке. Дол называется выемка на полотне клинка, которая идет параллельно лезвию. Мингалевым В.В. выделено три типа дольных ножей в зависимости от геометрии клинка и функционального назначения (Мингалев, 2006, с. 116-117). По типологии Мингалева В.В., обнаруженный в погребении нож относится к типу псевдокнижалы – режуще-колющие боевые ножи, обух и лезвие которых сходятся к основанию, образуя равнобедренный треугольник.

Погребение № 49 (рис. 3). Могильная яма размером 2,60 на 2,78 м была зафиксирована на глубине -0,30 м от современной поверхности (от репера -0,67/-0,72 м) в виде пятна неправильной формы, заполненного светло-коричневым суглинком с вкраплениями известковой крошки и углей. Глубина дна погребения – 0,10/-0,13 м от уровня фиксации (от репера -0,80-0,85 м). В погребении обнаружены кости трех индивидов (индивид А; индивид Б; индивид В). Судя по положению костей, покойные были уложены на спину, головой на СЗ.

При западном *индивиде А* в области пояса обнаружены *бронзовая пряжка* с укороченной подпрямоугольной пластиной, несколько сужающейся к заднему краю и *наконечник ремня* в виде широкой пластины, зажимающей ремень с двух сторон, украшенной вертикальными рядами шляпок штифтов в виде полугорошин. Подобные наконечники являются типичными для харинской эпохи. На правое бедро покойного был уложен *дольный нож* типа псевдокинжала.

Под костями погребенного зафиксированы остатки деревянной конструкции в виде плахи (размером 2,42 на 0,35 м), на которую был уложен умерший.

Судя по положению костей, покойный был уложен на спину, головой на СЗ. Пространство вокруг тела было очень ограничено, возможно, умерший был уложен в узкое гробовище, либо имела место практика пеленания покойного.

При втором (центральном) *индивиде Б* в области левого бедра обнаружены *бронзовые обкладки от ножен*. Ножны, по-видимому, представляли собой деревянный футляр, частично обтянутый сверху бронзовыми пластинками и обоймами. Вдоль одной из сторон ножен была размещена пластинка с рядом полусферических головок заклепок. Подобные ножны Р.Д. Голдиной датируются V-VI вв. Справа и слева от голеней погребенного найдены *наконечник ремня* и *поясная пряжка*. Наконечник ремня представлял собой предмет небольших

размеров, металлическую пластину, скрепленную с ремнем при помощи штифтов. Поясная пряжка относится к типу трехсоставных пряжек с укороченной подпрямоугольной пластиной, несколько сужающейся к заднему краю. По типологии А.К. Амброза данная пряжка может быть отнесена к группе I, в которую вошли мелкие пряжки с короткой и средней треугольной обоймой и с полукруглой обоймой. У большинства образцов этой группы острия не выходят далеко за рамку. Пряжки I группы А.К. Амброза датирует V в.

На глубине -0,72/-0,80 м от репера зафиксированы остатки деревянной конструкции типа рамы размером 1,83 на 0,65 м. Под костями погребенного также фиксируются остатки деревянной плахи. Вероятно, умерший был уложен в ящик-гробовище.

Судя по положению костей, покойный был уложен на спину, головой на СЗ. Вокруг тела оставалось свободное пространство и можно предположить, что гробовище было достаточно просторным.

При третьем восточном *индивиде В* в области пояса обнаружена *поясная накладка* – длинная вытянутая пластина, изготовленная из бронзового сплава, крепящаяся к поясу при помощи штифтов. У правой и левой ступни найдены две *обувные пряжки* с пластиной в виде равнобедренного треугольника. Обнаруженные экземпляры относятся к группе I по типологии А.К. Амброза и датируются V в.

На глубине -0,70/-0,82 м от репера зафиксированы остатки деревянной конструкции типа рамы размером 1,75 на 0,60 м. Под костями погребенного также фиксируются остатки деревянной плахи. Вероятно, умерший был уложен в ящик-гробовище.

Судя по положению костей, сохранивших анатомический порядок, покойный был уложен на спину, головой на СЗ.

Погребение № 50 (рис. 4). Могильная яма подпрямоугольной формы имела размеры 2,40 на 1,29 м и была зафиксирована на глубине -0,30 м от уровня современной поверхности в виде пятна светло-коричневого суглинка с вкраплениями известковой крошки и углей, окаймленного узкой (0,04-0,07 м) полоской коричневого вязкого суглинка. Глубина дна погребения -0,69-0,75 м от репера. В погребении обнаружены расположенные в анатомическом порядке скелеты двух индивидов (индивид А; индивид Б).

Между ног западного *индивида А* в области колен был уложен *железный нож*, относящийся к типу бытовых с резким уступчиком со стороны спинки и лезвия при переходе к черешку. Судя по положению костей, покойный был уложен на спину головой на СЗ. Вокруг тела оставалось свободное пространство, вероятно имело место просторное гробовище.

Подобный же *бытовой нож* был уложен на правое бедро восточного *индивида Б*. Судя по положению костей, покойный был уложен на спину головой на СЗ. Вокруг тела оставалось свободное пространство, при этом движение костей в левую сторону было ограничено, все свободное пространство было с правой стороны, возможно покойный был уложен ближе к левой стенки просторного гробовища.

Яма 1. (курганная канавка?). Зафиксирована на глубине -0,28/-0,30 м от современной поверхности (от репера -0,68/-0,73) и имеет вытянутую неправильную форму, ориентирована по линии СЗ-ЮВ, расположена к западу от погребения №49. Глубина дна ямы -0,31 м от уровня фиксации (от репера - 0,93/-0,97 м). Заполнение ямы состояло из черного жирного суглинка, насыщенного углями и коричневого суглинка с вкраплениями углей. В яме на глубине -0,74/-

0,98 м от репера обнаружено два скопления костей животных (челюсти лошади). Скопление вытянуто в направлении СЗ-ЮВ вдоль условной оси ямы. Профиль ямы прослежен по поперечному разрезу в виде линзы черного жирного суглинка, насыщенного углем мощностью до 0,62 м и коричневого суглинка с вкраплениями угля.

Яма 2. Зафиксирована на глубине -0,25/-0,30 м от современной поверхности (от репера -0,57/-0,64) в северо-западной части раскопа, имеет неправильную форму. Продольная условная ось ямы ориентирована по линии СЗ-ЮВ. Заполнение ямы состояло из черного жирного суглинка, насыщенного углями, коричневого суглинка с вкраплениями угля, светло-коричневого суглинка с вкраплениями известковой крошки и углями. Глубина дна ямы - 0,28 м от уровня фиксации (от репера -1,00). В центре ямы вдоль условной оси на глубине - 0,66/-0,83 от репера обнаружено вытянутое скопление костей человека и животного.

В заполнении ямы обнаружены *фрагменты керамики*, принадлежащие сосуду с толщиной стенок до 0,5 см хорошего обжига, изготовленного из формовочной массы с примесью песка, цвет фрагментов темно-серый. Один из фрагментов представлен *венчиком* слабой профилировки, торец которого украшен защипами, сам фрагмент украшен поясом вертикального гребенчатого штампа. В центральной части ямы на гл. -0,83 (-0,55) м была обнаружена *железная рамчатая пряжка*, к овальному кольцу которой непосредственно привязывался ремень. Профиль ямы зафиксирован по поперечному разрезу в виде линзы черного жирного суглинка, насыщенного углями мощностью до 0,25 м и примыкающей к ней линзы коричневого суглинка с вкраплениями угля мощностью до 0,25 м.

Яма 3. Объект неправильной формы обнаружен в южной части раскопа на глубине -0,26/-0,30 м от уровня современной поверхности (от репера -0,78/-0,82 м). Глубина дна ямы -0,15 м от уровня фиксации (от репера -0,96 м). Заполнение ямы состояло из черного жирного суглинка, насыщенного углями. Профиль ямы прослежен в южной стенке раскопа в виде линзы черного жирного суглинка, насыщенного углем мощностью до 6-7 см.

Материалы, полученные в ходе работ 2015 г., отчасти подтвердили имеющиеся представления о курганной части памятника: погребения фиксируются на глубине -20-25 см сразу же под слоем пахоты; имеют устойчивую ориентировку по линии СЗ-ЮВ; плотность расположения погребений в среднем 1 погребение на 20 кв.м; сохранность костных остатков очень хорошая; в ряде погребений обнаружены остатки деревянных конструкций.

В отличие от сезона 2014 г., в ходе работ 2015 г. были обнаружены предметы поясной гарнитуры харинского времени: трехсоставные пряжки, пластинчатые наконечники ремней и накладки. Поскольку относительная хронология харинских памятников в основном базируется на типологии пряжек, материал 2015 г. позволит в будущем скорректировать хронологию эпохи. Пока имеющиеся данные заставляют задуматься о необходимости удревнения нижней даты бытования памятника с финала харинского времени – V-VI вв. на период конец IV-V вв. Поясная гарнитура, обнаруженная в погребении № 49, имеет весьма архаичный облик.

В ходе работ 2016 г., проводимых в рамках региональной программы противоаварийных раскопок государственной программы «Культура Пермского края», было установлено, что Митинская курганная группа топографически и хронологически имеет две части: раннюю курганную и позднюю грунтовую.

Более ранняя курганная часть могильника, изученная раскопками 1956, 2014-2015 гг., расположена на низкой надпойменной террасе (не более 1 м над поймой) левого берега р. Кычдез. Данная часть памятника занимает небольшую округлую в плане возвышенность, ограниченную заболачиваемой поймой. Площадка ровная, ранее распахивалась, вследствие чего остатки курганов (часть из которых изучена В.Ф. Генингом) сохранились только в перелеске, находящемся в восточной части памятника. В настоящий момент, указанная площадка частично используется под покос и частично зарастает сосняком.

Поздняя грунтовая часть могильника, открытая в ходе работ 2016 г., расположена северо-западнее курганной части и занимает восточный склон коренной террасы левого берега р. Кычдез, возвышающегося над поймой на 13-14 м. Площадка ровная с общим уклоном в сторону русла р. Кычдез, ранее также распахивалась, в настоящий момент используется под покос.

На раскопе I в курганной части памятника были изучены два погребения (№№ 54 и 55), остатки курганной канавы (яма № 1) и две ямы (яма № 2 и №3) предположительно являющиеся следами грабительских вкопов, осуществленных в древности (на современной поверхности ямы не читались) (рис. 5).

Погребение № 54 (рис. 6). Могильная яма неправильной формы размером 2,36 на 1,28 м была зафиксирована на глубине -0,30 м от поверхности (-0,61/-0,70 м от единого репера) в виде пятна светло-коричневого суглинка с вкраплениями известковой крошки и углей, ориентированного длинной стороной по линии СЗ-ЮВ. Глубина дна погребения -0,51/-0,59 м от поверхности (-0,87/-0,95 м от репера). По-видимому, погребение было полностью разрушено грабительскими вкопами. Вещевого инвентаря нет. В заполнении могильной ямы обнаружены несколько *фрагментов керамики* и костей человека. Фрагменты керамики коричневые с одной и темно-серные с другой стороны принадлежат лепным сосудам плохого неравномерного обжига с примесью песка в формовочной массе и толщиной стенок 0,7-1,2 см.

Погребение № 55 (рис. 7). Могильная яма подпрямоугольной формы размером 1,60 на 1,01 м зафиксирована на глубине -0,30 м от поверхности (-0,46/-0,54 м от единого репера) в виде пятна светло-коричневого суглинка с вкраплениями известковой крошки и углей, ориентированного длинной стороной по линии СЗ-ЮВ. Глубина дна погребения -0,45 м от поверхности (-0,64 м от единого репера). В погребении расчищены потревоженные останки трех индивидов (двух взрослых и одного ребенка). Судя по положению костей, умершие были уложены на спину, головой на СЗ, руки вытянуты вдоль тела.

Между костей ног *восточного индивида* на глубине -0,59 м от репера (-0,35 м. от поверхности) был расчищен *железный нож*. Нож относится к типу бытовых ножей с резким уступчиком со стороны спинки и лезвия при переходе к черешку. Справа от восточного индивида на глубине -0,59 м от репера (-0,35 м от поверхности) найдена *янтарная бусина*. Бусина относится к типу простых небольших дисковидных бус. Обнаруженный экземпляр имеет скошенную в сечение форму. Янтарные бусы имеют широкую датировку и могут быть отнесены к периоду V-VIII вв. (Русланова, 2014, с.122). Помимо вещей в погребении обнаружено несколько *фрагментов лепного сосуда* плохого неравномерного обжига, коричневых с одной и темно-серных с другой стороны, с примесью толченой раковины в формовочной массе, а также фрагменты керамики аналогичной той, что была обнаружена в погребении № 54.

Яма № 1. Яма подпрямоугольной формы размером 1,69 на 0,78 м была отмечена на глубине -0,30 м от поверхности (-0,54-0,65 м от единого репера) в

виде пятна черного жирного суглинка, насыщенного углями, ориентированного длинной стороной по линии СЗ-ЮВ. Глубина дна ямы -0,58 м от поверхности (-0,85 м от единого репера). Вдоль условной оси ямы расчищены скопления костей животных (преимущественно зубы лошади?). Южный и восточный края ямы имеют небольшие уступы. В яме обнаружено несколько *фрагментов лепного сосуда* плохого неравномерного обжига, коричневые с одной и темно-серные с другой стороны с примесью песка в формовочной массе, толщина стенок не более 0,5 см. Другого вещевого инвентаря нет. Яма интерпретируется как остатки курганный канавы.

Яма № 2. Яма неправильной подовальной формы размером 1,02 на 0,58 м была отмечена на глубине -0,25 м от поверхности (-0,66/-0,67 м от единого репера) в виде пятна черного жирного суглинка, насыщенного углями. Глубина дна ямы -0,56 м от поверхности (-0,93 м от единого репера). Вещевого материала в яме не обнаружено. Яма интерпретируется как остатки грабительского вкопа, совершенного в древности.

Яма № 3. Яма подпрямоугольной формы размером 1,35 на 0,70 м отмечена на глубине -0,30 м от поверхности (-0,52 м от единого репера) в виде пятна черного жирного суглинка, насыщенного углями, ориентированного по линии СЗ-ЮВ. Глубина дна ямы -0,41 м от поверхности (-0,63 м от единого репера), стенки отвесные. Вещевого материала в яме не обнаружено. Несмотря на то, что форма, размеры и ориентировка разобранной ямы № 3 соответствует погребению, считать ее таковым затруднительно. Не позволяет однозначно отождествить яму № 3 с погребением полное отсутствие в яме костей человека, что при хорошей сохранности костных останков, характерной для памятника, было бы абсолютно нетипично для погребения. Исходя из изложенного, яма № 3 интерпретируется как остатки грабительского вкопа, совершенного в древности.

На площадке раскопа III в грунтовой части памятника было изучено 3 погребения, содержащих останки 3 индивидов (рис. 8).

Погребение № 51 (см. рис. 9). Могильная яма подпрямоугольной формы размером 2,68 на 0,85 м отмечена на глубине -0,30 м от поверхности (+7,70/+7,77 м от единого репера) в виде пятна коричневого суглинка с вкраплениями угля, ориентированного длинной стороной по линии СВ-ЮЗ. Северо-восточную часть погребения перекрывала современная грабительская яма. Глубина дна погребения -0,41 м от поверхности (+7,66 м от единого репера), стенки ямы отвесные. В погребении с частичным нарушением анатомического соответствия расчищены костные останки одного индивида. Судя по положению костей умерший, вероятно, был уложен на спину головой на СВ.

Помимо костных останков в погребении обнаружен сопроводительный инвентарь.

Серебряное височное кольцо, украшенное пирамидками золотой зерни, обнаружено на глубине -0,41 м от поверхности (+7,59 м от репера). Данное височное кольцо относится к отделу колец с литой привеской, тип – с привеской пирамидкой из трех-пяти шариков, отлитых отдельно (по классификации Р.Д. Голдиной – отдел Б, тип 2). Обнаруженный экземпляр является уникальным, поскольку выполнен из двух сплавов благородных металлов. Кольцо височного украшения изготовлено из сплава на основе серебра, шарики зерни из сплава на основе золота. Похожие изделия, только выполненные из одного сплава (серебро или бронза), известны в материалах Щукинского и Аверинского II (VI-IX вв.) могильников. Наиболее ранние находки подобных украшений датируются VIII в. (Перевощикова, 2009, табл. 43).

Железный предмет (стержень) (фр. крючка, иглы?) представлен двумя фрагментами, обнаруженными на глубине -0,38/-0,37 м от поверхности (+7,62/+7,63 м от репера). Предмет представляет собой округлый в сечении стержень диаметром 3 мм, длина первого фрагмента – 4 см, длина второго – 8 см. Один из концов второго фрагмента загнут.

Крупная боченкообразная посеребренная бусина с бесцветным внешним слоем (2 шт.). Первый экземпляр обнаружен на глубине -0,34 м от поверхности (+7,66 м от репера). Сохранность бусины плохая, стекло пористое, расслаивающееся. Диаметр бусины 8 мм, диаметр отверстия – 3 мм, длина тулова – 8 мм. Второй экземпляр обнаружен на глубине -0,47 м от поверхности (+7,60 м от репера). Сохранность бусины плохая, стекло пористое, расслаивающееся. Диаметр бусины – 10 мм, диаметр отверстия – 4 мм, длина тулова – 8 мм. Бусины относятся к типу 3 (по типологии Р.Д. Голдиной) и датируются концом VII-IX вв. (Голдина, Кананин, 1989, с. 69).

Зеленая биконическая бусина из непрозрачного стекла обнаружена на глубине -0,34 м от поверхности (+7,66 м. от репера).

Фрагменты *серебряной монетовидной накладки-подвески*, выполненной из тонкой круглой серебрянной пластины с тисненым орнаментом были обнаружены на глубине -0,43 м от поверхности (+7,61 м от репера). Диаметр накладки реконструируется в пределах 2,8-3,0 см. На краю подвески имеется отверстие для крепления диаметром 2 мм. Подобные накладки-подвески, выполненные из восточных монет, были популярны в VIII-X вв. Образцы с розетковидным орнаментом встречены в материалах X-XI вв. (Крыласова, Белавин, 2008, с. 383)

Фрагменты бронзовой накладки (бляшки) (2 экз.) обнаружены на глубине -0,40 м и -0,33 м от поверхности (+7,64 м и +7,68 от репера соответственно). Оба экземпляра имеют округлую, слегка выпуклую форму, диаметр бляшек реконструируется в пределах 1,4 см.

Бронзовые заклепки (штифты) (9 экз.) обнаружены на глубине -0,39/-0,36 м от поверхности (+7,61/+7,64 м от репера). Подобные изделия использовались для скрепления пластин. Штифты с полусферическими головками были особенно популярны в харинского время, обнаруженные экземпляры имеют квадратные головки и относятся к более позднему периоду.

Железный предмет (фрагмент крючка для подвешивания ножен?) обнаружен на глубине -0,35 м от поверхности (+7,69 м от репера). Похожие крючки найдены на Аверинском II (VI-IX вв.), Агафоновском (VI-IX вв.), Деменковском (VII-IX вв.) могильниках.

Фрагмент лепного сосуда светло-коричневого цвета, равномерного обжига с примесью толченой раковины в формовочной массе, толщина стенок – 0,5-0,7 см, обнаружен на глубине -0,35 м от поверхности (+7,66 м от репера).

Судя по сопроводительному инвентарю, погребение можно отнести к периоду VIII-IX вв.

Погребение № 52 (рис. 10). Могильная яма подпрямоугольной формы размером 2,38 на 0,85 м была отмечена на глубине -0,20 м от поверхности (+7,43/+7,52 м от репера) в виде пятна светло-коричневого суглинка с вкраплениями известковой крошки и углей, ориентированного длинной стороной по линии СВ-ЮЗ. Западную часть погребения перекрывала современная грабительская яма. Глубина дна погребения -0,37 м от поверхности (+7,35 м от единого репера), стенки отвесные. В погребении вне анатомического соответствия обнаружены костные останки человека. По краям могильной ямы фиксируются остатки деревянной конструкции типа рамы.

Помимо костных останков в погребении обнаружен сопроводительный инвентарь.

Височное кольцо с полый привеской шаром обнаружено на глубине -0,28 м от поверхности (+7,36 м от репера). Кольцо относится к подтипу «В» (по классификации Р.Д. Голдиной) – с пирамидками зерни на кольце и в нижней части шара. Обнаруженный экземпляр является уникальным и не имеет прямых аналогий на территории Прикамья – височное украшение выполнено полностью из сплава на основе золота. Золотые украшения однозначно интерпретируются исследователями как импортные вещи (Подосенова, 2009, с. 14). Подобное по конструкции изделие известно на Аверинском II могильнике. Наиболее ранние из известных экземпляров относятся к VIII-IX вв.

Железная накладка (фрагмент крепления колчанного крючка?) обнаружена на глубине -0,30 м от поверхности (+7,34 м от репера) представляет собой железную пластину длиной 6 см и шириной 1,5 см. Пластина имеет в сечении равнобедренный треугольник. Вдоль длинных сторон пластины друг напротив друга идут симметричные округлые выемки, в пространстве между которыми видны следы шпильков, которые крепили пластину к бронзовой основе.

Фрагменты железного предмета (пластина) (3 шт.) обнаружены на глубине -0,27-0,36 м от поверхности (+7,42/+7,35 м от репера). Функциональное назначение не понятно. Один из фрагментов имеет в сечении равнобедренный треугольник.

Черешковые плоские ромбические наконечники стрел с расширением в нижней части пера (2 экз.). Оба экземпляра обнаружены на глубине -0,28 м от поверхности (+7,35 м от репера). Наконечники различаются лишь размерами. Один крупный: общая длина – 15,5 см, длина пера – 10 см, ширина пера – 2,6 см. Второй меньших размеров: общая длина – 10,5 см, длина пера – 7 см, ширина пера – 2,4 см.

Наконечник ремня в виде широкой вытянутой пластины с одним округлым концом и фигурными выемками по бокам обнаружен на глубине -0,32 м от поверхности (+7,37 м от репера). Наконечник изготовлен из бронзы и относится к отделу «Б» типу 2 (по типологии Р.Д. Голдиной) (Голдина, Кананин, 1989, с. 65). Длина пластины – 6,5 см, ширина – 3 см. Наконечник крепился к ремню при помощи штифтов, два из которых были припаяны к обратной стороне изделия, а два пронизывали наконечник насквозь, округлые шляпки штифтов видны на лицевой стороне. Подобные наконечники ремней характерны для комплексов VIII в. (Голдина, Кананин, 1989, рис. 69, 14)

Подквадратная железная пряжка обнаружена на глубине -0,32 м от поверхности (+7,37 м от репера). Пряжка относится к типу 2 (по классификации Р.Д. Голдиной) (Голдина, Кананин, 1989, с. 80). Размеры пряжки 3,5 x 3,5 см, углы округлые, сечение прямоугольное, толщина 2-3 мм. Длина сохранившегося фрагмента язычка – 3,5 см. Аналогии имеются в коллекциях Аверинского II (VI-IX вв.), Щукинского (VI-IX вв.), Русиновского (VIII-IX вв.) могильников.

Бронзовые пронизки со вздутиями средних размеров и продольными прорезями (3 шт.) обнаружены на глубине -0,31 м от поверхности (+7,33 м от репера). Найденные экземпляры относятся к отделу «Д», типу 1, подтипу «г» (по классификации Р.Д. Голдиной). Пронизки представляют собой изделия со сквозными отверстиями для нанизывания на ремешок, как правило, являются составными элементами пронизей, украшающих пояс либо грудь (Голдина, Кананин, 1989, с. 68).

Кресальный кремь и фрагмент трубицы для трута обнаружены на глубине -0,29 м от поверхности (+7,35 м от репера). Кремь имеет с одной стороны следы спекшегося железа и металлических штифтов с округлыми головками. Трубица представлена фрагментом железной пластины согнутой в трубочку диаметром 8 мм, длиной 2,5 см. На территории Прикамья трубицы встречены только на Плесинском могильнике (VII-X вв.) (Крыласова, Подосенова, 2008, с. 91)]

Фрагмент костяной псалии был обнаружен на глубине -0,26 м от поверхности (+7,38 м от репера). Подобные псалии являлись частью двусоставных удилищ со стержневыми псалиями. Обнаруженный фрагмент относится к отделу «В», тип 4 (по типологии Р.Д. Голдиной). Аналогии обнаружены в Бродовском (IV-IX вв.) и Верх-Саинском (VI-VIII вв.) могильниках.

Фрагмент бронзовой обкладки в виде тонкой овально загнутой пластины с расширениями по концам, имеющими сквозные отверстия для крепления, обнаружен на глубине -0,20 м от поверхности (+7,50 м от репера). Ширина пластины с центральной части 4 мм, по краям – 6 мм, диаметр отверстий – 2 мм. Длина сохранившейся части пластины – 6,6 см. Возможно, данная обкладка является частью рукоятки ножа или ножен.

Мелкие *фрагменты тонкой серебряной обкладки* обнаружены на глубине -0,33 м от поверхности (+7,39 м от репера). Фрагменты сильно деформированы, функциональное назначение не интерпретируется.

Фрагмент серебряной псевдовитой гривны, обнаружен на глубине -0,20 м от поверхности (+7,51 м от репера). Обнаруженный фрагмент относится к шейным гривнам глазовского типа. Подобные гривны представляют собой круглый дрот с винтовой нарезкой и круглой, несколько утонченной серединой. Концы гривны чаще всего оформлены в виде граненой головки-колбочки с одной стороны и круглой петли с другой; иногда – две граненные головки (Иванов, 1997, с. 73). Обнаруженный фрагмент изготовлен из сплава на основе серебра по технологии литья по восковой модели, орнаментация имитирует спиральную нарезку (ложновитой), имеет граненую головку на конце. Как отмечает А.Г. Иванов, центр производства подобных гривен находился на р. Чепце, об этом свидетельствует факт их максимальной концентрации на указанной территории. Помимо Прикамья, гривны сходных форм происходят из Волго-Окского региона, а также с территорий Северо-Западной Руси IX-XI вв. (Иванов, 1997, с. 74). Основная часть гривен глазовского типа может датироваться IX – первой половиной XI в., но их появление относится еще к VIII в., а бытование части гривен возможно вплоть до второй половины XI-XII вв. (Иванов, 1997, с. 76).

Рог животного обнаружен на глубине -0,24 м от поверхности (+7,39 м от репера). Зоологическое определение не производилось.

Погребение № 53 (рис. 11). Могильная яма подовальной формы размером 0,88 на 0,60 м зафиксирована на глубине -0,30 м от поверхности (+7,72 м от единого репера) в виде пятна светло-коричневого суглинка с вкраплениями известковой крошки и углей, ориентированного длинной стороной по линии С-Ю. Глубина дна погребения -0,39 м от поверхности (+7,63 м от единого репера), стенки покатые. В погребении расчищены костные останки ребенка, судя по положению костей, умерший был уложен головой на Ю.

Помимо костных останков в погребении обнаружены фрагменты толстостенной лепной *керамики* и вещевой инвентарь.

Посеребренная, с коричневым внешним слоем, боченкообразная одночастная бусина была обнаружена на глубине -0,37 м от поверхности (+7,65 м от репера). Сохранность бусины хорошая. Диаметр бусины – 7 мм, диаметр отверстия – 2 мм, длина тулова – 7 мм. Бусины относятся к типу 7 (по классификации Р.Д. Голдиной) и датируется концом VII-IX вв. (Голдина, Кананин, 1989, с. 69).

Посеребренная с бесцветным внешним слоем одночастная бусина, обнаружена на глубине -0,37 м от поверхности (+ 7,65 м от репера). Диаметр бусины 4 мм, диаметр отверстия – 2 мм, длина тулова – 7 мм. Данные бусы относятся к типу 1 (по типологии Р.Д. Голдиной) и встречаются в комплексах V-IX вв. (Голдина, Кананин, 1989, с. 69).

Фрагменты *посеребренной одночастной бусины с коричневым внешним слоем* были обнаружены на глубине -0,38 м. от поверхности (+7,64 м от репера). Восстановить размеры бусины не представляется возможным. Вероятно, бусина относится к типу 6 (по классификации Р.Д. Голдиной). Как отмечают исследователи, основная масса подобных бус приходится на IX в., хотя отдельные экземпляры известны в VII-VIII вв. Посеребренные бусины, пришедшие на смену золоченым, имеют явно худшее качество (Голдина, Кананин, 1989, с. 69).

Материал полученный в ходе работ 2016 г., а именно открытие на Митинской курганный группе бескурганной части, позволит иначе взглянуть на историческую судьбу пришлого в регион харинского населения. На основании материалов события реконструируются следующим образом. В конце IV вв. мигранты-харинцы, миновав территорию современной Башкирии, появились на территории юга Прикамья. Территории от устья р. Шаква на юге и до устья р. Косьвы на севере были заняты позднеглаголеновским населением (Перескоков, 2013, с. 58). В поисках свободных земель харинцы стали продвигаться на север региона и к VI в. достигли территории современной республики Коми (Шмуратко, 2014). На территории сегодняшнего Коми-Пермяцкого округа Пермского края, практически незаселенного в период раннего средневековья, харинцы оставили многочисленные следы своего пребывания. Картографический анализ позволяет говорить как минимум о шести локальных группах памятников только лишь в рамках Лолого-Кычдеской территориальной группы. Поселившись в северных пределах, харинцы вплоть до VIII в. сохраняли свою уникальную культуру и погребальный курганный обряд. Ситуация, по-видимому, изменилась в VIII-IX вв. – грунтовая часть Митинской курганный группы – является прямым доказательством этого. Аськеев И.В, Аськеев О.В. и Галимова Д.Н. отмечают: «С VIII в. на территорию края в районы Закамья и Предволжья начинает проникать раннебулгарское население из бассейна р. Дон и Приазовья. На территории Волго-Камья они вступали в контакт и смешивались с уграми и другими местными тюркоязычными и финноязычными племенами ... В IX в. печенеги разбили мадьяр, оттеснив их на запад. Остатки мадьярского населения продолжали еще долго существовать среди волжских булгар, впоследствии растворившись в них. Кроме того, печенеги стали нападать на угорские племена Урало-Прикамья. В результате этого прекратили свое существование южная часть ареалов полумской и ломоватской культур... Видимо, миграция и этническая смена населения были вызваны, прежде всего, нестабильностью климата в период со второй половины VII в. до VIII-IX вв., которая наблюдалась на территории Северной Евразии» (Аськеев и др, 2009, с. 69). Обозначенные события вызвали в VIII-IX вв. приток нового населения в северные территории Пермского края, которое, думается, немало поспособствовало смене проживающих там харинцев.

Трудно говорить имел ли место процесс ассимиляции, пока изученные материалы курганной и грунтовой частей Митинской курганной группы не позволяют говорить о плавной трансформации курганного обряда в грунтовой. Грунтовые погребения Митинской курганной группы отличаются не только отсутствием надмогильных насыпей, но и ориентировкой погребений относительно сторон света (для курганных захоронений устойчивой является север-западная ориентировка, в то время как для грунтовых – северо-восточная). Хочется надеяться, что эти вопросы удастся решить в ходе дальнейшего изучения памятника.

Литература:

Абдулова, 2014. – Абдулова С.И. Отчет о выполнении работ по государственному контракту № 72 от 10 июня 2014 г. «проведение мониторинга состояния объектов археологического наследия Пермского края, расположенных на территории Коми-Пермяцкого округа» (в двух томах). Том I. Текстовая часть. Приложения: Полевая коллекционная опись, краткие сведения об объектах исследования. Пермь, 2014 // Архив Лаборатории археологической трасология, антропологии и экспериментальной археологии ПГГПУ.

Аськеев и др, 2009 – Аськеев И.В, Аськеев О.В. и Галимова Д.Н. Природная среда и человек в Волго-Камье и Предуралье (поздний палеолит – средневековые) // Среднее Поволжье и Южный Урал: человек и природа в древности. Казань, 2009. С. 32-112.

Белавин, Крыласова, 2008 – Белавин А.М., Крыласова Н.Б. Древняя Афула: археологический комплекс у с. Рождественск. Пермь: ПГПУ-ПФ ИИиА УрО РАН, 2008. 603 с.

Голдина, Кананин, 1989 – Голдина Р.Д., Кананин В.А. Средневековые памятники верховьев Камы. Свердловск, 1989. 215 с.

Еговкина, Стоянов, 1957 – Еговкина Л.М., Стоянов Б.Е. Отчет об исследовании археологических памятников на территории Юкеевского с/с Кочевского района и Чазевского с/с Косинского района Коми-Пермяцкого округа. 1956 // Архив Коми-Пермяцкого краеведческого музея им. П.С. Субботина-Пермяка. Ф. 926, о. 1, д. 8

Иванов, 1997 – Иванов А.Г. Этнокультурные и экономические связи населения бассейна реки Чепцы в эпоху средневековья (конец V – первая половина XIII в.). Ижевск, 1997. 309 с.

Крыласова, Подосенова, 2008 – Крыласова Н.Б., Подосенова Ю.А. Материальная культура средневекового Предуралья. Часть I. Культура жизнеобеспечения. Пермь, 2008. 175 с.

Мингалев, 2006 – Мингалев В.В. Дольные ножи // Вестник музея археологии и этнографии Пермского Предуралья. Вып.1. Пермь: ПГПУ, 2006. С. 112-119.

Перевощикова, 2009 – Перевощикова С.А. Височные украшения Верхнего Прикамья конца IV - IX вв. Дис. ... к.и.н. Ижевск, 2009. 218 с.

Перескоков, 2013 – Перескоков М.Л. Территория и локальные варианты позднего этапа гляденской культуры в Пермском Прикамье // Вестник Пермского университета. Серия: История. Выпуск № 1 (21) / 2013. С. 58-66.

Подосенова, 2009 – Подосенова Ю.А. Височные украшения населения Пермского Предуралья в эпоху средневековья. Автореферат дис. ... к.и.н. Казань, 2009. 26 с.

Русланова, 2014 – Русланова Р.Р. Бусы могильников Уфимско-Бельского междуречья III-VIII вв. Дис. ... к.и.н. Казань, 2014. 218 с.

Талицкая, 1952 – Талицкая И.А. Материалы к археологической карте бассейна р. Кама // Материалы и исследования по археологии Урала и Приуралья. Вып. IV. М.: Из-во АН СССР, 1952. 225 с.

Шмуратко, 2012 – Шмуратко Д.В. Курганные могильники харинского типа в Верхнем Прикамье в контексте культурно-исторических процессов эпохи Великого Переселения народов. Дис. ... к.и.н. Казань, 2012. 232 с.

Шмуратко, 2014 – Шмуратко Д.В. Могильники «харинского» типа с территории Северного Приуралья (или еще одна попытка поиска «угорского следа») // Вестник археологии, антропологии и этнографии. Выпуск № 3 (26) / 2014. С. 66-72.

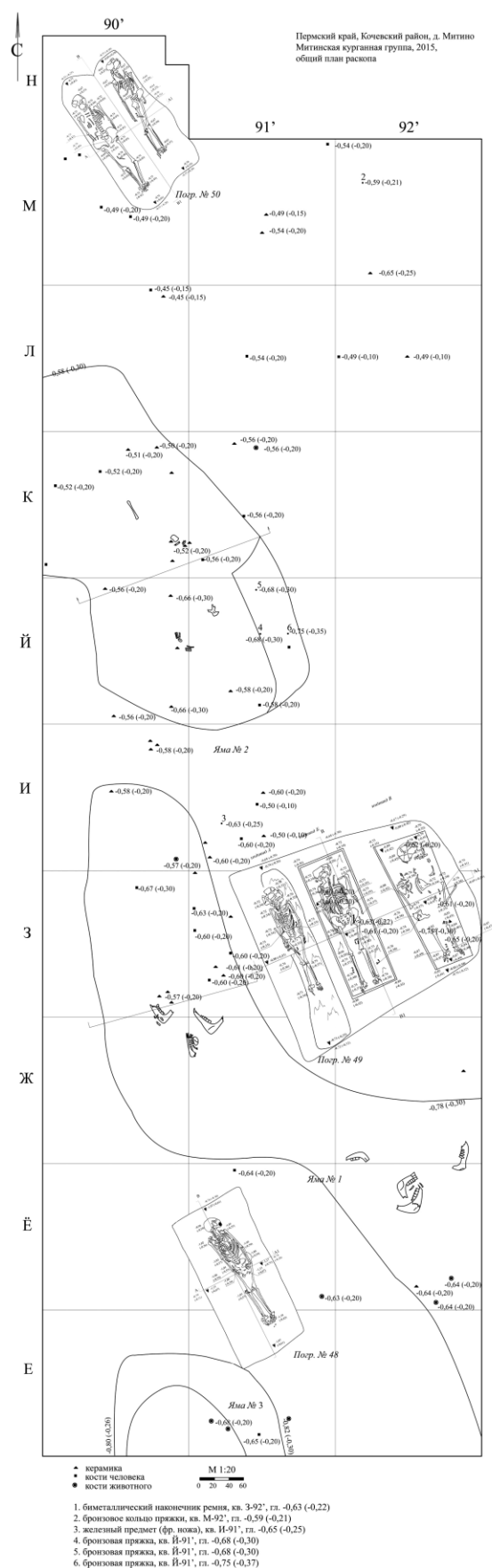
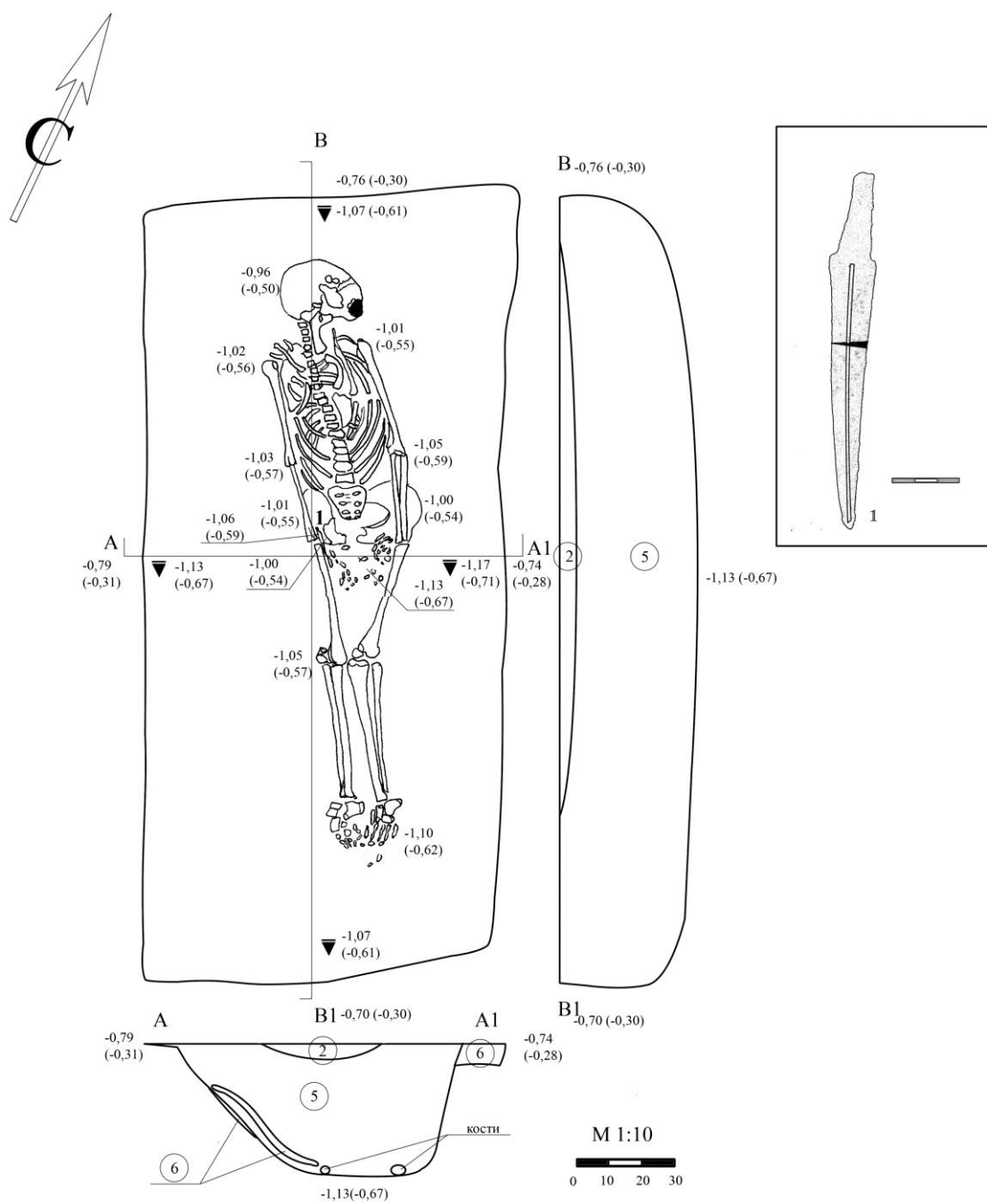

Рис.1. Митинская курганная группа (курганная часть), план раскопа 2015 г.

1. Железный нож гл. $-1,06 (-0,59)$

Рис. 2. Митинская курганная группа (курганная часть), погребение № 48

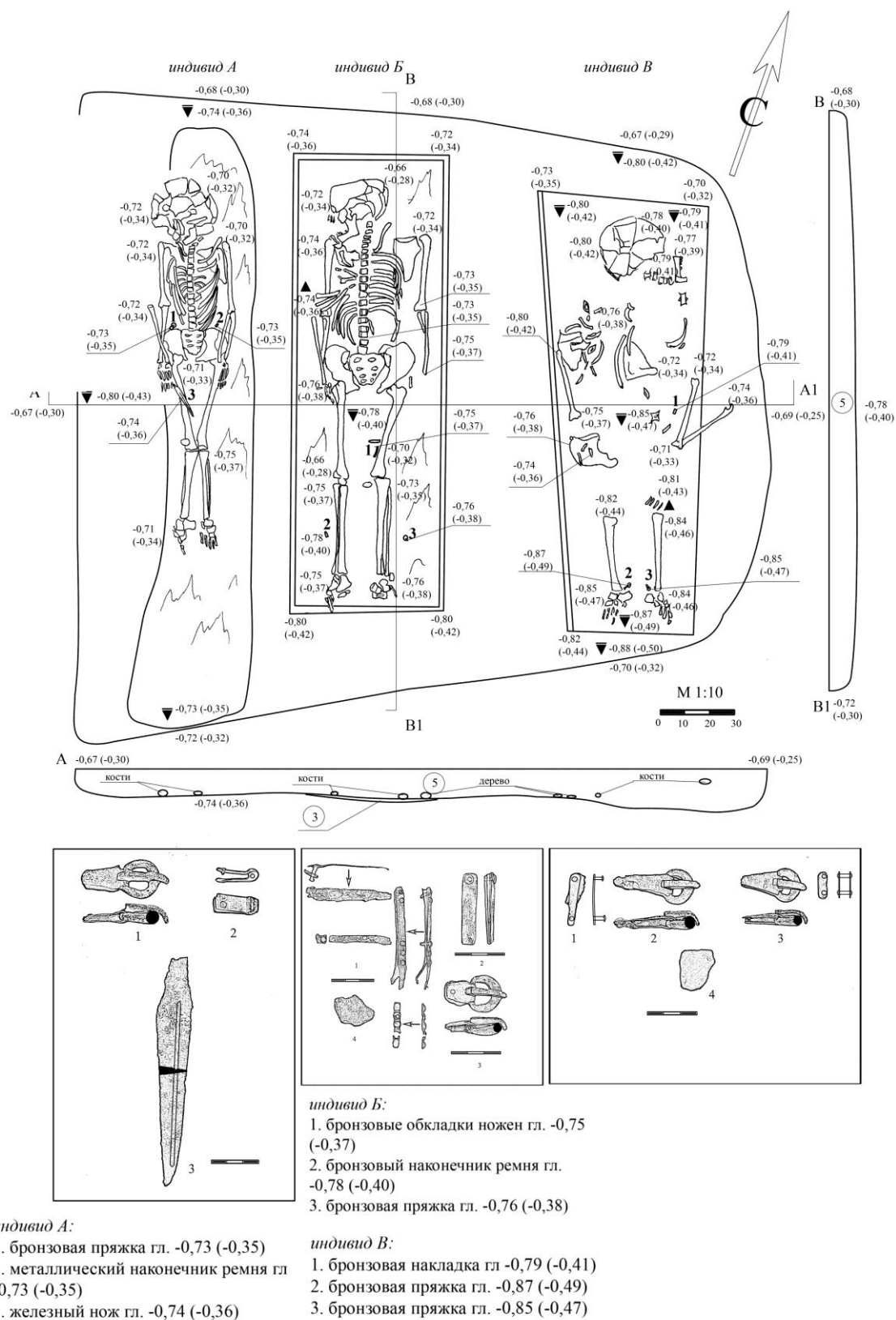
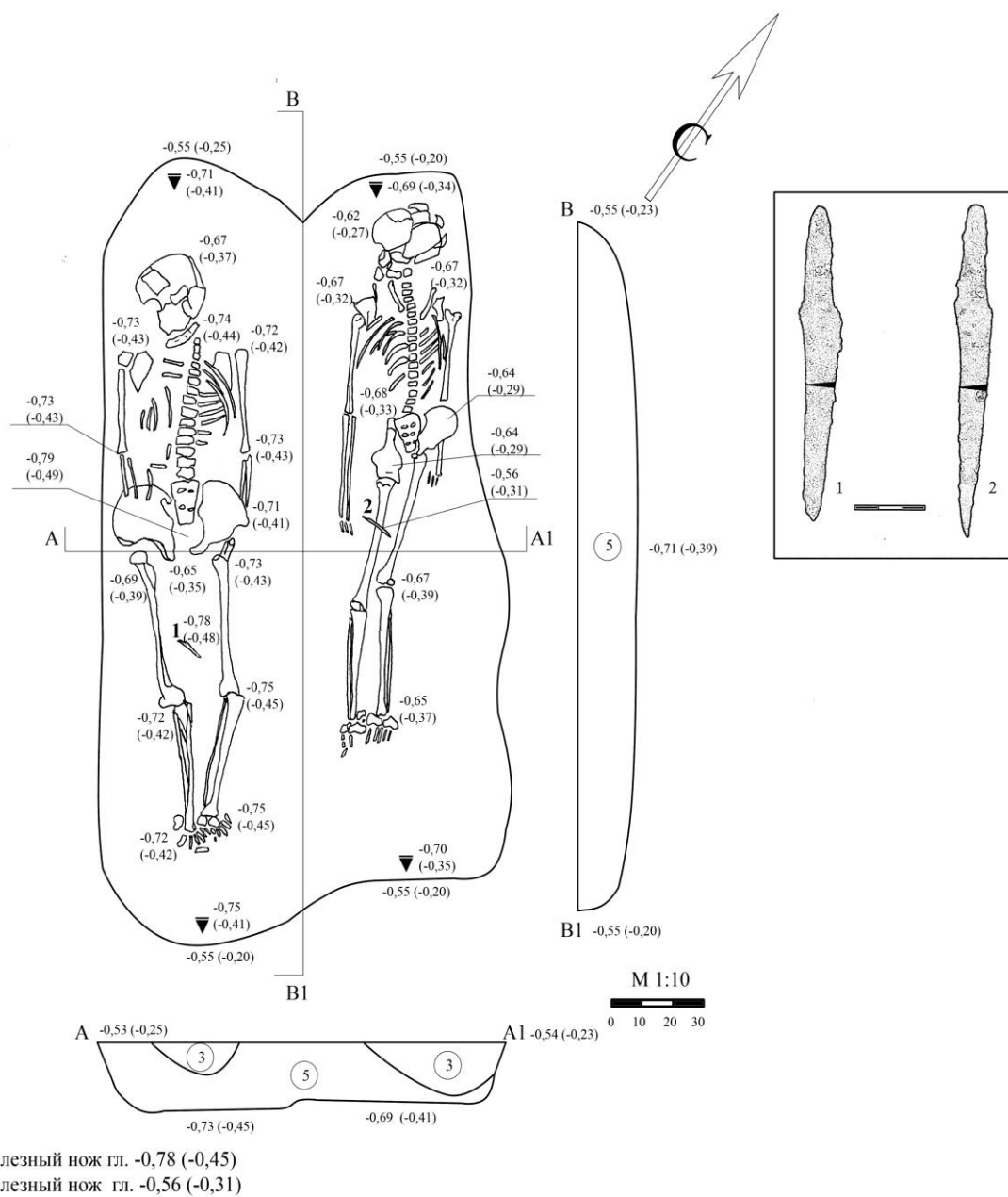
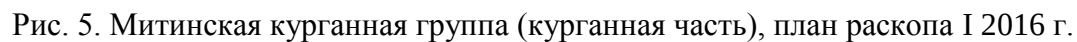

Рис. 3. Митинская курганная группа (курганная часть), погребение № 49

Пермский край, Кочевский район,
курганная группа у д. Митино, 2016
раскоп I (курганная часть)
погребение № 54,
индивидуальный план

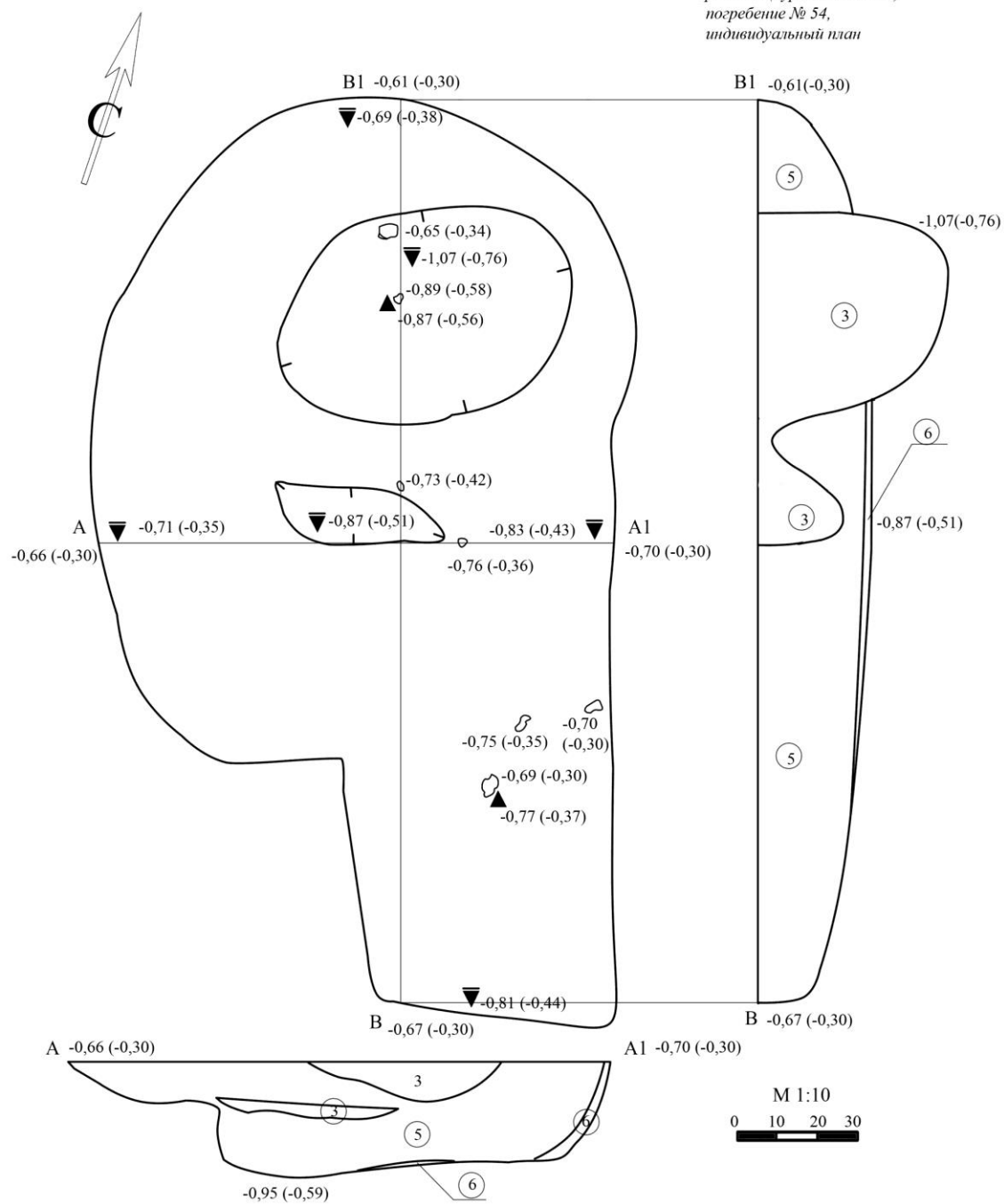

Рис. 6. Митинская курганная группа (курганная часть), погребение № 54

Пермский край, Кочевский район
курганная группа у д. Митино, 2016
раскоп I (курганная часть)
Погребение № 55,
индивидуальный план

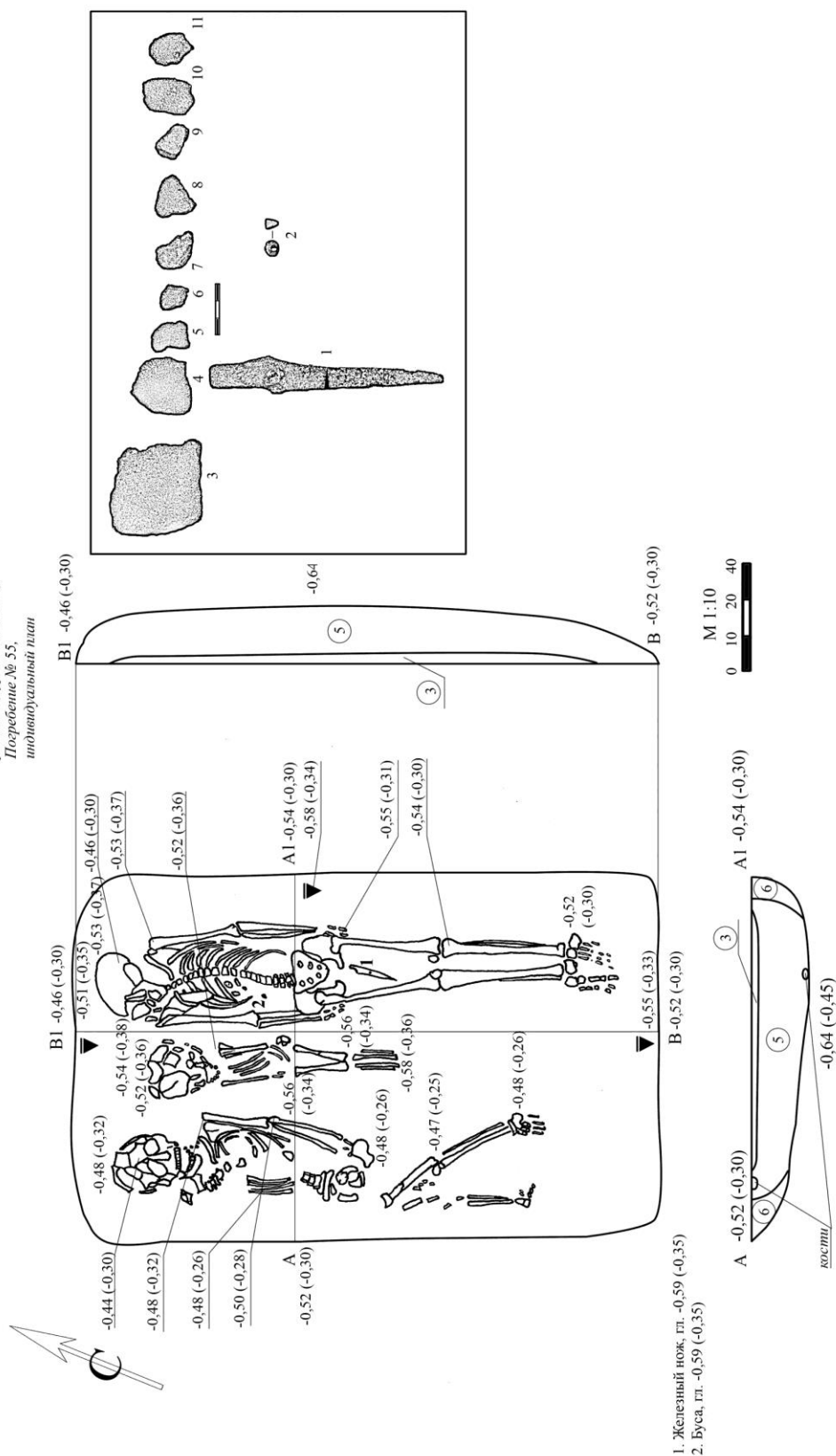

Рис. 7. Митинская курганная группа (курганная часть), погребение № 55

Пермский край, Кочевский район,
курганная группа у д. Митино,
раскоп III (грунтовая часть),
итоговый план раскопа

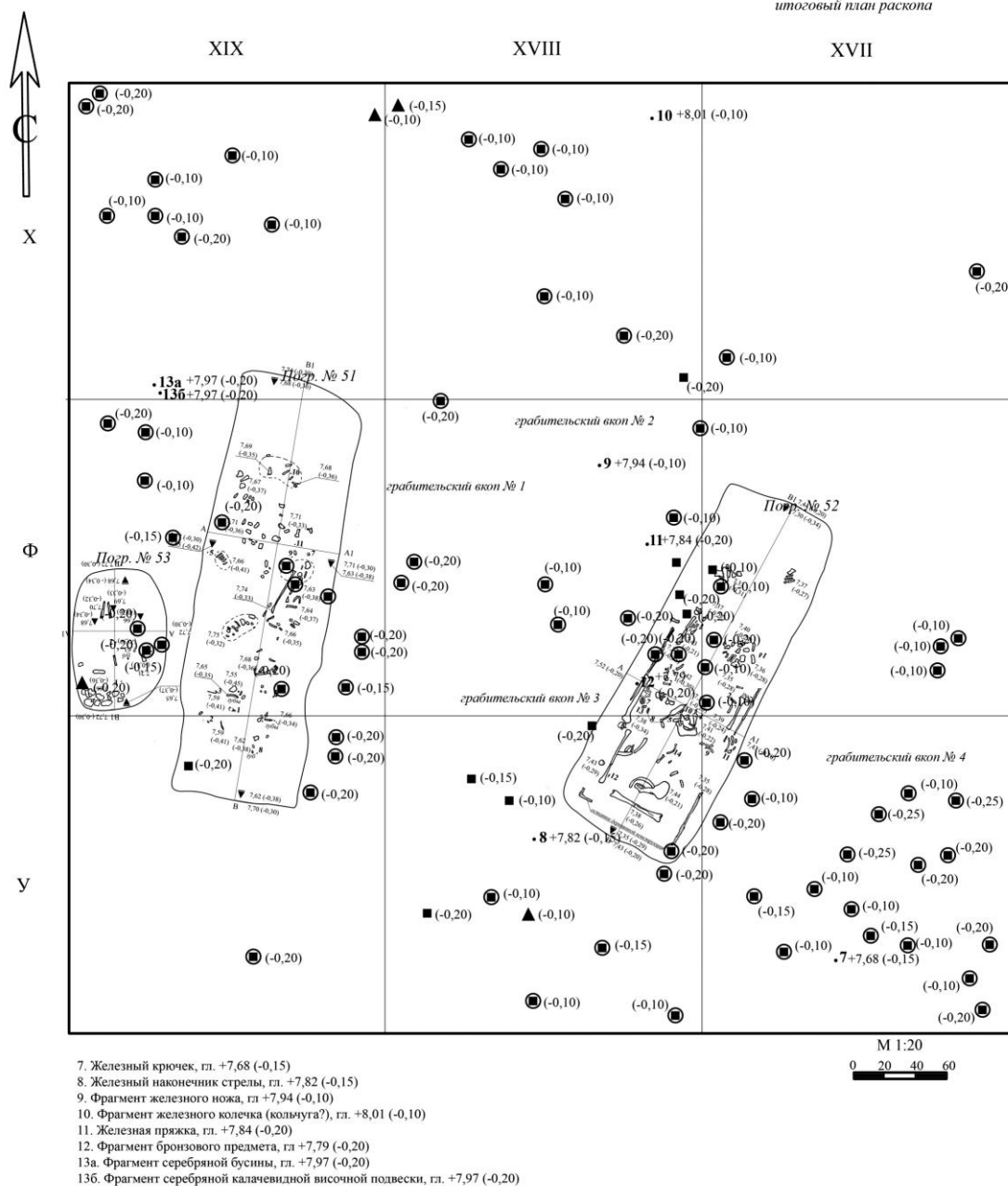

Рис. 8. Митинская курганная группа (грунтовая часть), план раскопа III 2016 г.

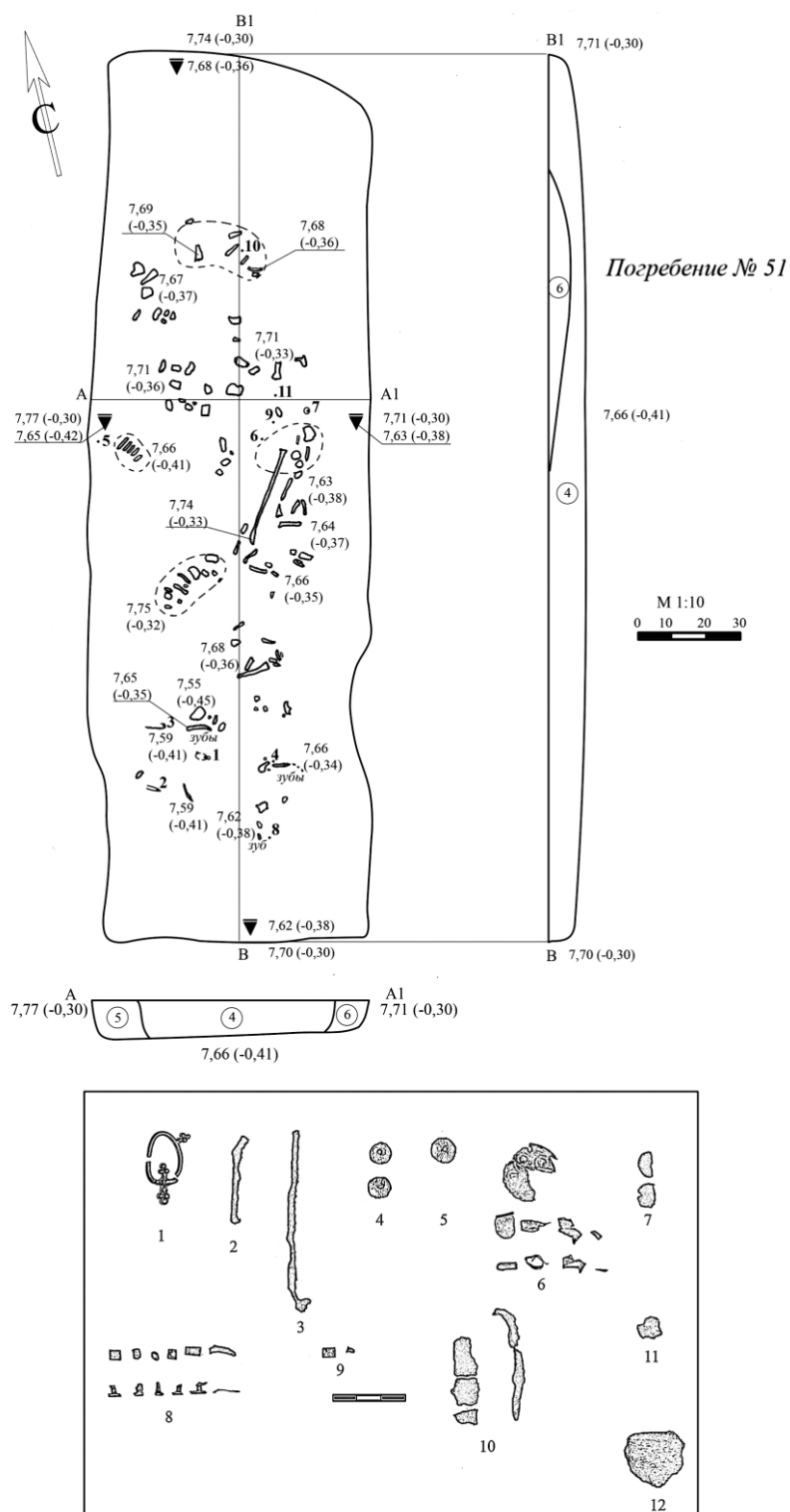

Рис. 9. Митинская курганный группа (грунтовая часть), погребение № 51

Пермский край, Кочевский район
курганная группа у д. Митино, 2016
раскоп III (грунтовая часть)
погребение № 52,
индивидуальный план

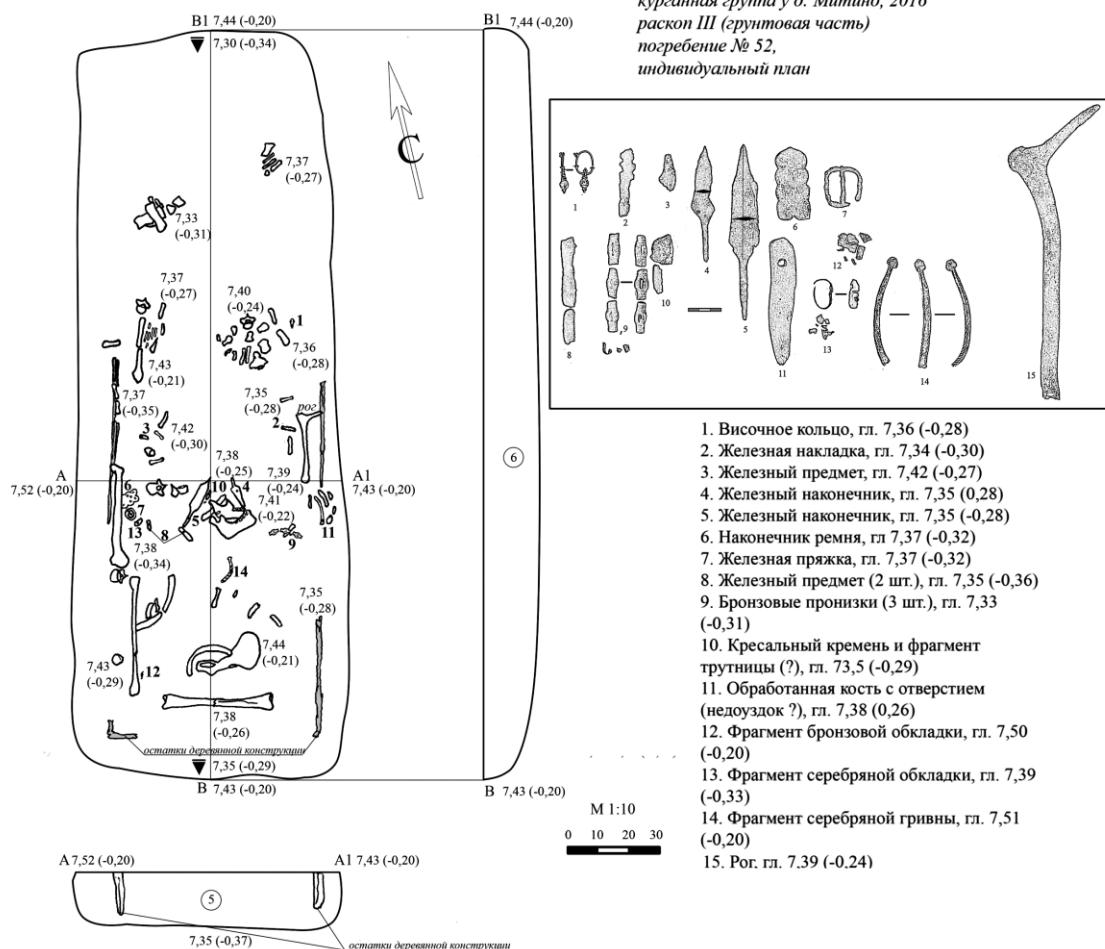

Рис. 10. Митинская курганная группа (грунтовая часть), погребение № 52

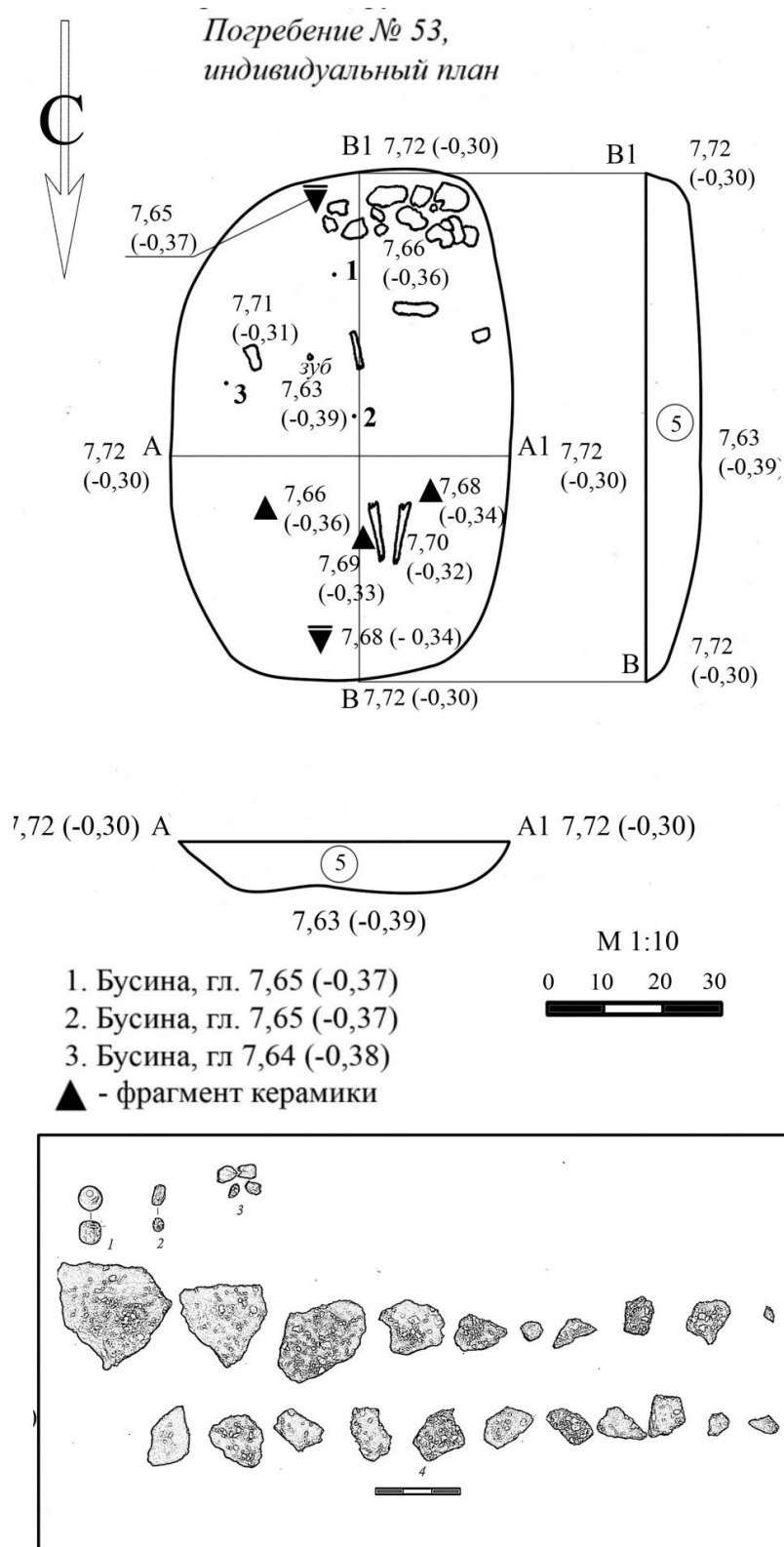

Рис. 11. Митинская курганная группа (грунтовая часть), погребение № 53

Список сокращений:

АН СССР – Академия наук Союза советских социалистических республик
АСГЭ – Археологический сборник Государственного Эрмитажа
БГПУ – Башкирский государственный педагогический университет
БКИЧП – Бюллетень комиссии по изучению четвертичного периода.
ВАУ – Вопросы археологии Урала
ВДИ – Вестник древней истории
ГАИМК – Государственная Академия истории материальной культуры
ГИМ – Государственный исторический музей
ИА РАН – Институт археологии Российской академии наук
КА ПГПУ – Кабинет археологии Пермского государственного педагогического университета
КА ПГУ – Кабинет археологии Пермского государственного университета
КАЭ ПГУ – Камская археологическая экспедиция ПГУ
КАЭЭ ПГГПУ – Камская археолого-этнографическая экспедиция ПГГПУ
КНЦ – Коми научный центр
КСИА – Краткие сообщения о полевых исследованиях Института археологии АН СССР (РАН)
КСИИМК – Краткие сообщения Института истории материальной культуры
ЛГУ – Ленинградский государственный университет
М.-Л. – Москва – Ленинград.
МАР – Материалы по археологии России
МарГУ – Марийский государственный университет
МарНИИ – Марийский научно-исследовательский институт
МГУ – Московский государственный университет
МИА – Материалы и исследования по археологии СССР
НМРТ – Национальный музей республики Татарстан
ПВЛ – Повесть временных лет
ПГПУ (ПГГПУ) – Пермский государственный педагогический университет, Пермский государственный гуманитарно-педагогический университет
ПГУ (ПГНИУ) – Пермский государственный университет, Пермский государственный национально-исследовательский университет
ПКМ – Пермский краевой музей
ПОКМ – Пермский областной краеведческий музей
РА – Российская археология.
СА – Советская археология
САИ – Свод археологических источников
СГЭ – Сообщения Государственного Эрмитажа
СКМ – Соликамский краеведческий музей
СПб. – Санкт-Петербург.
СПбГУ – Санкт-Петербургский государственный университет
СЭ – Советская этнография
ТКИЧП – Труды комиссии по изучению четвертичного периода.
ТПУАК – Труды Пермской ученой архивной комиссии.
УДИИЯЛ УрО РАН – Удмуртский Институт истории, языка и литературы Уральского отделения Российской академии наук
УЗ ПГУ – Ученые записки Пермского государственного университета.
УрГУ – Уральский государственный университет
УрО РАН – Уральское отделение Российской академии наук

**ТРУДЫ КАМСКОЙ АРХЕОЛОГО-ЭТНОГРАФИЧЕСКОЙ
ЭКСПЕДИЦИИ
Выпуск XI**

**Противоаварийные исследования памятников археологии
Пермского края**

Сборник научных трудов

На обложке – деревянный гребень из погр. № 279 Баянского могильника

Издание зарегистрировано в Российском индексе научного цитирования (РИНЦ)

Р е д к о л л е г и я :

Белавин Андрей Михайлович (отв. редактор серии)
Крыласова Наталья Борисовна (отв. редактор выпуска)
Лычагина Евгения Леонидовна
Подосенова Юлия Александровна
Сарапулов Алексей Николаевич

Издается в авторской редакции.

*Авторы несут полную ответственность за достоверность приводимых сведений,
цитирования и использованных иллюстративных материалов*

Перевод на английский язык: О.Цисарь

Согласно Федеральному закону от 29.12.2010 № 436-ФЗ
"О защите детей от информации, причиняющей вред их здоровью
и развитию", книга предназначена "для детей старше 16 лет"

ИБ № 773

Свидетельство о государственной аккредитации вуза
№ 0902 от 07.03.2014

Изд. лиц. ИД № 03857 от 30.01.2001

Подписано в печать 25.12.2016. Формат 60х90 1/8
Бумага ВХИ. Печать на ризографе. Гарнитура «Таймс».
Усл. печ. л. 24,8. Уч.-изд. л. 24,5.
Тираж 200 экз. Заказ №

Редакционно-издательский отдел
Пермского государственного гуманитарно-педагогического университета
614990, г. Пермь ГСП, ул. Сибирская, 24, корп. 2, оф. 71,
тел. (342) 238-63-12, факс (342) 212-70-19

Отпечатано